

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА   1947   ЛЕНИНГРАД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

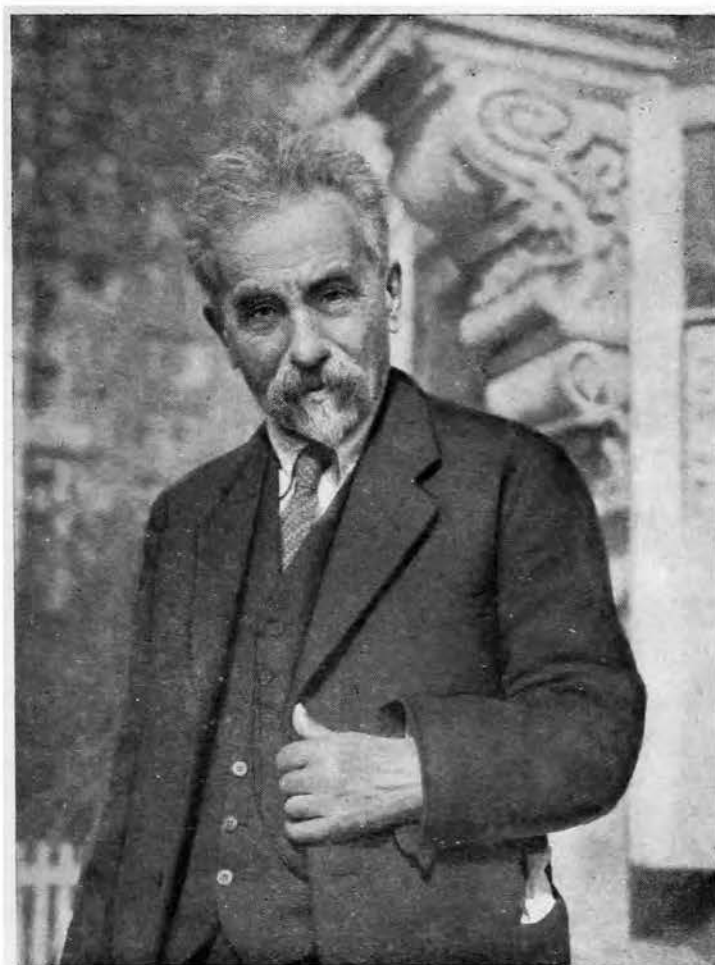
Ответственный редактор чл.-корр. *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

С. Н. Бибиков, С. В. Киселев,
А. Л. Мокшайт, С. А. Тараканова

*ПАМЯТИ
НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧА
МАРРА*

Н. Я. МАРР
(1864—1934)

АН СССР и ЛГУ, посвященного десятой годовщине со дня смерти Н. Я. Марра, а также статьи и сообщения по вопросам древнейшей истории Кавказа, Причерноморья, Поволжья, Сибири и Средней Азии.

Научный коллектив созданного Николаем Яковлевичем Института истории материальной культуры должен развивать и углублять то, что оставил после себя этот великий ученый — его творческую мысль, его научные искания.

І. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Н. Я. МАРРА

АЛБАНСКАЯ НАДПИСЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последние годы, в особенности за годы Великой Отечественной войны, в Дагестане значительно возрос интерес к его истории, к историческим данным, вскрывающим пережитую веками культурную жизнь его народов.

В числе таких материалов обратили на себя особое внимание обнаруживаемые за последние годы памятники древней письменности. Эти памятники представляют собою тексты, начертанные на камнях буквами древнегрузинского письма, полностью нечитаемые на современном грузинском языке.

Судя по внешнему виду, эти тексты, бытовавшие в стране до монгольского нашествия, еще тесно связаны с христианским культом. Отсюда, а также по палеографическим особенностям письма, можно прийти к выводу, что означенные памятники относятся к XIII—XIV, а может быть, и к более ранним векам.

Один из таких памятников, хранящийся в Махач-Кале имеет вид каменного креста, покрытого знаками древнегрузинского письма. Другой памятник — это обломок камня с сохранившимся на нем изображением христианского креста. Камень покрыт такими же буквами. В аулах Дагестана и даже в его городских центрах можно найти аналогичные предметы.

Предварительный разбор надписи, произведенный в 1944 г. проф. Н. Ф. Яковлевым и проф. Микаиловым, дает основания видеть в интересующих нас текстах древнеаварскую письменность. За это говорит часто встречающееся окончание имен на характерную гласную „о“, близость отдельных слов к аварским, с некоторым их фонетическим изменением, что объяснимо историей развития языка, и т. п. Надписи начинаются и кончаются стереотипными воззваниями христианского культа (обращениями к святому кресту, богу, отдельным святым и т. п.), обычными для грузинских текстов.

Эти памятники представляют исключительно интересный материал для историка Дагестана и даже всего Кавказа. Дальнейшее собирание и дальнейшее изучение их является первоочередной задачей каждого интересующегося историей этого замечательного края, сыгравшего такую видную роль в истории народов Кавказа.

Такой же памятник, тоже на камне, со знаками того же древне-грузинского письма и явно относящийся к тому же историческому периоду, был обнаружен в 1923 г. экспедицией проф. Н. Ф. Яковлева. Камень был доставлен академику Н. Я. Марру и обратил на себя исключительное внимание этого крупнейшего исследователя Кавказа. Н. Я. Марр в деталях изучил доставленный ему памятник как с археологической, так и с лингвистической стороны. К сожалению, его интереснейшее исследование осталось неопубликованным.

Если оставление названной работы Н. Я. Марра без ее публикации привело в свое время к снижению интереса к этим исключительно значимым историческим материалам, если, в связи с этим, поиски других аналогичных памятников и работа над их дешифровкой приостановились, то в настоящее время, при возросшем внимании к истории края, авторитетное слово выдающегося советского ученого, стяжавшего себе мировое имя, явится сильнейшим стимулом к усилению и ускорению работ в намеченном им направлении.

Мы публикуем доклад Н. Я. Марра без каких-либо изменений, и, конечно, следует иметь в виду, что он был написан еще в двадцатых годах, когда Н. Я. Марр только что начинал построение своей новой историко-лингвистической концепции.

Акад. И. И. Мещанинов

ДОКЛАД АКАДЕМИКА Н. Я. МАРРА¹

Этот фрагмент надписи на камне найден экспедицией Н. Ф. Яковлева в Дагестане минувшим летом (1923). Село названо Орода (Eugòda) в *hiddaḥ* (на карте Хорада близ Аварского койсу в Гунибском округе). Н. Б. Бакланов дополнительно сообщил, что камень был найден в кладке стены и что в Дагестане экспедицией зарегистрировано немало обломков памятников христианского зодчества, в большинстве позднейших, но больше ни одного куска надписи.

К фрагменту надо подойти с осторожностью как к одному из видов использования грузинского церковного письма в памятниках *не грузинской речи*, а вообще северокавказских языков, в пределах не только Дагестана, но и Чечни. А. А. Миллер привез снимки надписей грузинскими буквами на глиняных сосудах, хранящихся в музее г. Орджоникидзе, а также на черепице; И. А. Орбели в надписи на черепице усмотрел иранское имя *Goderz*, а литература в Дагестане и прилежащих странах (в Албании) нам в старину известна лишь христианская.

Об обращении кавказских горцев в христианство у нас есть два независимых источника: один — сирийский, другой — армянский. Армянский историк Моисей Каланкатуйский, помимо списка патриархов Албании с доведением его до одного из учеников епископа Фаддея, Елисея (Елишау), дает отдельные реальные сведения. Так, изгнанный из Албании блаженный Израэль чудотворец, епископ Мецкогманца, обращает в христианство много хазарских и хонских стран. С ним в изгнании был и Элиазар, епископ Гардмана. Но еще первый предполагаемый апостол горных стран Елисей (Елиша) есть просветитель чорайев (*ḡor-ay* ← *ḡor-ag), лбинов (лыбинов) и албанов. Титулатура албанского католика со времени

¹ Печатается по рукописи кабинета Н. Я. Марра А. 2419. Статья является текстом доклада, читанного Н. Я. Марром на соединенном заседании ГАИМК (ныне ИИМК АН СССР) и ЯИ (ныне ИЯМ) в январе 1924 г. По дополнительному сообщению Н. Б. Бакланова, камень с надписью был найден фотографом экспедиции во внутренней стене башни кровников, причем надпись была в перевернутом виде.

владыки Аббаса (в половине VI в.) была: „католикос албанов, лбинов и чорайев“. При предшественнике, владыке Иеремии, албанское письмо изобретает Месроп, изобретатель письма армянских и грузинских. Десятый царь Албании Вачаган Благочестивый один построил на востоке столько церквей, сколько дней в году.

Судя по названиям, мы возвращаемся в круг яфетических народов Северо-восточного Кавказа. Имею в виду не только чорайев, или *čor-a'g'ov*, лбинов и албанов, т. е. по названиям сарматов, пеласгов, или лезгин, и аланов, но хазаров, или касов, и *hoнов*. Теперь удается разъяснить и несколько переданных от них слов.

Таким образом, появление письменного памятника на одном из языков Албании нас поразило бы меньше, чем то, что мы не знаем до сих пор ни одной строки. И если находка Дагестанской экспедиции на одном из языков Албании, то спрашивается — на каком: *hoнском*, чорском, албанском, или аланском, хазарском, или хазском, каспском, лбинском, или этрусском, пеласгском, лезгинском или, наконец, специально аланском? Это было бы затруднительно установить, если бы даже откопанный фрагмент читался и понимался. Кроме того, текст писан грузинским заглавным церковным письмом, но отнюдь не архаичным, следовательно, это нас разлучает с эпохой, когда мы могли думать о хазарах или сарматах, или лбинах — яфетидах.

Как-никак, надо реагировать на текст, хотя бы поддержать интерес исканий, так как письменный язык в Албании действительно был. В моей работе о сборниках притч Вардана приводится характеристика одного из албанских писателей, католикоса Виро, по армянскому историку Моисею Утийскому, с предположительным замечанием, что Виро мог быть писателем не армянским, а албанским. Трудно иначе себе представить албанского католикоса, про которого читаем не только то, что „Виро, талантливый и мудрый муж, сильный в научных вопросах, владел языком, как стенограф пером, при произнесении содержательных речей и в осмысленных беседах с царями и вельможами“, но и то, что „доступная его беседа пленяла сладостью слух простого народа и разношерстной толпы, когда он излагал пространные речи, равные словам мудрецов и их изречениям (*aṛak'am*). Слагал и сочинял Виро притчи (*aṛak'i*) своими устами, точно вправлял жемчуг в золото, особенно потому, что он искусился в переводе [с] персидского языка в продолжение двадцати пяти лет“.¹ На албанском языке, вероятно, была литература независимо от церковных памятников. Если бы албанские памятники дошли до нас, быть может, мы не были бы так беспомощны при чтении армянского историка Моисея Каланкатуйского, или Утийского, насыщенного длинным рядом *յաջ լեզուբնա*, совершенно непонятных из армянского языка слов.

Надпись в 4 строки (рис. 1), быть может, с продолжением справа, отбитым. Если этого нет, то справа все-таки нехватает букв или частей букв. Если в такой мере надпись цельна, то можно усмотреть некоторые связи ее с северокавказскими языками даже в том случае, если это голый перечень личных имен в большинстве на „-о“. *Giṃ-o*, *Va-o*, или *Vaḡ-o*, *Oloṃ-o* (быть может, и *Naṛ-o*).

У албанцев имена с гласным исходом на „-о“ были излюблены: *Šer-ou*, *Θar-ou*, *Dad-ou*, *Aq-ou*. На излюбленности этого окончания „-о“, или „-ou“ основано то, что албаны легко усваивали в этом смысле созвучные иранские имена, хотя бы в них „-о“ вовсе не было окончанием. Так, *Vi-rō*, в подлинных местных названиях „-о“ (← -ou),

¹ Н. Я. Марр. Сборники притч Вардана, ч. 1, СПб., 1899, стр. 512; по Моисею Утийскому, II, 14, московское изд., 1860 г., стр. 117—118; ср. перевод К. П. Патканова, стр. 117.

пережиток окончания -ог (ср. арм. Paг-оуг, Vэг-оуг, с суффиксом -оуг из -ог-), где -ог, пережиток слова со значением 'дтѣя', есть эквивалент по смыслу слова и окончания -tan||-ten → -ճan ||-ճen как в личных именах, так в племенных названиях. В личных именах Vэг-ճan-es, Ul-ճan-es (← Ur-ճan-es) и т. д. Таким образом, Vэг-ճan — это по смыслу то же, следовательно, что Vэг-оуг, по основе идентичное с vэг-an 'шатер',

Рис. 1. Албанская надпись

где, мы знаем, основа vэг-, или ur- значит 'небо [-вода]'.¹ Имена Vэг-an Vэг-оуг, Ul-ճan, следовательно, одинаково значат 'неба дтѣя', или 'Геркулес' и др.

Из слов на „о“ в нашей надписи толкованию поддается слово, переходящее со второй строки на третью, — va[ ]o. В конце последней строки имеется vađ без двоеточия за последней буквой, т. е. недописанное слово, продолжавшееся, повидимому, в пятой, отбитой, строке. Не дописана, думаю, буква „о“ (Q), перенесенная на следующую строку, так же как со второй строки то же самое слово, как оно восстанавливается нами, перебрасывает то же „о“ (Q) в третью строку.

Это vađo не трудно было бы истолковать в смысле термина родства на одном из местных языков или в значении 'сына' (аварск. vash и его разновидности в андо-дидойских языках) с подъемом s в đ, или в значении 'брата' (аварск. wađ и его разновидности в ряде андо-дидойских языков, в куандатл. vas).

¹ [Ср. N. Marr. Quelques termes d'architecture désignant 'voûte', ou 'arc', ЯС, т. II, стр. 137—167; русск. пер. — ИР, т. III, стр. 215; см. также „Что говорит язык по истории материальной культуры“, сб. „Язык и история“, I, Л., 1935, стр. 137].

От этих терминов родства, как уже выяснялось в печати,¹ происходят албанские имена *Vađë, Vađagan, Vasak* и др., сохраненные армянами, отчасти привившиеся и им. Но в нашем тексте, если и можем допустить термин родства, то только 'сын', и то лишь в культовом смысле 'сына неба' или 'бога' и т. п. Но именно в действительно культовом значении *vađ-o* (собственно его основа *vađ-*) представляет значительный интерес по сохранности его в осетинской живой старине. У осетин этот термин употребляется слитно с именами христианских или принимаемых за христианских святых, прикрывающих языческие божества: *Wađ-nikolaui* 'бог Николай', *Wađ-illa* 'бог Илла' (или, как толкуется, 'Илья'), *Was-tərđi* 'бог тырджи' (или, как толкуется, 'Георгий'). „Такое сочетание слова „*уац*“ с именами христианских святых заставляет предполагать, — писал еще В. Ф. Миллер, — что оно означало, вероятно, 'святой'“.² В. Ф. Миллер констатировал,³ что значение этого слова *wađ* ↘ *was*⁴ „в настоящее время осетинам неизвестно“.⁵ Между тем, в народном (конечно, из доистории пережиточном) культе термин очень распространен. Его отметил еще В. Ф. Миллер в „имени дзуара *уасхо*“. Это известный тотемный яфетический бог древнего кавказского племени *басилов*, равно *бацбиев*, ныне представляющих своей речью один из народов чеченской группы, именно *тушов*, или *цова-тушов*. Имеются случаи тотемного употребления этого племенного названия и в значении определенного зверя и в значении светила. Но в осетинском его действительно необходимо толковать в приведенных примерах в связи с различными представителями языческого пантеона, частью христианизованными, в смысле общего понятия 'бог', даже 'святой'. Это обычный путь развития значений в яфетических языках: 'бог', 'святой', 'чистый' и т. п. В аварском 'святой' *ши-қ* — заимствованный термин. Но наш *wađ* ← *wał* налицо с потерей начального полугласного губного, как в слове 'серебро' *агаđ*, в глаголе с префиксом *b-* — *b-ał-* *in-e* 'чистить', *b-ał-ad* 'чисто' и т. п. Мы, таким образом, входим в самую глубь общественно-религиозных, разумеется, языческих представлений северокавказских яфетидов.

При таком подходе от яфетической культуры до христианской в надписи (вторая строка) выступает как большой соблазн бесспорно ясный термин *gıto* (восходящий к **gıtor* || *ge-mo^rr¹*) — скрещенное образование из элементов АВ, усеченно представленное у сванов в виде *gıp* в значении 'земля'. Собственно это космический термин *ge^tm^or¹* ← *gı^tm^or¹* в восприятии его как трехплоскостного, т. е. 'верхнего неба' (нашего 'неба'), 'нижнего неба' (нашей 'земли'), 'подземного неба' (нашей 'преисподней', или 'загробного мира'). Суффикс *-o* ← *-or* — окончание множественного числа, одновременно и ласкательной формы. Собственно, как было сказано, это слово, означающее 'дитя', 'дети'. У сванов за словом *gıp* закрепилось значение 'нижнего неба', т. е. 'земли'. Но у большинства яфетических народов не только на Кавказе, но и в средиземноморском мире *gıp-o^rr¹* (→ *qıp-* || *gem-o^rr¹*) означало наше 'небо', буквально 'небеса', и его семантические дериваты, как-то: 'небо', 'свод', 'арка'

¹ Н. Я. Марр. Непечатый источник истории Кавказского мира, ИАН, 1917, стр. 331—332.

² Осетинские этюды, т. I, стр. 120.

³ Там же, стр. 119.

⁴ Понятие 'святой' передается обыкновенно словом *су́гдаг* (диг. *си́дäg-сенд. су́ба*). А это разве не тотем также?.

⁵ Осетинские этюды, т. I, стр. 119: „*уаско дä уäзäg* 'у. твой гость', дзуар, чествующий в Кани в горах 4 ноября; по Сборнику сведений о кавказских горцах, т. III, отд. 2, стр. 40.

и т. п.¹ Но если в языке нашей надписи слово значит 'небеса', то мы все-таки не знаем, культовый ли это в ней термин, хотя бы пережиточно, и надо ли понять его в смысле 'небеса' → 'бог' или личного имени в ласкательной форме. С плавным показателем мн. числа эта основа *gi-mi* (≈ **gi-mi*g) налицо в названии аварского местечка *Gi-mi*, где речь может быть, конечно, лишь о племенном названии, тотеме. Вообще, плавное *г* прекрасно устанавливается как местное и с огласовкой „о“ в виде окончания *to-og*,² *to-go*.

Но помимо грузинского церковного письма в самом тексте есть указание на то, что это памятники христианской поры, христианской среды. Я не буду ссылаться на фрагментарное начало сохранившейся первой строки, где точно формула грузинских надписей — „Христе“ одной буквой (здесь, быть может, двумя, если буква перед двоеточием не „а“, а двугласный „еу“). Впрочем, это все сомнительно. Вне всякого сомнения следующее: в конце третьей строки под титлом тремя согласными буквами *MRM* выписано имя *Maḡam*, может быть, на языке надписи *Maḡam*, т. е. 'Мария'.

Однако мы не знаем, это имя какой-либо местной христианки или матери Иисуса. Да если это даже имя матери Иисуса, то мы не знаем, следует ли понимать его в значении имени христианской богоматери или прикрытия какого-либо местного языческого божества, как, например, у осетин *maḡe Maḡäm*, т. е. 'мать Мария', 'богоматерь', прикрывающая родной фетиш. (В. Ф. Миллер выражался: „Богоматерь обратилась в фетиш“).³

Однако, имея в виду значение самого церковного письма грузинского и вероятность происхождения камня из разрушенной церкви, мы решаемся исходить из положения, что Мария здесь именно христианская богоматерь, как бы в местной христианской среде ее ни понимали, хотя бы по-народному, или, как сказали бы греки, „этнически“ язычески. Мы исходим решительно из этого бесспорно устанавливаемого имени и на нем строим дальнейшее, конечно, предположительное толкование любопытной надписи. Раз это имя матери Иисуса, то перед ним или после него должны стоять и обычные определения, именно: или 'святая богоматерь' или 'святая дева'. Мы уже знаем, что первое из предшествующих имени Марии двух слов, если дефектное чтение на *va [ ]o* восполнить *vaḡo*, можно понять и в смысле 'святого', 'святой', пользуясь культовым значением этого термина в виде *was* / *waḡ* у осетин, имеющих так много общего и в эпической, и в религиозной терминологии с яфетидами, соседями и не соседями, и в числе их и это не разъясняемое ни из осетинского, ни из иных индоевропейских языков слово *va⁺ḡ*, в нашей надписи, следовательно, *va-ḡo*.

В слове — *oḡoto*, следующим за ним и стоящим непосредственно перед именем Марии, остается признать или 'матерь', или 'деву'. И мы можем, действительно, отстаивать за ним значение 'девы', ибо в яфетических языках 'дева', 'девушка' выражается составным словом 'женщина⁺дитя' или 'дитя⁺женщина'. *Oḡo*-то в таком случае может быть рассмотрено как безукоризненная разновидность по окающей группе яфетического *ala-ba*, по-баскски означающего 'девушка', буквально — 'женщина⁺дитя' (ср. арм.

¹ [О распространенности слова *gi-mi* в значении 'неба', 'земли' и их семантических дериватов ср. в позднейших работах Н. Я. Марра: О числительных. ИР, т. III, стр. 260; Скифский язык. Там же, т. III, стр. 221; Готское слово *guta* 'муж'. Там же, т. IV, стр. 267; В тупике ли история материальной культуры. Изв. ГАИМК, вып. 67, Л., 1933, стр. 92 и 132 и др. работы].

² Удинское -ог.

³ Осетинские этюды, т. II, стр. 252.

ala-gin, al-d⁺ik др.-лит. груз. gal-tul-i, груз. qal⁺i-švili и т. п.). Тем более естественно ждать эту спирантную разновидность в среде народа албанов, для которых al ← hal в значении 'женщины' — этнонимный термин с оканием и полногласием — olo; окание отличает и вторую составную часть -то 'дитя', что характеризует северо-западную группу лезгинских языков — анд. wošo 'сын', 'дитя', чеч. (нахч.) vwoñ 'сын', gesp. 'дитя'. Появление на Кавказе губного m в -то в соответствии баскск. -ba в европейском яфетическом мире имеет параллель в разъясненном уже в печати κ:βφιου,¹ которому на Кавказе соответствует, gi-məg || ge-mo⁺г¹ и др.; впрочем, на Кавказе также появляется эта же основа со звуком l, как на Западе со звуком m.

Что касается окания, то в самом аварском есть два наречия: вернее — в самой аварской группе намечаются два языка, отличающиеся, между прочим, один аканием (обычный известный аварский), другой оканием — чухский. Пока нет у нас данных, чтобы решать, но поставить вопрос мы обязаны: не имеем ли в tih, или toh, про которых ходит не то молва, не то предание как о переселенцах-армянах, пережитках чораев, одного из северокавказских яфетических народов, обращенных в христианство изгнанным из Албании епископом Исраэлем? Во всяком случае, мы с надписью находимся не только топографически, но, по всей видимости, и лингвистически, на албанской почве, именно в пределах литературного языка древней или средневековой Албании, где христианская культура развивалась в трехплеменной среде албанов, чорайев и лбинов, что соответственно должно было отразиться на составе речи. А писавшие этой литературной речью, на языке какого бы племени они ни базировались, себя иначе не могли называть, как общим политическим наименованием албанов или, как у грузин, аранов, и основу этого племенного названия har в аварском родительном падеже har-ul и имеем, быть может, в слове, переходящем с первой строки на вторую.² Можно бы мотивировать чтение в начале не ceu или ca, а ha с предшествующим знаком креста или первой буквы имени Христа и топографическое значение Astaril в четвертой строке, но спешу дать голый предположительный перевод, чтобы не задерживать сообщение:

Христе	}	нашей Албании божество
крест	}	нас албанов
святая дева Мария		
Астарская, свят...		

Но сейчас вопрос и важность не в том нагромождении гадательных толкований, которые так легко делать при ограниченности контрольных средств (хотя бы параллельных чтений других надписей на том же языке), сколько в том, чтобы начатое накопление северокавказских материалов шло дальше.

¹ N. Marr. Quelques termes d'architecture désignant 'vûte', ou 'arc'. ЯС, т. II, стр. 137—167 [русск. пер.: Н. Я. Марр. ИР, т. III, стр. 199—218].

² [В рукописи Н. Я. Марра (л. л. 7 и 8) сохранился первый вариант чтения и толкования этого слова, который и приводим: «Лучше или полнее читается еще слово первой строки harot, или, если вторая строка продолжает своим начальным] это слово, то haroql-haroh. И в том и в другом случае основа εго, вероятно, ha.o т. е. с переднеязычным спирантом вместо горлового ε, так как последний исчез в начале, уже разобранным нами oloto 'девушка'. Основа εго, или haro, может представить или спирантный вид племенного названия гош с префиксом, спирантным же, εа-: «εго, множ. число а-го-t вместо а-га-т, уарту, лезгин и т. п., или основу с именным характером „о“ разновидности племенного названия албанов аг, нам обыкновенно известную в форме множ. числа на-ап — Аг-ап. Здесь в таком случае с зубным множ. числом Аг⁺о-t⁺а¹, как нынешнее название местечка и округа, где расположено село, давшее надпись — Hidañ.

Не сомневаюсь, что систематическое ведение экспедиций, и только систематическое, нам откроет не одни эпиграфические памятники такой же исключительной важности, как настоящий, уже цельные, не обломки, и ту цельность словесной исторической, равно бытовой материальной культуры, которая, выведя северокавказский мир из изолированности даже на Кавказе, объединив его с Югом до Вана и с его речью и с его пещерными постройками, не выступающими еще в надземный архитектурный лабиринт, даст науке возможность уверенно восстанавливать, имея прочную базу на Кавказе, доисторический многоплеменный мост, яфетический, провалившийся от так называемой расовой, на деле же хозяйственно-общественной трансформации, от возникновения новых этно-лингвистических типов, так называемых индоевропейских, вернее, — мост, выпавший из памяти народов нового исторического образования и оставивший на Западе наглядную живую опору лишь на далеких Пиренеях.

С полным сознанием опасности усилить свою репутацию фантазера, не колеблюсь высказать свое глубокое убеждение, что склынут с пути научной мысли все преграды, национальные и социальные, и совместная работа ибероведов на Западе и кавказоведов на Востоке в едином общем плане исследовательских задач в мировом масштабе быстро восстановит этот тысячелетиями разрушавшийся мост как важнейший творческий этап в развитии человечества.

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

АРАБСКАЯ НАДПИСЬ

ИЗ РАСКОПОК Н. Я. МАРРА В АНИ

*(Доклад на объединенном заседании ИИМК АН СССР и ЛГУ в Ленинграде,
посвященном памяти Н. Я. Марра)*

Есть такие слова и имена, при упоминании которых неизменно возникает незабвенный облик Н. Я. Марра. Так бывает всегда, когда прозвучит название города Ани. С руинами этого города связан один из самых вдохновенных периодов многогранных изысканий Н. Я. Марра в области археологии, истории и языкознания. Эпиграфические сокровища Ани постоянно влекли Н. Я., а среди них — и арабские надписи. Это обстоятельство дает основание в день десятой годовщины его смерти выступить с сообщением об одной арабской надписи из Ани, которая была им найдена, но до сих пор не издана и совершенно забыта.

В 1922 г. смерть прервала прекрасно начатую деятельность талантливого арабиста И. П. Кузьмина, совмещавшего преподавание в Ленинградском университете и Ленинградском институте живых восточных языков с работой в Эрмитаже; его вдовой мне были переданы на память несколько книг и фотографий. С той поры я не раз задумывалась над тремя воспроизведениями одной довольно поврежденной надписи на двух плитах в три строки на каждой из них (рис. 2).

Останавливали не только трудности почерка куфи, высеченного рельефом, но и отсутствие заметок И. П. Кузьмина относительно происхождения плит. Так продолжалось до 1933 г., когда подготовка коллективного международного издания хронологического списка арабских надписей заставила пересмотреть накопленные материалы.

Первые слова, определяющие назначение текста в качестве мемориальной надписи о построении каких-то ворот („Приказал построить эти ворота...“), совершенно стереотипные по формулировке, но с погрешностями в орфографии, не были трудны; за ними следовало продолжение фразы, от которой сохранилось только одно слово с предлогом „в начале...“ „фй авайль...“ На этом обрывается первая строка плиты. Продолжается ли чтение непосредственно на второй плите или между первой и второй находились первоначально одна или несколько отсутствующих плит, не было ясно. Рельеф второй плиты поврежден значительно больше; на ней уничтожено или неразличимо более половины букв. Чтение второй строки первой плиты дало два титула какого-то высоко-

поставленного лица: „...амір исбасалār“. Последним стоит слово, часто встречающееся в сложных титулах, вроде „слава государства“, „слава династии“ или „слава религии“. Как раз последнее сочетание имеется в данном тексте: „Фахр ад-дйн...“, потому что вторая половина „ад-дйн“, обозначающая „религия“, стоит в начале средней строки на второй

Рис. 2. Арабская надпись из ворот Вышгорода Ани

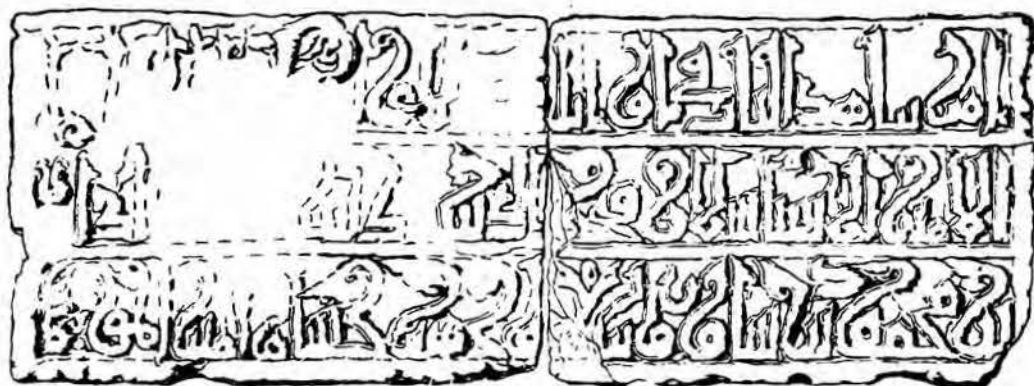

Рис. 3. Арабская надпись из ворот Вышгорода Ани (графическое изображение)

плите.¹ Благодаря этому выяснилось, что текст обеих плит связан непосредственно (рис. 3).

Продолжение второй строки в таком же неудовлетворительном состоянии, как соответствующая часть первой; можно лишь угадать отдельные буквы. Сохранность третьей строки позволяет установить все ее первоначальное содержание. Несмотря на глубокую выбоину, пересекающую верхушки букв, здесь читается продолжение, отнюдь

¹ Буква алиф пострадала, лām почти исчез.

не начало, куньи, т. е. родословной строителя, со слова „сын такого-то“. Первые два сохранившиеся имени родословной читаются хорошо, третье изображено с переносом с первой плиты на вторую и отбито у шва. Все три наличные имени предков строителя „... сын Махмұда сына Шавұра сына Манұчахра...“ в одинаковой последовательности известны с 1849 г., когда Н. В. Ханыков опубликовал впервые указ на персидском языке Шеддадида Кей-Султана, высеченный на большом упавшем минарете в Ани.¹ Поэтому несомненно, что арабская надпись, как и постройка принадлежали одному из амиров дома Шеддәди. В конце средней строки на второй плите можно различить три буквы: та-алиф и повыше — круглый нун, образующие слог тән, который дает все основания считать, что здесь стояло имя „Кей-Султан“, в значительной мере исчезнувшее. Родословная заканчивается традиционной формулой вассалитета: „... хусам амир ал-му’минин“, т. е. „меч амра правоверных“. Только половина последнего слова этой формулы уместилась на нижней строке; два последних слога повернуты в восходящем направлении с левого края надписи, и от них сохранились две буквы: мйм-нун.

Встает вопрос, какие слова стояли в исчезнувших или поврежденных местах особенно пострадавшей части плиты. Точно определить их невозможно; однако, согласно со смыслом начала надписи: „Приказал построить эти ворота в начале...“ после этих слов должна была следовать дата, т. е. указание времени построения (месяц, год). После первой лакуны видны не одинаково четко одна высокая прямая буква, за нею извилистая с поднятым окончанием; перед ними как будто имеются следы другой вертикальной буквы, и между двух вертикалей внизу соединительная петля. Здесь можно предположить лам-алиф вав, остатки слова „ла-ауаль“, „первый“, которое употребляется в арабском календаре для месяцев раби’ 1-й и джумада 1-я.

На второй строке между титулом „Фахр ад-дин“, определявшим отношение амра к религии, и собственным именем строителя могли стоять другие сложные титулы или его прозвище.

Сходство родословной с опубликованным Н. В. Ханыковым перечнем предков Кей-Султана в первой редакции персидского указа привело меня к мысли, что эти плиты с арабской надписью, может быть, принадлежат к числу анийских находок. Догадка превратилась в уверенность при сопоставлении начала надписи с „реестром предметов древности из VI (1907) археологической кампании в Ани“, который был издан Н. Я. Марром в 1908 г.² Под № XXV здесь значит: „Арабская куфическая надпись в три строки на двух камнях из ворот Вышгорода (начало надписи на наличном первом камне: امرئنا هذا الباب — приказал построить сия ворота). Дн. [евник] 21 июля“. В том же реестре, среди фрагментов скульптуры, под № 49 указан „Камень с изображением льва, из ворот Вышгорода (рис. 8). Длина камня 0.64 м, выс. 0.45 м, Дн. [евник] 20 июля“.³

В своем докладе об археологической кампании 1907 г. в Восточном отделении Археологического общества Н. Я. Марр упомянул обе находки: „Откопаны в Вышгороде и крепостные ворота, построенные на насыпной почве в эпоху Шеддадидов, причем обнаружены камень с изображением льва и части арабской надписи...“.⁴ Обе эти находки отметил

¹ N. K h a n y k o f f. Quelques inscriptions musulmanes d'Ani et des environs de Bakou. Bulletin hist.-philolog., т. VI, 1849, № 13; Mélanges Asiatiques, т. I, 1852, стр. 70—73.

² Анийская серия, № 2, СПб., 1908, раздел IV, стр. 46.

³ Анийская серия, № 2, раздел III, рис. 8 на стр. 41.

⁴ ЗВО, т. XIX, 1909, стр. XXXVII—XXXVIII.

также И. А. Орбели в „Кратком путеводителе по городищу Ани“,¹ датировавший их началом XII в.

Взяв фотографии, я обратилась с этими данными к Н. Я. Марру, так как опасалась все же ошибки с моей стороны в определении происхождения надписи. Это было после первой болезни Н. Я., в марте 1934 г. При рассказе о ходе дешифровки Н. Я. оживился, подтвердил правильность идентификации надписи и добавил: „Я пытался сам ее прочесть, но у меня не вышло“. В ответ на мои вопросы о подробностях находки Н. Я. встал, чтобы отыскать соответствующую запись в дневнике раскопок, но, вспомнив об утрате многих материалов, безнадежно махнул рукой. Это был последний раз, когда мне пришлось беседовать с Н. Я. Вскоре он уехал на юг, тяжело заболел, и мы лишились его навсегда.

В последнем труде, посвященном городищу Ани,² Н. Я. резюмировал итоги археологических работ и коснулся попутно Шеддадидских ворот у Вышгорода. Сперва упомянута башня № 1 Камсаракановой стены (стр. 15), далее (стр. 49) дано пояснение, что „... эти позднее при Шеддадидах сооруженные ворота вделаны в стены с башнею древней до-багратидской еще кладки ... времени Камсараканов, VII в., с материалом из более ранних веков, урартским...“; наконец, в третий раз (стр. 68), по поводу работ кампании 1908 г., уточнена еще одна характерная деталь ворот: „... вне крепости, у ее входа в насыпной почве, на которой была сооружена позднейшая, эпохи Шеддаидов сельджукская отделка крепостных ворот Вышгорода“, нашли глиняные трубы водопровода.

Монография „Ани“ была отредактирована Н. Я. Марром ранее моей последней встречи; по поводу печатавшейся тогда книги Н. Я. сказал: „Если бы я ее писал теперь, то писал бы совсем иначе“. К сожалению, он не мог увидеть в посвященном ему юбилейном сборнике переизданный с интересным комментарием персидский текст указа Кей-Султана.³ Автору этой статьи арабская надпись Кей-Султана, очевидно, была неизвестна, так как она им не упомянута.

Между тем сравнение персидской и арабской надписей любопытно во многих отношениях, потому что каждая из них характеризует особую сторону личности и деятельности Кей-Султана. В тексте указа на персидском языке, в особенности затрагивающего торговые и ремесленные слои, приоткрывается облик Кей-Султана в качестве вершителя судеб населения Ани. Настойчиво звучит властный тон: „... повелели мы...“ и чувствуется глухая угроза нарушителям постановления. В арабской строительной надписи деловым бесстрастным слогом сообщалось, когда и кем были построены ворота у Вышгорода. Коротко перечислены официальные титулы строителя, которые абсолютно отсутствуют в персидском тексте. Они не лишены интереса, потому что, по выражению эпиграфиста М. ван-Бершем, „титулатура, как зеркало религиозных и политических обстоятельств, имеет значение...“.⁴

Рассмотрим состав титулатуры в надписи о построении ворот Вышгорода Ани. Подобно прадеду Манучахру, Кей-Султан, глава местной правящей династии, носил титул „амир“, а кроме него имел высокое военное звание „исбасалар“, означающее в переводе „главнокомандую-

¹ Анийская серия, № 4, 1910, стр. 11—12.

² Н. Я. Марр. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Изв. ГАИМК, вып. 105, М. — Л., 1934.

³ Л. Т. Гюзальян. Персидская надпись Кей-Султана Шеддади в Ани. Сб. „Академия Наук СССР (XLV) академику Н. Я. Марру“, М. — Л., 1935, стр. 629—641.

⁴ Цитата заимствована из его статьи „Arabische Inschriften aus Armenien und Diyarbekr“, стр. 150, прим. 3.

щий“, „генерал“, „маршал“ или, как переводил В. Р. Розен, „воевода“.¹ Титул „воевода“ в его арабской форме составлен из двух слов; оба они заимствованы из персидского языка. Первое слово происходит от пехлевийского *spāh* „войско“; второе произошло от среднеперсидского *sardār*, которое уже в сасанидское время приняло форму *sālār* со значением „начальник“, „предводитель“.² Арабский историк ал-Масūdī, умерший около 956 г., в своей „Книге напоминания и осведомления“ среди высших чинов государства Сасанидов назвал должность начальника армии *spāhbedh*,³ в звании которого звучит тоже пехлевийское слово. В сочинении „Сиясет-Наме“, написанном сельджукским вазиром Низām аль-Мульком в 484/1091 г., упомянут некий сипехсālār, один из худших тиранов в правлении Хосроя I (531—579).⁴

Представители иранского дома Саманидов первыми восстановили многие сасанидские традиции. Не удивительно поэтому, что титул „шāхāншāх“, по словам Низām ал-Мулька, носил амīр Нūх II, сын Мансūra (365—387/976—997),⁵ а титул „сипāх-сālār“ был присвоен губернатору Хорасана как главнокомандующему саманидскими войсками.⁶ Некий „великий сипāхсālār“ был выдвинут заговорщиками в качестве претендента на саманидский трон при Нūхе I ибн Насре.⁷

Любопытный документ о назначении полицмейстера („шихна“) в один из сельджукских вилайетов, дошедший в двух экземплярах по рукописи VI/XII в., передает сперва в более точном виде титул *سپهسالار* „сипахсālār“, вторично — в арабизованной форме для первой части *اسفہسالار* „исфахсālār“.⁸

Таким образом, из письменных источников видно, что арабский автор X в. учитывал сасанидское происхождение аналогичной титулатуры. Знал о том же и персидский историк в конце XI в., а персидский историк XII в. показал, что титул „исфахсālār“ удержался в административной практике Сельджуков Ирана.

Обширный сравнительный материал дает также арабская эпиграфика, главным образом XII в. Прекрасную параллель для персидских документов VI/XII в. представляет надпись на минарете Чихиль Духтар в Исфахане, который построен „исфахсālāром“ предпоследнего Великого Сельджука Мухаммада в 501/1108 г.⁹ В Дамаске реставрировал стену мечети халифа ал-Валīда маршал ‘аббасидского халифа’ ал-Мустазхира би-ллах около 512/1118—1119 г.¹⁰ В то же время одинаковый титул

¹ В. Р. Розен. Образчик персидского канцелярского слога XI в. хиджры. ЗВО, т. VIII, вып. I—II, 1893.

² F. V. Būchner. Enzyklopaedie des Islam, т. IV, 1934, стр. 102 (Sālār).

³ „Kitāb ат-танбīх уа-л-ишрāф“, изд. de Goeje, стр. 103; ср. A. Christensen. L'empire des sassanides. Le peuple, l'état, la cour, Kōbenhavn, 1907, стр. 19, прим. 5; см. там же, стр. 36, прим. 6.

⁴ A. Christensen. Ук. соч., стр. 84; пехлевийский эквивалент *spāhsālār*, стр. 84, прим. 2.

⁵ M. van Berchem. Amida, 38, прим. 4.

⁶ W. Barthold. Turkestan down to the Mongol Invasion. E. J. Gibb Memorial. New Series, т. V, 1928, стр. 229.

⁷ Там же, стр. 243.

⁸ В. Розен. Образчик персидского канцелярского слога VI века хиджры. ЗВО, т. VIII, вып. I—II, 1893, стр. 153—157. Извлечено из рукописи № 26 (282) б. Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте; описание ее см. „Collections Scientifiques de l'Institut des Langues Orientales“, т. III, Mss. persans, стр. 141—159; для титула см. ук. соч., документ А, л. 39 а; документ В, л. 119 а. Параллель для первого варианта в Малой Азии при Сельджукидах, см. В. А. Гордлевский. Государство сельджукидов Малой Азии, М. — Л., 1941, стр. 81, 149, 172.

⁹ G. Wiet. Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe (цит. сокращенно: R. Chr. E. Ar.), т. VIII, стр. 79, № 2931 (каждая надпись в издании снабжена библиографией).

¹⁰ Там же, стр. 120, № 2976.

получали сирийские и месопотамские атабеги; в Дамаске это засвидетельствовано надписями 503, 514, 521 гг., в Алеппо — 537 и 543 гг.¹ Но скоро на равном положении с атабегами оказались их амйры: атабег Тугтегйн величался „исфахсаларом“ в 521/1127 г.,² а в 524/1130 и 528/1134 гг. этот титул имели два его амйра, что обозначает снижение ранга титула.³

Аналогичное положение создано вскоре и в Диярбекре. Довольно рано титул „ал-исфахсалар“ установлен у двух властителей из небольшой династии Иналидов в Амиде: у Йлальдй, в надписи 518/1124—5 г., при внуке Малик-Шāха, султана Махмуде I, и у сына Йлальдй, Махмуда, в надписи 550/1155—6 г.⁴ Но вскоре титул стал и здесь деградировать: в 559/1163—4 г. и позже его носил не сам иналидский правитель Амиды, а его вазйр, Нисанид ‘Алй.⁵ Приблизительно в те же годы этот титул имели представители хайфской ветви династии Ортокидов.⁶

Не оставалось в стороне от общего развития титулатуры и Закавказье. В округе Шурагель к юго-востоку от Ани „амйр исфахсалар великий“ ‘Адуд ад-дйн оставил в 570/1174 г. свою надпись на стене полукруглой башни укрепления в Нижнем Тальне.

В Амиде, Харпуте, Дамаске и Исфахане неизменно титул сохраняет арабизованную форму, в полном соответствии со стилем надписей. Но в Египте при Саладине в надписи 583/1187—9 г. выпало хā („ал-исфасалар“). Такое обстоятельство вызвало у издателя текста М. ван-Бершема предположение, что „это слово было ново в Египте“, хотя оно уже существовало при Фатимидах.⁷ Последнее заключение основано на словах арабского историка ал-Қальқашандй (ум. в 821/1418 г.). В его известном руководстве для египетских канцелярий „Субх ал-‘Ашā фй сина‘ат ал-иншā“ — „Вечерняя заря об искусстве канцелярского стиля“, написанном около 791/1387 г., в составе высших военно-административных чинов фатимидского халифата стоит на третьем месте фельдмаршал „исфахсалар“.⁸ Сведения об административном строе при Фатимидах ал-Қальқашандй черпал из источников их времени.⁹ Однако до сих пор неизвестно ни одного документа из Египта времени Фатимидов, сравнимого в какой-либо мере с персидскими документами VI/XII в., нет и эпиграфических подлинников. Напротив, в фатимидских надписях высшим военным титулом остается „амйр ал-джуюш“, т. е.

¹ Там же, стр. 80—81, № 2933; стр. 125, № 2981; стр. 159, № 3025; стр. 229, № 3112; стр. 246, № 3137.

² Там же, стр. 159—160.

³ Там же, стр. 165, № 3033; стр. 188, № 3063.

⁴ M. van Berchem. *Amida. Matériaux pour l'épigraphie et l'histoire musulmane du Diyarbekr*, Heidelberg, 1910, стр. 59, № 20, табл. IX—XI, XIII; стр. 61, № 21, табл. XII.

⁵ Там же, стр. 63, № 22 и стр. 67, № 24.

⁶ Там же, стр. 87, 5 и в протоколе „Ивсбрукской чаши“, стр. 122. Титул Кара Арслāна в Харпутской надписи „ал-амйр ал-исфахсалар ал-кабйр“, см. M. van Berchem. *Arabische Inschriften aus Armenien und Diyarbekr (Matériaux pour l'histoire des Arabes en Armenien und Mesopotamiens von C. F. Lehmann-Haupt, Berlin, 1907. Abhandlungen, d. K. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-histor. Klasse, Neue Folge, т. IX, № 3, стр. 142 сл., № 9, табл. XI; J. H. Kramers. Enzyklopaedie des Islams, т. II, стр. 982 (Kharput).*

⁷ *Matériaux pour un Corpus Inscriptionum Arabicarum*, ч. I, т. I (Mémoires publ. par les membres de la Mission Archéologique Française au Caire, т. XIX. Цитируется сокращенно: CIA); стр. 641—2, 639 сл., № 458, табл. XLIV.

⁸ CIA, ч. I, стр. 640, прим. 7. Cp. St. Lane-Poole. *A. History of Egypt*, London, 1901, стр. 152, прим. 2 и 156.

⁹ W. Björkman. *Beiträge zur Geschichte der Staatskanzlei im Islamischen Ägypten*. Hamburg, 1928, стр. 75 сл. Дан анализ источников, которыми пользовался в своей компиляции ал-Қальқашандй; для эпохи Фатимидов стр. 75—77; звание „исфахсалар“, там же, стр. 98.

„амір войск“,¹ хотя в письменных источниках титул „исфāхсалār“ зафиксирован помимо аль-Қальқашанди.

В рассказе о смутах, возникших после смерти (524/1130) фатимидского халифа Амира Абӯ 'Али Мансӯра и воцарении регента — халифа ал-Хāфиза, арабский историк Абӯ-л-Махāсин цитировал около середины XV в. рукопись, автор которой до сих пор не установлен. Согласно тексту последнего источника, вазир халифа ал-Хāфиза ли-ддини ллах, по имени Йāнис, получил в торжественной обстановке двойной титул камергера и главнокомандующего: „мутавалли-л-бāб ва исфāхсалār“. Указ об этом был провозглашен верховным қадй, т. е. главным судьей с титулом „қадй-л кудāt“, в присутствии халифа, восседавшего на троне за особой решеткой, и сановников.²

Иногда не-арабское слово „исфāхсалār“ отчетливо воспринималось как составное: в транскрипции двумя отдельными словами „исфāх салār“ появился к тому же қад, вместо везде принятого сйна; к сожалению, этот текст из Харрана в Месопотамии не издан, и дата его не известна.³ Повидимому, титул „исфāхсалār“ все чаще встречался на протяжении XII в. Поскольку позволяет судить наличный материал, он был распространен везде, где слагались культурно-политические связи Сельджуков и их вассалов, т. е. по всей Передней Азии: в Иране, Месопотамии, Армении, Малой Азии, Сирии, а из последней он был занесен в Египет.

Гипотеза М. ван Бершем относительно зависимости транскрипции от степени знакомства с титулом как будто не везде оправдывается: разнообразно в канцелярских документах XII в. соответствуют и эпиграфические примеры. Ближайшим по дате и месту к названной ранее надписи в Талыне оказывается титул арабской надписи в Ани. Между тем в них обнаруживаются не только до сих пор не отмеченные варианты, но они в то же время различны между собой. В Талыне ясно обозначено точками йā после сйна; анийский вариант „ал-исбāсалār“ нигде не встречался; в нем чувствуется бōльшая близость в первой части слова к исходной пехлевийской форме „спāх“ и родство с армянским титулом „спасалар“.⁴ Последний в армянской эпиграфике встречался еще в XIV в., как можно судить по надписи 1301 г., в монастыре Сурб Карапет в Зинджири.⁵ Еще один интересный случай неустойчивой орфографии дает арабская эпиграфика в Малой Азии. В городе Дивриги существуют мечеть и мавзолей, построенные одним и тем же лицом, амīром Шахāншахом, сыном Сулаймāна, из дома Мангучāк. Мавзолей имеет дату 592/1195—6 г.; относительно даты мечети, из-за тождества обозначения десятков и единиц, издатель колеблется, но предпочитает 576/1180—1 г.⁶ На мечети — арабизованная форма транскрипции „ал-исфāхсālār“, над входом

¹ В. А. Крачковская. Арабская надпись 486 г. хиджры из Палестины. Сб. ст. „Вспомогательные исторические дисциплины“, АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 402, 404, 410. Ср. также R. Chr. E. Ar., т. VIII, стр. 128, № 2985, 515 г. х., стр. 146—148, № 3011—3012, 519 г. х.; стр. 150, № 3014, 519 г. х., стр. 151, 152, № 3016; стр. 282—283, № 3189, 550 г. х. и др. Ср. W. Barthold. Уж. соч., стр. 229, прим. 1.

² Отрывок из „Kitāb al-muklātāy fī aхbār al-daulatāy“, извлечен у Абӯ-л-Махāсин в статье Sylvestre de Sacy. Mémoire sur une médaille arabe inédite de l'an 525 de l'Jlégire (Mémoires de l'Institut Royal de France, Académie des Inscriptions et Belles Lettres, т. IX, ч. II, Paris, 1831, стр. 307; ср. CIA, ч. I, стр. 640, прим. 7.

³ CIA, ч. III, Asie Mineure. Le Caire, 1910, стр. 64, прим. 4.

⁴ V. P. Büchner. Enzyklopaedie des Islam, т. IV, 1934, стр. 102 (Sālār).

⁵ Г. Овсепян. Потомство Тарсаича Орбеляна и Мина-хатуны. Христианский Восток, т. II, вып. 2, СПб., 1913, стр. 237.

⁶ CIA, ч. III, стр. 57 сл., № 32 и стр. 64—65, № 36—37, табл. XXXIII и XLIII.

в мавзолей — без члена „сибасалар“; последнюю М. ван-Бершам называет „forme persane ou arménienne du titre arabe isfahsalar.“¹

Оставаясь на точке зрения ван-Бершама относительно хронологической последовательности этих надписей, придется признать, что принятая первоначально Шāхāншāхом арабизованная форма была вытеснена другой, персидской или армянской.

Можно ли называть титул „исфасалар“ арабским? Повидимому, можно, поскольку он вошел в арабскую титулатуру, и повелители не-арабского, но и чисто арабского происхождения жаловали его своим вассалам. Кей-Султан, шеддадский амйр Ани, получил звание „исбасалара“, несомненно, от аббасидского халифа ан-Нāсира ли-дйни ллах, сына халифа, ал-Мустадй (правил в 575—622/1180—1225 гг.). Хотя имени халифа в анийской надписи нет, некоторые части ее приводят к данному заключению.

Прежде всего, титул на „дйн“, „Фахр ад-дйн“, т. е. „слава религии“, показывает отношение Кей-Султана к подразумеваемой мусульманской религии. Все представители небольших династий и носители высоких должностей имели аналогичный титул. Данное сочетание показывает, за отсутствием слова „дунйā“ — „здесьняя жизнь“, что титула „султан“ последний Шеддадид не имел, так как у султанов VI/XII в., как правило, формула сложнее, например: „Нāсир ад-дунйā ва-д-дйн“ у Ортокида Махмуда, внука Қара-Арслāна.² Вторая часть имени Кей-Султана представляет имя собственное, подобно тому как титул „шāхāншāх“ употреблялся в качестве имени собственного, например у названного выше представителя дома Мангучāk, Шāхāншāха ибн Сулеймана; у Шāхāншāха, сына знаменитого фатимидского вазйра Бадра ал-Джамāли;³ известен, наконец, амйр ани Шāхāншāх, изгнанный грузинами в 1174 г.⁴

Титул „Фахр ад-дйн“ и военное звание Кей-Султана имеют отголосок в его последнем арабском официальном титуле: он признает себя вассалом аббасидского халифа, верховного главы мусульман, называя себя в конце текста „мечом амйра правоверных“. Признания политической власти какого-либо правителя надпись не содержит; в ней нет соответствующей формулы „в дни такого-то султана...“ или „в правление...“, ни имен. Пропуск таковых, если политическое подчинение фактически существовало, грозило весьма серьезными последствиями. Титулы с упоминанием амйра правоверных, подобные „хусām амйр ал-му’минйн“ в надписи Кей-Султана, жаловались только халифами со II в. хиджры до разгрома Багдада монголами.⁵ Поэтому можно сказать, что Кей-Султан считал себя политически независимым и только в сфере религиозной признавал ан-Нāсира ли-дйни ллах, современником которого он был.

Формула вассалитета в надписи Кей-Султана на воротах Вышгорода показывает, что в период строительства их несомненно существовали сношения между Кей-Султаном и ан-Нāсиром ли-дйни ллах, о которых история до настоящего времени умалчивала. Пожалование титула „меч амйра правоверных“ символизировало благосклонность халифа к Кей-Султану, вассалу-мусульманину; поддерживать последнего халифату было выгоднее, чем периодически враждовавших с ним представителей

¹ Там же, стр. 64, 4 по недоразумению завиток побега был принят за точку нуна „сибасалар“; на самом деле ни сверху, ни снизу буквы точки нет.

² M. van Berchem. *Amida*, стр. 87, прим. 6.

³ CIA, ч. I, стр. 32 сл.; Index s. v. *Shāhchah*.

⁴ См. генеалогию Шеддадидов. по Фреву, у N. Khanukoff. *Quelques inscriptions musulmanes d'Ani. Mém. As., St. Pétersbourg*, т. I, 1852, стр. 72—73 (по Вардану).

⁵ CIA, ч. I, стр. 641, прим. I.

христианских княжеств Закавказья. При восстановлении мира, с признанием подчинения халифату армянским феодалам тоже жаловался высокий титул, а иногда и царская корона. Так, в 886 г. Ашот I Багратуни получил царскую корону от ал-Му'тамида. Гагик Арцруни, соперник Ашота II Багратуни, получил сперва царскую корону от наместника халифа Йусуфа (909); этот акт был возобновлен в 919 г. халифом ал-Муктадиром. Ашот II, „Железный“ сын Сумбата, имя которого в арабской транскрипции обнаружено на камне от перстня, найденном на Северном Кавказе,¹ по окончании периода борьбы с арабами и внутренними восстаниями, получил от халифа ал-Муктадира в 922 г. корону, царские инсигнии и почетный титул „шāхāншāх“.²

Шеддадиды не увлекались титулатурой чрезмерно, чем отличались, например, Зенгиды или Ортокиды. Правда, Манӯчахр, тесно связанный с сельджукским султаном Альп Арслāном, ярко выразил в известной надписи на мечети Ани³ свои „верноподданические“ настроения, может быть, и не вполне искренние.

Вся конструкция и последовательность формул строительной надписи ворот Вышгорода Ани строго следует арабской эпиграфической традиции, но не лишена орфографических особенностей и погрешностей. Н. Я. Марр отметил в реестре скобкой сверху первую ошибку — пропуск необходимого предлога. Вторая ошибка — указательное местоимение без алифана представляет исключения в арабских надписях Кавказа и Закавказья; например, имеется в надписи „Железных дверей“ 455/1063 г. в Гелатах;⁴ встречается она также в разное время в некоторых надписях Баку и его окрестностей (на мечети Бузовна 774/1372_3 г.; над северными крепостными воротами Баку 1027/1618 г.), если судить по копии генерала Хана, хранящейся в Рукописном отделе Института востоковедения АН СССР.⁵ Однако необходимо учесть расхождение в этих случаях между копией Хана и изданием тех же текстов у И. Березина.⁶ Который вариант правилен, можно установить только по оригиналам или фотографиям.

Следует коснуться еще имени деда Кей-Султāна, Шāвӯра. В указе, составленном на персидском языке и высеченном на минарете, Н. Ханыков транскрибировал имя, изображенное четырьмя арабскими буквами شاور, посредством шести латинских Chaouг. Во втором издании текста отдано предпочтение транскрипции Шавар, с огласовкой второго слога фатхой, а не даммой, т. е. принято а вместо у.⁷ Одинаково с минаретом высечено имя на мечети Манӯчахра. Но надпись ворот Вышгорода заставляет склониться на сторону Н. Ханыкова: в ней совершенно ясны две одинаковые буквы wāв, т. е. все имя Шāвӯр состоит из пяти арабских букв, имеет долгое ā и долгое ū. Вряд ли в имени деда строитель мог допустить ошибку, тем более что форма имени Шāвӯр в надписи

¹ Издано В. А. Крачковской. КСИИМК, вып. XII, 1945.

² История армянского народа, ч. I. С древнейших времен и до конца XVIII в. АН Арм. ССР, Ин-т истории, Ереван, 1944, стр. 134, 138. — История СССР (На правах рукописи, ч. IV, гл. I, стр. 310, 314, 321, 322. — Streck. Armenien. Enzyklopaedie des Islams, т. I, 1913, стр. 456.

³ И. Ю. Крачковский и В. А. Крачковская. Из арабской эпиграфики в Ани. (Надпись на мечети Манӯчахра). Сб. XLV академику Н. Я. Марру, М. — Л., 1935, стр. 678 сл., 682 сл., 695.

⁴ Опубликована впервые Френом в 1823 г. Для библиографии см. R. Chr. É. Ar., т. II. Le Saire, 1936, № 2649, стр. 155—156.

⁵ Рукопись Азиатского Музея, III, 108. В. Д о р н. Das Asiatische Museum, стр. 125.

⁶ И. Н. Березин. Путешествие по востоку. Прибавление к первому тому, т. II, Казань, 1352, приложение, стр. 61 сл., А, В, Т.

⁷ Л. Т. Гюзальян. Ук. соч., стр. 63³, пояснение к строке 1.

на башне Манӯчахра точно совпадает с родословной Кей-Султāна у ворот Вышгорода.¹

Особенности орфографии, установленные в начале надписи и про-скальзывающие в арабской эпиграфике Кавказа и Закавказья в предше-ствующие и последующие годы, показывают, что не все авторы текстов безупречно владели арабским языком. Здесь любопытно вернуться к надписи мечети Шāхāншāха в Дивриги, с такой же формой указатель-ного местоимения, а в этой связи подчеркнуть особую близость из всех цитированных случаев транскрипции титула „сибāсалār“ в Дивриги и „ал-исбāсалār“ в Ани. Возможно, что она обязана в известной мере более тесному контакту с армянским населением, чем с Ираном.²

Н. Я. Марр, говоря „о сельджукской отделке“ ворот Вышгорода, подразумевал, очевидно, стиль эпохи. Было бы, конечно, очень интересно установить план ворот, место для надписи на двух камнях и рельефа со львом. Анийский рельеф с изображением четвероногого хищника на Смбатовой стене помещен в симметричное обрамление с выступом вверх средней части рамки. Шеддадидский лев³ высечен на одной плите, без обрамления. Других архитектурных деталей ворот раскопки, повиди-мому, не дали. Все же, декоративное оформление двух башен Ортокида Махмūда в Амиде дает представление о возможной композиции в Ани. Датированная 605/1208—9 г. башня „Эвли бадан“ имеет длинную надпись, разбитую в средней части на три строки, они образуют в середине выступ вверх и выступ вниз. У четырех входящих углов против выступов размещены парные изображения четвероногих, а над верхней строкой посредине — двуглавый сокол.⁴ Более соответствия с анийскими наход-ками обнаруживается на башне „Йеды қардāш“ — „Семь братьев“, где надпись сопровождает только верхняя пара шествующих львов против начала и конца первой короткой строки; над центром изображен дву-главый орел или гриф.⁵ В Ани выступ рамки для надписи Кей-Султāна был ненужен, но симметрично помещенная пара львов, обращенных друг к другу, соответствовала бы декоративным приемам эпохи атабегов.

Эпиграфические данные надписи вполне подтверждают сложившееся еще в год открытия мнение о ее принадлежности Шеддадидам. Точную дату, уничтоженную выбоиной, извлечь из надписи невозможно. Един-ственная неоспоримая дата для Кей-Султāна — это 595 год хиджры, т. е. 1198—1199 г., год издания указа, который появился, по словам последнего исследователя, „накануне утверждения рода Долгоруких“.⁶ Сведения о времени восстановления власти Шеддадидов после занятия Ани грузинами в 1174 г. пока отсутствуют. Но самый факт существо-вания второй надписи с подробной генеалогией Кей-Султāна — большое приобретение. Рассеивается пессимистичный взгляд некоторых западных исследователей XX в., отмечавших затруднения проследить историю рода Шеддадидов со времени завоевания Аррана Малик Шāхом.⁷ Появ-ляется надежда на возможность открытия новых источников, которые полнее осветят последний период владычества Шеддадидов в Ани. Надпись неопровержимо подкрепляет установленную Н. В. Ханыковым

¹ N. K h a n y k o f f. Excursion à Ani en 1848. — Rapport sur un voyage archéologique dans la Géorgie... par M. Brosset, 1-re livraison, St. Pétersbourg, 1849, приложение III, стр. 143 (рис. и текст).

² Ср. В. А. Гордлевский. Ук. соч., стр. 81.

³ Н. Я. Марр. Ани, рис. 164, табл. XXXIX.

⁴ M. van Berchem. Amida, № 29, рис. 38—37, табл. XVIII, 1—2.

⁵ Там же, № 30, 91 сл., рис. 40, табл. XIX, 1; его же, Arabische Inschriften aus Armenien, № 10, стр. 146—152, табл. XIII.

⁶ Л. Т. Гюзальян. Ук. соч., стр. 641.

⁷ Denisson Ross. E. Shaddā d. Enzyklopaedie des Islām, т. IV, 1934, стр. 264.

в 1849 г. родословную Кей-Султāна и тем самым показывает высоту достижений русской науки в середине XIX в.

Что касается датировки, мне кажется, можно допустить, что надпись ворот Вышгорода была высечена не после указа на минарете Абуль Ма'амран, а раньше него. Первой заботой феодала в тревожной обстановке восстановления власти, утраченной родом Шеддадидов, конечно, было не упорядочение внутренней торговли в Ани, а проверка обороноспособности города. Вышгород — цитадель Ани; недоступность цитадели должны были обеспечивать ворота. Кей-Султāн не „восстановил“, а „приказал построить эти ворота“, следуя в этом примеру своего прадеда Манўчахра.¹ Указ на персидском языке был издан, вероятно, позднее, когда новый правитель освоился с городскими делами, учел нужды одних и выгоды других слоев населения и распоряжался в Ани как самовластный хозяин.

Палеографические данные арабской надписи Кей-Султāна говорят в пользу этой гипотезы. Шрифт надписи диаметрально противоположен указу. Вместо скользящих знаков гибкой скорописи указа, на воротах красовались мощные, статичные буквы куфического шрифта, которые выглядят гораздо архаичнее, чем витые, сложные плетения XI—XII вв. в Амиде² и Маййāфāрикйна³ (ок. 1186).

Нужно вспомнить, что в XII в. свершался перелом в арабском лапидарном шрифте. Выдвинутое М. ван Бершамом положение, что надпись в Маййāфāрикйне — последний текст исторического содержания, начертанный почерком куфи, было опровергнуто в 1931 г. с помощью двух исторических надписей в Средней Азии. Первая из них, с именем хорезмшаха Мухаммада ибн Текеша, очень близка по датировке к анийскому указу Кей-Султāна, так как правление Мухаммада началось со следующего 596/1200 г.; вторая уводит в Хорезм золотоордынской эпохи.⁴

Молчаливая борьба, шедшая в эпиграфике, предстает воочию на примере двух анийских надписей одного правителя, не имеющих ничего общего с кораническими цитатами. Несомненно, арабская надпись (рис. 2) создана местными силами, так как в шрифте ее сохранился ряд особенностей почерка времени Манўчахра, на его мечети. Назову кратко пропорции и изгибы джйм-хā в словах „Манўчахр“, „хусām“; три типа перехода к восходящему окончанию для букв рā-нун-вāв и др. Тем не менее, стилистическое различие достаточно велико. Укажу только две основные черты: 1) в надписи Кей-Султāна выдержана горизонтальная линия; никакие колена, лигатуры или концы букв ниже горизонтали не выходят; 2) надпись Кей-Султāна следует причислить к категории „цветущего кўфй“, так как многие буквы получили листовидные украшения, но зато фон ее лишен дугообразного побега, которым отличается надпись на мечети Манўчахра. Куфическая надпись Кей-Султāна, может быть, последнее произведение этого рода в Ани, и хотя в ней есть слабые в смысле графики и декоративности места, ей присущи

¹ И. Ю. Крачковский и В. А. Крачковская. Ук. соч., стр. 674,4; N. Chanukoff. Excursion à Ani, стр. 143.

² M. van Berchem. Amida, табл. IV—VIII, X—XIII; S. Flury. Islamische Schriftbänder. Amida-Diarbekr, Basel, 1920, табл. II—VII, IX—XIII.

³ S. Flury. Ук. соч., стр. 48, табл. XVIII.

⁴ V. Kratchkovskaïa. Notice sur les inscriptions de la mosquée Djoum'a à Véramine. Revue des Etudes Islamiques. Année 1931, тетрадь 1, стр. 26; W. Barthold, Turkestan at the time of the Mongolian invasion. Gibb Memorial, New Series, т. V, London, 1928, стр. 82; V. Minorsky. Meshhed-i Misriyān. Enzyklopaedie des Islam, т. III, 1936, стр. 553; G. Wiet. Arabic Inscriptions. A Survey of Persian Art, т. II, 1939, гл. 46 A, стр. 17,6, № 6.

особенности к̄уф̄и конца XII в. и тем самым она поддерживает предложенную датировку.

Арабская куфическая надпись Кей-Султ̄ана всегда сохранит свое историческое значение, так как она позволяет увидеть, что владычество Кей-Султ̄ана в Ани вполне гармонирует с общей картиной распада огромной сельджукской империи во второй половине XII в. и образования на ее территории полузависимых и независимых феодальных государств.

В заключение можно выразить надежду, что два камня с арабской надписью Кей-Султ̄ана найдут надлежащее место в истории города Ани, которому Н. Я. Марр посвятил цветущие годы своей труженической жизни.

Л. М. МЕЛИКСЕТ-БЕКОВ

ВИШАПЫ И ВИШАПОИДЫ ГРУЗИИ

„Вишапы“ — это условное наименование каменных стел (из андезита-дацита, базальта), уподобляемых рыбе или напоминающих собою рыбу и служивших, очевидно, объектом культа. Поскольку памятники этого рода впервые были открыты в Армении, а понятие рыбы в древнеармянском языке выражается термином „вишап“, чему в древнегрузинском соответствует „вешап-и“ (хотя „вишап“ и „вешап-и“ означает и змею и смерч), то культовым каменным стелам, как тотемным божествам рыбы, было присвоено наименование из армянской лексики. Это наименование е silentio установилось в науке и как будто не встречает возражений.

Монолиты вишапы — это один из видов мегалитических памятников, которые по их функционально-семантической значимости, согласно нашей классификации, сводятся к двум основным категориям: а) базисной, представленной мегалитическими стоянками или циклопическими постройками, каковы жилищные и фортификационные сооружения, т. е. крепости-городища, дольмены, блиндажи и пр., б) надстроечной, представленной по преимуществу монолитами, т. е. менгирами и всякого рода менгиروبразными стелами, а также полилитами, обычно дио- и трилитами и уникальным тетралитом в Самшвилде (Грузия), как равно кромлехами „эратипа“ и пр.¹

Вишапы, как сродные им стелы, условно называемые вишапоидами, были первоначально обнаружены в 1909 г. Я. И. Смирновым и Н. Я. Марром в Армении на так называемых Гехамских горах, что к востоку от Еревана, несколько выше монастыря Гехард, или Айриванк, и в местности, называемой „Вишапнер“, т. е. Вишапы (армянами) или „Аждага-юрт“ (азербайджанцами, тюрками и курдами). Затем вишапы и вишапоиды были обнаружены и в других местах, как-то: в Гел-юрт и Текмаган-гель Имирзек, всего до 23, а в дальнейшем и в районе Севанского (Гокчинского) озера и на склонах Арагаца (Алагеза).

„В первый момент их открытия и долгие еще годы каменных рыб-стел нигде за пределами Армении не удавалось найти“, — писал Н. Я. Марр в 1931 г. Понятно, почему „особенно решительны были в этом отношении, — как говорит Н. Я. Марр, — розыски... Я. И. Смирнова,

¹ Л. М. Меликсет-Бек. Мегалитическая культура в Грузии. Материалы для истории архаич. монумент. искусства (на груз. языке с русск. резюме). Тбилиси, 1933, стр. 33—39, 129—132.

не мирившегося с мыслью об изолированности этих памятников, нахождением их как бы в замкнутом мире“.¹ К счастью, за последние десятилетия вишапы и вишапоиды обнаружены и вне Армении — на Северном Кавказе, в Северной Монголии, в Грузии и даже, насколько нам известно, в Иране.

Обнаружение вишапов и вишапоидов в Грузии дало возможность ответить на вопрос об их первоначальном положении, поскольку Я. И. Смирнов на этот счет совершенно основательно недоумевал. „... Вертикальное, обычное для разного рода менгириобразных мегалитических памятников, положение, исключается, — говорил он, — во-первых, как несвойственное рыбе, а, во-вторых, тем, что хвост ее не имеет дальнейшего необходимого при таком положении продолжения“.² С другой стороны Я. И. Смирнов ясно отдавал себе отчет в том, что и при более естественном горизонтальном положении рыбы надо предполагать „наличность или сплошного базиса, или же двух по меньшей мере подставок“,³ что, однако, везде отсутствует. Правильную установку по вопросу, думается нам, дал И. И. Мещанинов, когда на основании анализа орнаментировки статуй отметил, что „самая схема орнамента вполне подтверждает предположения... о стоячем положении вишапа головою кверху, так как рисунок идет не в горизонтальном, а в вертикальном направлении“.⁴ Вишапы и вишапоиды Грузии, дошедшие до нас по преимуществу в вертикальном положении, рассеивают сомнения относительно их первоначальной постановки и дают возможность включить их в цикл менгириобразных монолитов.

Поскольку вишапы и вишапоиды относятся к категории так называемых стоячих камней, которые известны у армян под названием „тик²-кар“, а у азербайджанцев, тюрков и курдов (и вообще у мусульман) — „т²ик²-ма-таш“ или „тикил-таш“, то вопрос о них не может быть рассмотрен изолированно от менгиров из звеньев комплексного исследования стоячих камней вообще.

Стоячие камни в своем развитии претерпели ряд стадийных переформлений, начиная от примитивных менгиров эпохи до-тотемистического мышления (рис. 4) и вплоть до стадии антропоморфизации (рис. 14) или превращения в каменный крест (рис. 15).

В начальной стадии стоячие камни — это примитивные, необработанные столбы, на которых не видно следов тески металлом. Это и есть менгиры в собственном смысле слова, которые постепенно, по мере развития религиозных верований, наделяются теми или иными культовыми функциями, в частности, функциями божества воды,⁵ связанного еще с представлениями матриархального строя.⁶ При этом слегка отесанные менгиры в дальнейшем используются и как тотемы, вокруг которых позднее иногда появляются и кромлехи (рис. 5).

От примитивных менгиров, абсолютно необработанных или слегка отесанных, отличаются монолиты типа вишапов и вишапоидов, связанных с культом рыбы как водного божества, с тем, однако, различием, что вишапоиды как более архаические памятники не имеют формы рыбы, между тем как вишапы суть изваяния подлинных рыб. Потому

¹ Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов. Вишапы, Л., 1929, стр. 9.

² Там же, стр. 61.

³ Там же, стр. 61.

⁴ И. И. Мещанинов. Каменные статуи рыб — вишапы на Кавказе и в Северной Монголии. „Записки Коллегии востоковедов“, т. I, 1925, стр. 402.

⁵ М. Абебян. Вишапы как статуи богини Астии Деркетю (на арм. яз. с русск. резюме), Ереван, 1941.

⁶ Л. Меликсет-Бекоев. К вопросу об обычаях кувады на Кавказе в связи с языковыми пережитками матриархата. Сборник АН СССР „Академику Н. Я. Марру“, М.—Л., 1935, стр. 729—736.

что, по нашему мнению, стадильно вишапоиды предшествуют вишалам, а не наоборот — вишалаы вишапоидам. Такое заключение вытекает из стилистического и технологического анализа изваяний под углом зрения теории единого культурно-творческого процесса развития различных народов мира, что, однако, нисколько не исключает возможности, при учете неравномерного экономического развития различных стран и районов, для синхронических сопоставлений вишалов одних стран с вишапоидами других.

Как бы то ни было, и вишалаы и вишапоиды как тотемы рыбы имеют по приемам технологической обработки различную орнаментацию,

Рис. 4. Менгир на горе Тюлю-даг

Рис. 5. Менгир в местечке Сапиртахчи,
в Верхней Цалке

выполненную либо рельефом (Армения, Грузия), либо путем нанесения углублений (Грузия) и обычно содержащую в себе эмблемы связанных с ними жертвенных животных — четвероногих в виде головы коровы или вола и пары птиц, либо и тех и других вместе, причем пара (очевидно, самка и самец)¹ птиц — это либо журавли, либо аисты. Кроме того, попадаются изображения рыбьей головы, солярного круга (солнечного диска) как эмблемы плодородия, волнистых линий как эмблемы воды, и пр.

Наличие на вишалах и вишапоидах, а подчас и на трансформациях, изображений солнечного диска по справедливости признается выражением космической стадии развития мышления у творцов таковых, в противовес той, по существу тотемистической или переходной от тотемистической к космической, стадии, примером которой является уникальный вишапоид, герп. вишала в Грузии, где пара аистов символизирует верхнее небо, собака — землю, а двуглавый змея — преисподнюю (рис. 6).² Это положение в известной степени гармонирует с выводами

¹ Ср. наличие пары собак (по Варзагу одной — белой, другой — черной) в армянских сказаниях об Артавазде и Шидаре. Л. Мелликсет-Бекоев. История древнеармянской литературы. Тбилиси, 1941, стр. 48 (на груз. яз.).

² Л. Мелликсет-Бекоев. Мегалитическая культура в Грузии, стр. 107—110, 131.

Ш. Я. Амиранашвили о том, что птица и астральные знаки олицетворяют небо, четвероногие — олень, коза, вол — землю, а рыба и змея — преисподнюю.¹

Не застывая в формах соответствующих до-тотемистическому, тотемистическому (разных ступеней) и космическому мышлению, стоячие монолиты — менгиры, вишапоиды или вишапы — как своим технологическим оформлением, так и орнаментацией в дальнейшем параллельно сдвигам в экономической жизни и в идеологии населения, переоформляются в человеческие фигуры, кумиры-идолы, в каменные бабы (рис.14).² Это и есть, в сущности, стадия антропоморфизации в истории монолитов, в отличие от предшествующей, сравнительно более длительной стадии зооморфизации (до появления идолопоклонства).

Рис. 6. Вишап близ сел. Мурджахети в Джавахети. Фас.

Монолиты, имеющие человеческую фигуру или уподобляемые таковой, известны в Грузии под названием, с одной стороны, „ква-каца“ — камень-человек, каменный человек (в „Дастурламали“ царя Вахтанга VI, от начала VIII в.) и, с другой — „кал-ква“ — женщина-камень, каменная женщина, или „квата-рдзали“ — каменная невеста. Описание одного из таких монолитов, изображавших Вахтанга в человеческий рост, дано М. Хоренским (Ист. Арм., 1—31). Грузинские же источники сохранили нам описание кумиров Армазского пантеона.³

Те же монолиты, независимо от их форм, которые впоследствии оказались связанными с культом фаллуса, получили наименование по-грузински „дзудзуо-ква“ — камень-грудь, по-армянски „кат-кар“ — молоко-камень. Причем такой функцией наделены не только самые примитивные менгиры, но подчас и вишапоиды и подлинные вишапы (как, например, близ сел. Мурджахети и Гандза), что, конечно, надлежит рассматривать как „позднейшее переосмысление значения памятника, так как символические элементы изображения на его верхней части относятся к совершенно иному кругу представлений.“⁴

Говоря о переоформлении вишапов и вишапоидов в кумиры-идолы или каменные бабы, что могло иметь место в эпоху идолопоклонства,

¹ Ш. Амиранашвили. История грузинского искусства (на груз. яз.), т. I, Тбилиси, 1944, стр. 48.

² Л. Меликсет-Беков. Ук. соч., стр. 107—110; 131. Ср. Ш. Амиранашвили. Ук. соч., стр. 57—59 и рис. 22—23 (табл. 9).

³ Его же. Армази. Историко-археологический очерк, Тбилиси, 1938, стр. 38—44.

⁴ Б. Б. Пиотровский. Вишапы. Каменные статуи в горах Армении, Л., 1939, стр. 14—15.

нельзя забывать и того, как те же памятники в эпоху христианства трансформируются в крестные камни или каменные кресты: это либо тот же вишاپ или вишапоид, осложненный с лицевой стороны орнаментацией креста, либо подлинный каменный крест с весьма короткими (насколько позволяла переработка стелы) боковыми выступами и с эмблемой плодородия в центре (рис. 15).

Что касается вопроса о датировке вишапов и вишапоидов Грузии, то по этому поводу мы позволим себе повторить положение, высказанное нами еще в 1938 г. „... Если одним из признаков, притом важнейшим, если не самым важным, для датировки Гехамских вишапов и вишапоидов признается наличие на них тех или иных фигур, как например, пары птиц и головы четвероногих как жертвенных животных, или волнистых линий как эмблемы воды, или, наконец, изображений солнечного диска как эмблемы плодородия, то таковые признаки налицо и на вишапах и на вишапоидах Грузии, из коих в одном мы имеем пару журавлей (Гандза), в другом — пару аистов (Мурджахети), голову собаки (там же), двуглавою змею (там же), пару змей, сплетающихся одна с другой (Гюмбат), солнечный диск (Гандза, Родионовка, Гохнари), волнистые линии (Шипяк-Саномер), голову рыбы (Гандза), глаз рыбы (Шипяк, Саномер, Гандза) и т. д. В частности, наличие на одном вишапоиде изображения одновременно пары аистов, собаки и двуглавой змеи (Мурджахети) отражает ту стадию миропонимания творцов этого изображения, когда аисты олицетворяли собою небо, собака — землю, а змея — преисподнюю“.¹

Кстати, отметим, что изображение аистов, собаки и двуглавой змеи на Мурджахетском вишапоиде напоминает орнамент поясных блях с изображением собаки со змеей или птицы с рыбой или змеей.²

В цикл вишапов и вишапоидов Грузии мы включаем также каменную плиту с рельефным изображением довольно позднего времени костяка рыбы, очевидно, лосося, на спине которой переплетаются две змеи (рис. 13). Картина переплетения змей представлена в духе соответствующих деталей из сюжетов иранских сказаний о Зохаке и Бюраспе Аждахаке, „из плеч которого, — по словам М. Хоренского (Ист. Арм., I, прил. 1), — вырастают вишапы“, а также аналогичных мотивов из романов о „Тристане и Изольде“ и об „Абессаломе и Этери“, на могиле которых вырастают цветы, стремящиеся перекинуться и переплестись.³

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Вишапы и вишапоиды на территории Грузии зафиксированы в следующих пунктах: 1) близ сел. Мурджахети Ахалкалкского района, в пред. дер. Джавахети (рис. 6—8 и 9); 2) близ сел. Гандза, что по дороге от Нараванского озера к озеру Сагано, или Туман-гел, так же в пределах дер. Джавахети (рис. 10—11); 3) в поле между селениями Шипяк и Саномер, в районе будущего водохранилища Храмской ГЭС, в Верхней Цалке (рис. 12); 4) в ограде церкви сел. Гюмбат, также в Цалке (рис. 13); 5) в поле между селениями Авранлу и Кызыль-Килиса, там же (рис. 14); 6) в греческой церкви св. Константина в сел. Чолак, там же; 7) в армянской церкви Успения в городище

¹ Л. М. Меликсет-Бекоев. Ук. соч., стр. 107—110, 132, 133.

² Там же, стр. 103, прим. 1.

³ Там же, стр. 106—107, ср. также: Л. Меликсет-Бекоев. Мегалитическая культура в Грузии и ее пережитки в эпоху Руставели. „Труды Тбилисского учительского института им. Пушкина“, т. III, 1943, стр. 163.

Самшвилде близ Тетри-Цкаро (Агбулаг-Белый Ключ); 8) в ущелье р. Чохор; во множестве и пр.¹

1. Вишап и вишапонд близ сел. Мурджакети
(рис. 6, 7, 8 и 9)

Близ сел. Мурджакети (Ахалкалкского района), населенного грузинами, имеется два монолита из камня сероватого цвета, из коих один почти четырехгранной формы в стоячем положении, а другой — цилиндрической формы, повален на землю. Местные жители считают их сестрой (Марина) и братом (Лалио), пытавшихся бежать при нашествии якобы „лезгин“ (лекианоба) и превратившихся в камни, наподобие жены Лота, фигурирующей в ветхозаветном сюжете о гибели Содома и Гоморы, которая за попытку оглянуться назад (во время бегства) превратилась в соляной столб.

Рис. 7. Вишап близ сел. Мурджакети в Джавахети. Профиль с левой стороны

Первый монолит известен также у местных жителей под названием „дзиква“, т. е. „рдзис-ква“ (груз.) и „кат-кар“ (арм.) в значении камня-молока, молочного камня. В литературе он впервые был зафиксирован Е. Лалаяном (1892, 1931), затем И. Ростомовым (1898, 1901), Е. С. Такайшвили (1909), а с их слов — С. Макалатия (1926, 1938) и Х. Самуэляном (1927, 1931), признавшими его фаллическим камнем. Я. И. Смирнов первый внес сомнение в оценку семантики памятника, заявив, что он усматривает „в верхней, по крайней мере, части камня бычью голову и лапы, подобные стеле Аждагаюрта“.² Однако С. Ломия (1917) и Н. Я. Марр (1917, 1922) склонны были

видеть в нем вишапа, против чего не возражал и И. И. Мещанинов (1925). Размеры первого (четырёхгранного) монолита: высота 3.20 м, ширина 0.70, обхват 2.55. Ориентирован на восток (рис. 6); с северной (рис. 7) и южной (рис. 8) стороны похож на рыбу. Рельеф фасада изображает (вопреки И. Ростомову и Е. Такайшвили, видевшим в нем „фалус“), по Я. И. Смирнову, „бычью голову и лапы“, а по Н. Я. Марру и И. И. Мещанинову — „глаза рыбы и жабры“. Этот семантический пучок соответствует мышлению его творцов в тотемистической стадии или, пожалуй, в переходной от тотемистической к космической стадии „трех миров“, с характерными для каждого из них животными: для верхнего

¹ Подробное описание отдельных памятников со ссылками на литературу см. в работах, упомянутых в предыдущих примечаниях.

² Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов. Вишапы, Л., 1929, стр. 64.

Рис. 8. Вишап близ сел. Мурджахети. Профиль с правой стороны

Рис. 9. Вишапид близ сел. Мурджахети. Повален на землю

Рис. 10. Вишاپ близ сел. Гандза в Джавахети. Фас.

Рис. 11. Вишاپ близ сел. Гандза в Джавахети. Профиль с левой стороны.

Рис. 12. Вишاپ между сел. Шипяк и Саномер в Верхней Цалке. После раскопок. Фас.

мира или неба — пары аистов (самца и самки), для среднего мира или земли — собаки или собачьей головы, для нижнего мира или преисподней — двуглавой змеи (рис. 8).

Второй (цилиндрический), расширяющийся кверху монолит имеет в длину 2.72 м, с обхватом в 2 м в средней части. В верхней части имеет дыру, вероятно, сделанную в христианскую эпоху для каменного креста. Позднего происхождения, очевидно, и те два углубления или ямки (рис. 9), которые выдолблены в нем с целью придать памятнику функции, связанные с так называемым „эратипа“ (камнем детской души).

2. Вишاپ близ сел. Гандза

Монолит, довольно темного цвета, близ сел. Гандза, населенного армянами, по дороге

Рис. 13. Вишар в сел. Гюмбат в Верхней Цалке. Фас.

от Параванского озера к озеру Сагамо, или Тумангол, в поле, известен под названием „каткар“ — молоко-камень, молочный камень, и „Сурб-Саргис“ Святой Саргио (Змееборец).¹ Зафиксирован в литературе И. Ростомовым (1898, 1901), затем Е. Лалаяном (1931), которые признавали его фаллическим камнем.

Монолит, представляющий собой несколько плоскую и расширяющуюся кверху плиту, имеет в высоту 3.56 м, в ширину 1.7 м и обращен к западу. Напоминает рыбу-великана кита, головой вверх и с открытой пастью (рис. 10), ниже которой изображены рельефом: эмблема солярного круга (диск) — голова рыбы с глазом, ртом и жабрами, а еще ниже пара птиц, не то аистов, не то журавлей. Очертания рыбы монолит имеет и в профиле с обеих сторон (рис. 11).

Рис. 14. Вишапоид — каменная баба между сел. Авранлу и Кызыль-Килиса в Верхней Цалке. Фас.

¹ Ср. менгир, называемый „Сурб-Говорк“, т. е. Святой Георгий (Змееборец) в сел. урнамети в Верхней Цалке.

3. Вишاپ между селениями Шипяк и Саномер

Монолит, почти цилиндрической формы, находится в районе будущего водохранилища Храмской ГЭС, на открытом поле между греческими селениями Шипяк и Саномер, в Верхней Цалке. Известен под тюркским названием „тикма-тап“, что означает стоячий камень. Над поверхностью земли монолит выдавался лишь наполовину, другой же половиной погружен был в грунт земли, почему и потребовались раскопки, произведенные нами летом 1936 г. и обнажившие памятник целиком. Монолит оказался подлинным вишапом, впрочем, техническим оформлением своим весьма оригинальным и отличным от вишапов не только Армении, но и Грузии.

Размеры монолита: высота 2.85 м (до раскопок и над поверхностью земли 1.45 м), обхват в верхней части 2 м, в нижней — 3.40 м, диаметр в нижней части 1.15 м.

Монолит представляет собою статую подлинной рыбы, головою вверх, с глазом в виде кружка и с волнистой линией по всей длине туловища; кружки и линии высечены не рельефом, а нанесением углублений по камню (рис. 12).

4. Вишاپ в сел. Гюмбат

Монолит в форме плоской плиты серого цвета, вделанный в ограду греческой церкви сел. Гюмбат в Верхней Цалке, справа от ворот. По рассказам местных старожилов-греков, монолит этот использован был как надгробная плита на местном кладбище и снесен потоком воды во время стихийного ливня в овраг, откуда его и перенесли к церкви и включили в кладку церковной ограды. Что камень на самом деле использован был как надмогильная плита, подтверждается присутствием в верхней части грузинской надписи, представляющей смесь церковного и гражданского алфавита, где читается (в переводе): „Христе, помилуй душу Э...а“ (имя дефектно), и которая дословно совпадает с надписью на восточной стене церкви Сапитахчи, датируемой нами XII—XIII в., в той же Цалке.¹

Размеры монолита: длина 2.05 м, ширина в головной части и в хвосте 0.75 м, в середине 0.95 м; толщина плиты 0.30—0.40 м. На монолите рельефное изображение костяка рыбы, повидимому, лосося, а над брюшиной две переплетающиеся змеи (каждая длиной в 1.05 м) в духе соответствующих сказаний из иранского, грузинского и вообще мирового эпоса. При этом характерно, что голова рыбы несколько походит и на свиную голову (рис. 13).

5. Вишапоид — каменная баба между селениями Авранлу и Кызыль-Килиса

Монолит, находящийся посреди поля между селениями Авранлу и Кызыль-Килиса в Верхней Цалке, известен у местных греков и армян под названием „тикил-таш“ — стоячий камень.

Размеры монолита: высота 2.15 м, обхват 2.83 м.

En face походит на каменную бабу (рис. 14), в профиль — на вишапоид.

Монолит, повидимому, прошел все стадии трансформаций, начиная от примитивного менгира, через форму вишапа или вишапоида, и вплоть до каменной бабы (ква-каца).

¹ Л. М. Меликсет-Беков. Мегалитическая культура в Грузии, Тбилиси, 1938. стр. 105.

6. Вишапы и вишапоиды в бассейне Чороха

Покойный армянский писатель Атрпет в специальном очерке, посвященном бассейну р. Чороха и изданном отдельной книжкой на армянском языке в Вене в 1929 г., отмечает наличие в бассейне р. Чороха, в нынешней Турецкой Грузии, вокруг озера Зиарет, до 20—30 цилиндрических монолитов — вишапов и вишапоидов, которые, по его словам, некогда имели вертикальное положение, ныне же повалены на землю. Причем недалеко от оросительной канавы, теряющейся в болоте, замечается другая группа таких же памятников.

Монолиты имеют в среднем, по словам Атрпета, в высоту до 5.7 м, в диаметре 0.80—1 м. Обработаны и отесаны они грубо, имеют изображения ящерицы, волла-буйвола и головы других животных.

7. Трансформация вишапа или вишапоида в крест близ сел. Родионовка

Монолит близ духоборского сел. Родионовка (др. груз. Парвани, или Тав-Паравани), по дороге в Нижнюю Цалку, представляет собою трансформацию вишапа или вишапоида в каменный крест — деревянный знак высотой в 2.50 м.

То обстоятельство, что боковое узкое перекрестье диспропорционально по отношению к верхнему длинному концу и что в центре креста налицо эмблема плодородия, выведенная рельефным кругом, наводит на мысль о факте переработки узкого монолита вишапа или вишапоида в дорожный знак — крест, что, очевидно, должно было иметь место в начале XIII в. На такое заключение наводит наличие на кресте ниже изображения солярного круга эмблемы царицы Тамары и Давида Сослана от 1200—1208 гг., а под нею — древнегрузинской дефектной надписи церковным алфавитом того же времени (рис. 15).

Рис. 15. Трансформация вишапа или вишапоида в каменный крест — дорожный знак близ сел. Родионовка

С. П. ТОЛСТОВ

К ВОПРОСУ О ПРОТОХОРЕЗМИЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ¹

Во время разведок 1940 г. по маршруту Турткуль-Нукус было открыто расположенное к северу от теснины, образованной прорывом вод Аму-Дарьи через Западные отроги Султан-Уиз-Дага, весьма интересное

Рис. 16. Укрепление Чильпык (на берегу озера близ Аму-Дарьи) IV—VII вв. н. э.

укрепление Чильпык (рис. 16). Укрепление, по керамическим и архитектурным данным относящееся к раннеафригидскому времени,² резко выделяется из круга синхроничных памятников, несколько напоминая, может быть,

¹ Из материалов Хорезмской археологической экспедиции АН СССР 1937—1940 гг.

² ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 120 сл.; 1939, № 3, стр. 187 сл.

только Аяз-Калу № 2.¹ Это — круглая в плане, небольшая (около 60 м в диаметре) пахсовая (глинобитная) крепость, увенчивающая вершину конического холма высотой около 35 м. К входу, расположенному с востока, ведет защищенный боковыми стенами глинобитный пандус. Стены, за исключением ворот, частично воздвигнутых из кирпича античных размеров (субструкция пандусов в воротах из кирпича с прослойками песка), — пахсовые. Никаких следов жилых помещений в крепости нет. Вся внутренность представляет сплошную глиняную площадку, вымощенную на забутовке из обломков черного песчаника, почти в уровень с внешней стеной. В центре площадки выступает вершина песчаниковой скалы. На склонах было найдено немало обломков глиняных оссуариев. Воздерживаясь пока от окончательного решения вопроса о характере этого укрепления, не производящего впечатления ни замка-усадыбы, ни стратегического пункта — ибо отсутствие следов жилищ в укреплении слишком очевидно, — допускаю, в качестве одного из возможных, предположение о культовом назначении этого памятника. В пользу этого говорит еще одна черта: выступающий в центре площадки укрепления утес сплошь покрыт надписями и знаками, относящимися к самым различным временам. Нахождение на склонах холма фрагментов оссуариев позволяет считать наиболее вероятным Чильпыкское „укрепление“ не чем иным, как „башней молчания“ — да х м о й, где трупы покойников представлялись действию атмосферы и отдавались на съедение птицам, чтобы затем кости, очищенные таким образом, собрать в оссуарии, и перенести в места постоянного погребения.

Основную массу высеченных в скале изображений составляют сложные геометрические начертания. Знаки того же типа были нами открыты в дальнейшем на смежной возвышенности Кара-Тюбе и на буграх Беш-Тюбе, расположенных примерно в 20 км к югу от Нукуса.

Переходя к характеристике этих знаков, должен отметить, что они могут быть по техническому и тематическому признаку разделены на четыре группы:

1. Наиболее многочисленная группа — это сложные геометрические знаки, глубоко вырезанные в песчанике (рис. 17, 18, 19, 20).

2. Менее многочисленны особо богато представленные в Беш-Тюбе изображения всадников, верблюдов, сабель, боевых сцен, контуры которых выбиты в поверхности скалы (рис. 21, 22).

3. Изображения животных (верблюдов, коней), в которых выбитыми в скале оказывается не только контур, но и вся ограниченная им поверхность.

4. Очень схематические изображения всадников и арабские надписи, нацарапанные на скале.

Характерно распределение этих групп в отношении близости их к дороге, проходящей мимо Чильпыка. Если на последнем мы имеем не только надписи арабским алфавитом, но и современные русские или латинизированные надписи, то на Кара-Тюбе лишь на одном из концов возвышенности, ближе всего к Чильпыку, оказались две мусульманские надписи (среди сотен наскальных знаков), одна из которых انوشه محمد („Ануша Мухаммед Богадур хан“) принадлежит сыну знаменитого Абдул-Гази и датируется XVII в., а вторая, на том же камне, но в другой технике, еще окончательно не разобранный, содержит слова ممر تگش اعلى, может быть, принадлежит хорезмшаху Текешу и тогда должна быть возведена к XII в.

В Беш-Тюбе мусульманских надписей совсем нет, в то время как на Кара-Тюбе и Чильпыке совсем нет изображений людей и животных.

¹ Там же, 1939, № 3, стр. 198; 1941, № 1, стр. 106 а, рис. 7 и 8.

Все это вместе взятое заставляет меня датировать эти последние изображения временем раннего средневековья (*terminus post quem* дает изображение сабель), за исключением некоторых из них, резко отличных по технике (надарапывание), которые должны быть отнесены к позднему средневековью.

Особый интерес представляет наиболее богато представленная в Кара-Тюбе группа разнообразных знаков, резко отличных по своему типу от описанных нами в 1939 г. „загадочных знаков“ средневековых городищ Чермен-Яба.¹

Наряду с простыми начертаниями линейного характера мы встречаем здесь сложные комбинации пересекающихся под разными углами прямых и изогнутых линий, в том числе: особенно характерные решетчатые прямоугольники, прямые и косые решетки, и т. п. Наиболее близкие этим знакам ассоциации можно встретить в ранней иероглифике Ближнего, Среднего и Дальнего Востока — в протоэламских надписях, иероглифах хеттов и Мохенджодаро, с одной стороны, в ранней китайской графике — с другой.

Вместе с тем эта группа ассоциируется с открытыми О. Н. Бадером² геометрическими начертаниями изображений „Каменной могилы“ в Приазовье, относимыми автором предположительно к бронзовому веку, что позволяет думать о сравнительно очень ранней датировке наших знаков. Аналогии этим знакам О. Н. Бадер находит далеко на западе.

По совокупности данных я склонен видеть в них пиктографические знаки местного происхождения и датировать их временем, во всяком случае, предшествующим широкому внедрению арамейской письменности.

Пиктографический характер знаков несомненен. Об этом говорит композиционно и графически закрепленная связанность отдельных начертаний, особенно заметная на рис. 20, где начертание, надо думать, изображающее схематизированную человеческую, вероятно женскую,³ фигуру, ломаной линией (змея? вода? молния?) соединено с другим рисунком ромбоидальной формы.

Одно из изображений представляет схематизированную фигуру всадника, ряд других — также схемы человеческих фигур.

Однако наиболее часто встречающимся знаком, как мы указывали, является квадратная, прямоугольная или косая решетка, нередко дополняемая рядом косых черт, иногда связывающих интересующий нас знак с комплексом других пиктограмм.

По определению Б. Грозного, этот знак, в трех вариантах в протоиндийских письменах имеет значение идеограммы для „дома двorca, магазина“.⁴

Я думаю, что, хотя, видимо, этот знак представляет схему плана многокомнатного общинного дома, однако его значение шире. Понять его мы можем, исходя из общего определения семантики наших пиктографических комплексов.

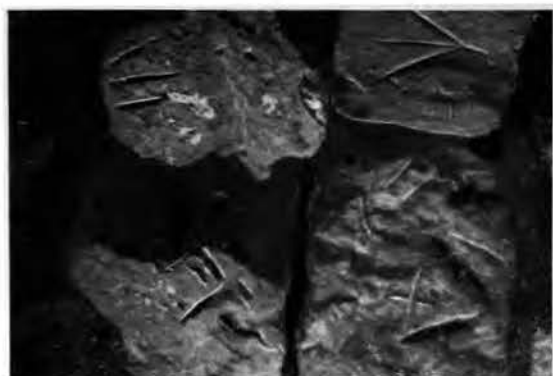
Видимо, скалистые площадки Беш-Тюбе, Кара-Тюбе и Чильпыка представляли древние места каких-то культовых церемоний, традиция которых тянется и дальше, вплоть до самой поздней античности, о чем свидетельствует включение древней культовой площадки в систему раннефригидского сооружения — Чильпыка. Если мы правы в определении Чильпыка

¹ КС ИИМК, 1940, вып. VI, стр. 77.

² О. Н. Бадер. Древние изображения на потолках гротов в Приазовье. МИА, 1941, № 2, стр. 126; см. особенно рис. 9, 11, а также 8, 12 и др.

³ Ср. изображение людей в Юкагирской пиктографии.

⁴ Б. Грозный. Протоиндийские письмена и их расшифровка. ВДИ, 1940, № 2, стр. 26.

17

18

19

20

21

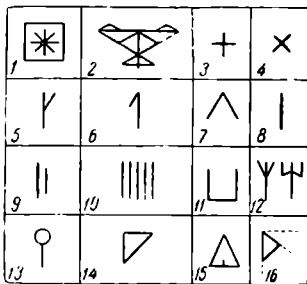
22

17—22. Наскальные знаки Кара-Тюбе

как дахмы, то в скалистых площадках первобытного Хорезма надо видеть также места погребального культа, древний прототип „башен молчания“, место выкладывания трупов. Ритуал этот, несомненно, уходящий корнями в глубокую первобытность Средней и Центральной Азии, вошел в историю, с одной стороны, в зороастрийском обряде Древней Средней Азии и Ирана, с другой — в буддийском обряде современного Тибета.

Если это так, то наскальные пиктографические комплексы Хорезма имеют отношение к погребальному ритуалу и заупокойному культу предков. Почти всюду встречающаяся „решетка“ может поэтому читаться как пиктограмма „дом“, но в смысле ассиро-вавил. bit, арабск. beyt, ср.-аз. — иранск. ked, т. е. домовая, resp. „родовая, община“, „совокупность обитателей большого общинного дома“, а пиктографические комплексы — как магические обращения к духам-хранителям рода-дома, прежде всего в форме простых наименований такового. В таком случае каждый комплекс, естественно, будет состоять из пиктограммы-детерминатива „род“ и индивидуального комплекса знаков, содержащих имя рода и, может быть, молитвенную формулу.

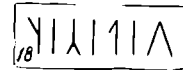
Наряду с „решеткой“ можно отметить ряд уже отчетливо оформившихся линейных начертаний как сложных в виде квадрата с вписанной звездой (1) или в виде симметричной системы углов и треугольников (2), так и простых, среди которых тождественны с мохенджодарскими: прямой и косой крест (3 и 4), черта с ответвлением (5) или (6), угол (7), простая вертикальная черта (8), черта, повторяемая два и пять раз (9 и 10), разомкнутый сверху прямоугольник (11), тройной развилок (12), круг с чертой (13). Часты различные виды треугольников (14 и 15) и их систем (16). См. нижепомещаемую таблицу. Иногда эти

элементарные знаки входят в систему пиктографических композиций, иногда стоят изолированно, иногда образуют правильные строки,

например:

и расположенная под ней

или

Этот тип знаков, чрезвычайно близкий, если сделать поправку на лапидарность протохорезмийских начертаний, к протоиндийским, позволяет предполагать начало перехода от пиктографии к идеографии и видеть здесь первые шаги иероглифического письма.

Вся совокупность вышеизложенных данных позволяет датировать протохорезмийские наскальные начертания временем от III до начала I тысячелетия, т. е. бронзовым веком Хорезма. К этому времени, по нашему мнению, относятся и северо-западные — приазовские и западно-европейские аналогии протохорезмийских знаков, созданные, как и они, в процессе тех больших социальных и этнических сдвигов, которыми сопровождался процесс становления индоевропейской системы языков на обширном пространстве от С.-З. Индии до левобережья Нижнего Рейна.

При несомненных связях хорезмийских, европейских мохенджодарских, хеттских и протоэламских знаков трудно пока с сколько-нибудь достаточной отчетливостью установить конкретные условия и направление формирования этих связей. Возможно, что здесь мы видим постепенное

расширение на север и запад влияния древней и, вероятно, не древнейшей в истории человечества индоокеанской цивилизации. Возможно и другое. Может быть, перед нами распространение в сферу этой цивилизации элементов культуры втянутых в ее круг первобытных варваров Иранского нагорья и Туранской низменности, касситов, митанийцев, хеттов, а может быть, и самих сумеров, связи которых с урало-алтайским языковым миром вполне убедительно установлены Гоммелем.¹ Вернее же, здесь сплетение, сложное и длительное, обоих процессов.

---

¹ F. Hommel. Ethnologie und Geographie des Alten Orients, München, 1926, стр. 21 сл.

Р. ГИРШМАН

РАСКОПКИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ ГОРОДА ШАПУРА В ФАРСЕ¹

Автор не ставит своей задачей подводить итог тому, что было сделано за полтора с лишним века русскими востоковедами в области изучения сассанидской эпохи. Интерес к этому блестящему периоду иранской истории не ослабевает, и надо думать, что результаты последних исследований французской экспедиции в Шапуре привлекут внимание советских иранистов.

Нельзя не согласиться, что археологическое исследование культуры Сассанидов — явление только последних лет. Отметим, что первые раскопки памятников Сассанидов оказались чисто случайными: так, в Дамгане (север Ирана) американская миссия искала Гекатомпилос, столицу парфян; в Кише (Ирак) английская миссия раскапывала древнюю столицу шумеро-аккадской цивилизации. Обе миссии, неожиданно (для них), „наткнулись“ на сассанидские дворцы.

Первой экспедицией, целью которой были раскопки сассанидских руин, была немецко-американская в столице Ктезифон. Надежды другой американской экспедиции, проработавшей три года в Каср абу-Наср (около Шираза), не оправдались, как пока еще не оправдались ее работы на новом месте в Нишапуре, около Мехшеда, где, однако, был найден богатый материал, относящийся к первым векам ислама. Керамика, очень близка к найденной в Афрасиабе.

Интересные и важные находки в Ктезифоне, Кише и Дамгане показали научному миру искусство последних веков сассанидской эпохи. О нем знали или, вернее, его предугадывали на основании результата работ в аббасидской Самарре; ярким подтверждением этого послужили недавние находки в Омейядском дворце Каср ел-Хейр между Дамаском и Пальмирой.

Но об искусстве начала Сассанидов, за исключением барельефов на скалах Ирана, монет и очень редких ювелирных изделий, знали чрезвычайно мало. Это послужило поводом к тому, что Луврский музей, по соглашению с Академией Наук, решив начать „сассанидские раскопки“, остановился на развалинах Шапура, осматривать которые я был послан еще в 1932 г. Три года спустя, по просьбе Совета национальных музеев Франции, были приостановлены мои работы по исследованию доисторического Ирана и начаты раскопки Шапура. С 1935 г. и до

¹ Настоящая статья была переслана автором из Кабула через ВОКС для напечатания в „Кратких сообщениях“.

1941 г. мною было проведено пять кампаний, каждая от четырех до шести месяцев.¹

Работа в Шапуре требует исключительно больших усилий и терпения. Это один из редких древних городов Ирана, все постройки которого, без исключения, на протяжении всего периода его существования были возведены только из камня и извести. Сейчас его площадь в 3 км² покрыта грудями камней от развалившихся стен. Камень за камнем складывали рабочие длинные штабеля. В некоторых памятниках, как храме огня, дворце В, отдельные камни доходят до тонны весом.

Город был построен вторым царем сассанидской династии Шапуром I, по всей вероятности, в годы, последовавшие за его блестящей победой над императором Валерианом. Найденная нами надпись на одной из двух колонн памятника Шапуру I подтверждает это предположение (ее дата 263 г. н. э.). По мере того как развивались наши работы, все более и более вероятной становилась гипотеза, согласно которой римские пленные, в числе которых были архитекторы, инженеры и художники, не остались чуждыми ряду нововведений в этом сассанидском Версале.

Уже те здания, которые полностью или частично были раскопаны экспедицией, наглядно указывают на три основных способа техники в архитектуре, характерные также для римского мира:

1) Первый способ — стены выведены исключительно из крупных отесанных камней без следа извести или цемента. Для большей крепости употреблялись железные скрепы в форме [, длиной в 0.50 м; скрепы эти были залиты оловом. Так был построен дворец В, о котором речь будет ниже.

2) Второй способ — из неотесанного камня возводилась двойная облицовка стены, промежуток заполнялся камнем и щебнем, и все заливалось жидкой известью (способ, известный под названием blocage). Являясь самой экономной, эта техника была и самой распространенной. Таким способом был выстроен дворец А, в котором была найдена мозаика и богатый штукатурный орнамент. Техника эта исключительно хороша при постройке куполов и сводов, столь оцененных сассанидскими архитекторами, и применялась уже в парфянскую эпоху. Этот способ строить не исчез еще и сегодня: так выстроен местными каменщиками дом, в котором помещается Французская экспедиция.

3) Третий способ является сочетанием двух предыдущих: внешняя и внутренняя облицовка стены сделана из крупных блоков отесанного камня, соединенных железными скрепами в форме „ласточкина хвоста“ и закрепленных в специальных углублениях литым оловом. Расстояние между этими внешними частями стены заполнено камнем и известью. Так выстроен храм огня, одна из стен которого сохранилась еще сегодня во всю свою 14-метровую высоту.

Дворец А, расчистка центрального зала которого потребовала долгих месяцев работы, был описан в одном из наших докладов. При возобновлении работ весной 1940 г. задача заключалась в определении главного входа дворца, который по аналогии с редкими известными нам планами сассанидских дворцов (Фирузабад, Сарвистан, Каср-И-Ширин) должен был иметь форму айвана. При изучении аэрофотоснимков города внимание наше было привлечено холмом, тесно примыкавшим с восточной стороны к центральному залу. Решив, что вход следует искать именно здесь, мы посвятили три месяца весенней и пять месяцев зимней кампании 1940—1941 гг. на работу над этим холмом.

---

¹ Краткие отчеты были мною опубликованы в „Revue des Arts Asiatiques“, в „Illustrated London News“ и в ньюйоркском сборнике „Asia“. Не имея в Кабуле библиотеки, я вынужден в этой статье цитировать все по памяти.

Главный вход дворца (рис. 23), вытянутый с запада на восток, открывается на юг тройным айваном классической сасанидской формы, с центральной частью шириной в 15 м и двумя боковыми по 5 м каждая. Все три зала были перекрыты коробовым сводом, следы которого частично видны в западной части, где стены лучше сохранились. Первоначально не было никакого сообщения между этими тремя частями входа, но позади них идет узкий коридор, в который попадали через пять

Рис. 23. Главный вход дворца А в Шапуре

дверей центральной части (хорошо видных на фотографии), и по одной двери боковых частей. Коридор соединял айван с главным крестообразным залом дворца.

Внутренние стены айвана ниш не имели, хотя и не были однообразно плоскими. Во всю глубину центральной части западная и восточная стены имели выступы длиной в $1\frac{1}{2}$ и 2 м и шириной 0.60—0.70 м, покрытые декором из резного штукатурки. Одно из этих панно (рис. 24), найденное на полу разбитым на сотни кусков, реставрировано Т. Гиршман, единственным сотрудником последних работ в Шапуре.

Основной мотив, где главную роль играли виноградная лоза, заключен в ряд восьмигранников, отделенных малыми квадратиками и промежуточными трапециями. Подчеркнем исключительную живучесть основного мотива, который, пройдя через ряд композиционных изменений, ясно выраженных штукатурным орнаментом, найденным в Хире и в Самарре, оставался в почете у иранских художников вплоть до XII в.¹

В этой же центральной части были найдены, вместе с обвалившимся сводом, части орнамента плоской крыши и парапета, украшенного

¹ Ср. с орнаментом мавзолея в Безуне возле Исфагана (1133). Б. П. Денжкее, *Архитектурный орнамент Средней Азии*, М.—Л., 1939, рис. 76.

квадратными панно из такого же резного штука, где немалую роль играют варианты с цветком лотоса, а также с трехъярусными зубцами, впервые встреченными при раскопках, но известными по некоторым памятникам сассанидского искусства.¹

Если главный сюжет большого панно может быть отнесен к мотивам, заимствованным с Запада, то изображение лотоса имело свои очень древние традиции в восточном искусстве и широко было использовано ахеменидскими художниками, перенявшими его у ассирийцев.

Весь штукавый орнамент айвана был резным, — техника, прямо противоположная тому, что было нами найдено в главном зале дворца, где все штукавые элементы были вылиты в формах и составлены в целое в момент их укрепления на стенах и в нишах.

Пол центральной части айвана был богато украшен мозаикой. От главного панно, покрывавшего входную часть, не осталось ничего, кроме редких черных кубиков у подножия пилястров. Нет следов и от панно, которые, вероятно, находились вдоль северной стены с ее пятью дверями. Но восточная сторона и, особенно, западная дали нам исключительно богатым и до сих пор неизвестным материал.

Бесперывной лентой тянулась мозаика вдоль стены в виде панно разных размеров и сюжетов: большие изображения женщин двора (рис. 25), либо танцовщиц, либо музыкантш. Их одежда чрезвычайно интересна для изучения женского костюма III в.: одни носят декольтированное платье без рукавов; платье других имеет длинные рукава, тесно облегающие руки, и оставляет на полу длинный трен; третьи, — это относится к музыкантшам и цветочницам, — не носят ничего, кроме короткого шарфа, брошенного через плечо, оставляя тело голым. Как далека эта мода от той, которую можно видеть спустя три-четыре века на знатных женщинах иранского общества Средней Азии, будь то фрески Китайского Туркестана, либо полихромные статуи из глины, найденные в Фондукистане, около Бамьяна. Их затянутые в корсеты бюсты, с глубоким декольте, показывают, что костюм средневековой европейской женщины был уже создан в эту эпоху в Азии.

Далее, отделенные мелкими панно с геометрическими рисунками находились узкие панно с двумя-четырьмя портретами почти натуральной величины (рис. 26). Судя по тому, что портреты эти украшали царский дворец, можно заключить, что они изображают членов царского дома, либо представителей семи знатных фамилий сассанидской аристократии. Специальных головных уборов нет: волосы мужчин украшены лавровыми венками, женщины, в пышных прическах с локонами, имеют венки из цветов в форме валика над лбом, завязанного на затылке лентами. Некоторые из больших панно изображают куртизанок, плетущих венки из цветов; на концах венков имеются две ленты.

Судя по тому, какую роль играют венки на всех панно этой залы, можно предположить, что вся мозаичная декорация айвана связана с назначением этой части дворца для пиршеств. Подобно греко-римскому миру, на празднествах Сассанидов, как это указал И. А. Орбели,² венку тоже уделялось почетное место. Весьма возможно, что общая идея тесно связана с каким-либо крупным праздником; таким событием мог быть Но-руз — праздник нового года, весны и цветов. Мы знаем, что такие тенденции не были чужды сассанидским декораторам, в чем убеждает хотя бы описание драгоценного ковра, найденного арабскими войсками в огромном зале ктезифонского дворца, с сюжетом, посвященным весне.

¹ Серебряное блюдо коллекции Эрмитажа с изображением осады крепости.

² Сассанидское искусство. Восток, 1924, № 5.

На одном из панно (рис. 26) изображена мужская голова, украшенная, помимо венка, парой рогов и ушей барана (?). Надо полагать, что изображен здесь один из принцев, так как этот головной убор был привилегией членов царской семьи: вспомним описание Шапура II Аммианом в битве под римской крепостью Амида. На голове шахиншаха красовался золотой, покрытый драгоценными камнями шлем в виде головы барана.

Другие памятники, как барельефы, серебряное блюдо Эрмитажа со сценой охоты Баграма I в бытность его наместником восточных владений, монеты вице-королей, дают богатый материал и подтверждают разнообразие этого убора.

Вправо от бороды мужчины видны пять стрел. Колчан, в котором они находились, не сохранился. Под головой соседнего мужчины изображена полка для игры в поло — национального спорта сассанидов, которому К. Иностранцев посвятил столь богатые эрудицией страницы. В нескольких стах метрах от города Шапура, выше по течению одноименной реки, находится теснина с широким лугом. Крестьяне называют его танг-и-чуган — имя, связанное с воспоминанием об игре в поло.

Указанными двумя атрибутами художник хотел подчеркнуть, насколько каждое из двух изображенных лиц было сильно в этих видах сассанидского спорта — охоте и поло, знание которых было необходимым для каждого иранца знатного происхождения, как о том повествует Кар-Намаг-и-Ардешир.

Исполнение мозаики, ее материал, расположение панно, сюжет убеждают в том, что западное искусство и даже западные художники не были чужды ее воспроизведения. В общей композиции мозаики наблюдается то, что характеризует римскую мозаику III в., когда стирается грань между картиной (*emblemata*), принадлежащей к технике, известной под названием *opus kerniculatum*, и той работой, которая под термином *opus tessellatum* предназначалась вначале просто покрывать пол. Отметим также все увеличивающийся в эту эпоху в Риме и провинциях интерес к мозаичному портрету, подчеркнув абсолютное тождество геометрических мотивов мозаики Шапура и мозаики III в., найденной недавно франко-американской экспедицией в Антиохии.

Не было бы, как мне кажется, большой ошибкой считать, что вся мозаика была выполнена художниками Запада. Ее характерные черты указывают на то, что она явилась результатом тесного сотрудничества западных и иранских художников, — сотрудничества, неоднократно проявлявшегося в других произведениях сассанидского искусства в Шапуре. По-моему, выполнение эскизов было исключительно делом рук иранских художников, это сказывается не только в поразительной четкости передачи этнографических типов, но особенно в характере портрета. Грек, верный традициям, представил бы портрет в бюсте, этрусско-римский портрет остановился бы на нижней части шеи, здесь же портрет не идет ниже подбородка; эту черту я склонен приписать именно иранскому искусству.

Такой прием шокирует того, кто воспитан на традициях классического мира, но именно он — этот прием — уже в эпоху парфянского царства нашел в лице иранских художников своих адептов. Вспомним портреты-маски, украшающие стены Хатра в Северной Месопотамии, или золотые серьги из Нипура (Южная Месопотамия) той же эпохи; подобные портреты из глины были найдены в Дуре-Европосе. Аналогичные образцы дает и нумизматика: я имею в виду не изданную еще серебряную монету скифо-парфянского правителя Восточного Ирана, Спализиса (конец I в. до н. э.), найденную нами в Беграме, к северу от Кабула.

К сассанидской эпохе относится кусок ткани с подобными портретами, найденный в Антипое и хранящийся в музее Гимэ в Париже. Но наиболее ярким образчиком служит „портретная галерея“ мозаики Шапура.

Не менее важным в этой находке мозаик является то, что мы здесь впервые встречаемся с произведениями сассанидской живописи. Правда, она передана в технике, которую полюбил уже декадентствующий древний мир, но не забудем, что картина из мозаики воспроизводила оригинал, исполненный живописью. По мозаике Шапура можно заключить, на каком высоком уровне стояло уже в III в. искусство сассанидского портрета, о котором мы знаем из исторических источников,¹ как в настоящее время об этом свидетельствуют портреты, подобные образу старика (рис. 27).

Закончив раскопку айвана, несмотря на надвигавшуюся жару, мы начали работы на соседнем с ним очень большом холме, отделенном от айвана лишь шириною внутреннего двора. Мы вскоре убедились, что под ним находятся остатки другого дворца (B), стены которого были сложены исключительно из крупных блоков отесанного камня, соединенных железными скобами. Работа здесь шла крайне медленно. Ничего еще нельзя сказать об его общем плане, но уже верхние части ниш, видимых на снимке (рис. 29), позволяют догадаться об основных принципах его конструкции, которые, по всей вероятности, были вдохновлены руинами дворцов в Персеполе, где комнаты и залы имеют прямоугольные двери и ниши. Разница, конечно, большая в самом материале, использованном архитектором, так как стены ахеменидских дворцов были сложены из сырцового кирпича с нишами и дверьми, вытесанными из монолитов; сассанидский же дворец был построен из массивных каменных блоков, среди них было найдено около десятка, украшенных барельефами (рис. 28). Одни изображают царя на коне, атакующего своей длинной пикой врага, другие — стоящие фигуры в характерных иранских одеждах. Хотя сохранность этих памятников, поврежденных при падении, плохая, но все же возможно провести параллель между ними и барельефами III в., высеченными на скалах Ирана, и видеть в тех и других не только ту же технику, но и главную идею сюжета.

Мы еще не знаем, какой части стены принадлежал этот рельеф, но мы должны сравнить его с барельефным орнаментом дворцов того же Персеполя. Правда, в Шапуре, вместо длинной вереницы застывших воинов, царедворцев, либо носителей дани, мы видим ту жизнь, то движение, тот порыв, которые вдохновили творцов самого старого из памятников сассанидского искусства — барельеф Ардашира I в Фирузабаде, где первый сассанидский царь в бешеной схватке убивает своего врага, парфянского царя Артабана V.

То, что изучено экспедицией на развалинах этой царской резиденции II в., настолько незначительно, что в будущем потребуются еще большие усилия, еще более длительные розыски. Но результаты, какими бы скромными они ни были, вносят новый вклад в наши знания чрезвычайно интересной эпохи, которая не всегда была полностью и справедливо оценена. Ее упрекали в том, что ее архитектура выбрала слишком легкий штучковый орнамент. Раскопки Шапура показали, что наряду со штучком, который находил себе все более широкое применение, скульптура по камню не была забыта, что традиция ее продолжала жить по крайней мере во время первых царей этой династии.

---

¹ Я имею в виду упоминания ал-Истахри о виденной им у дехкана книге с портретами царей сассанидской династии, выполненных в красках.

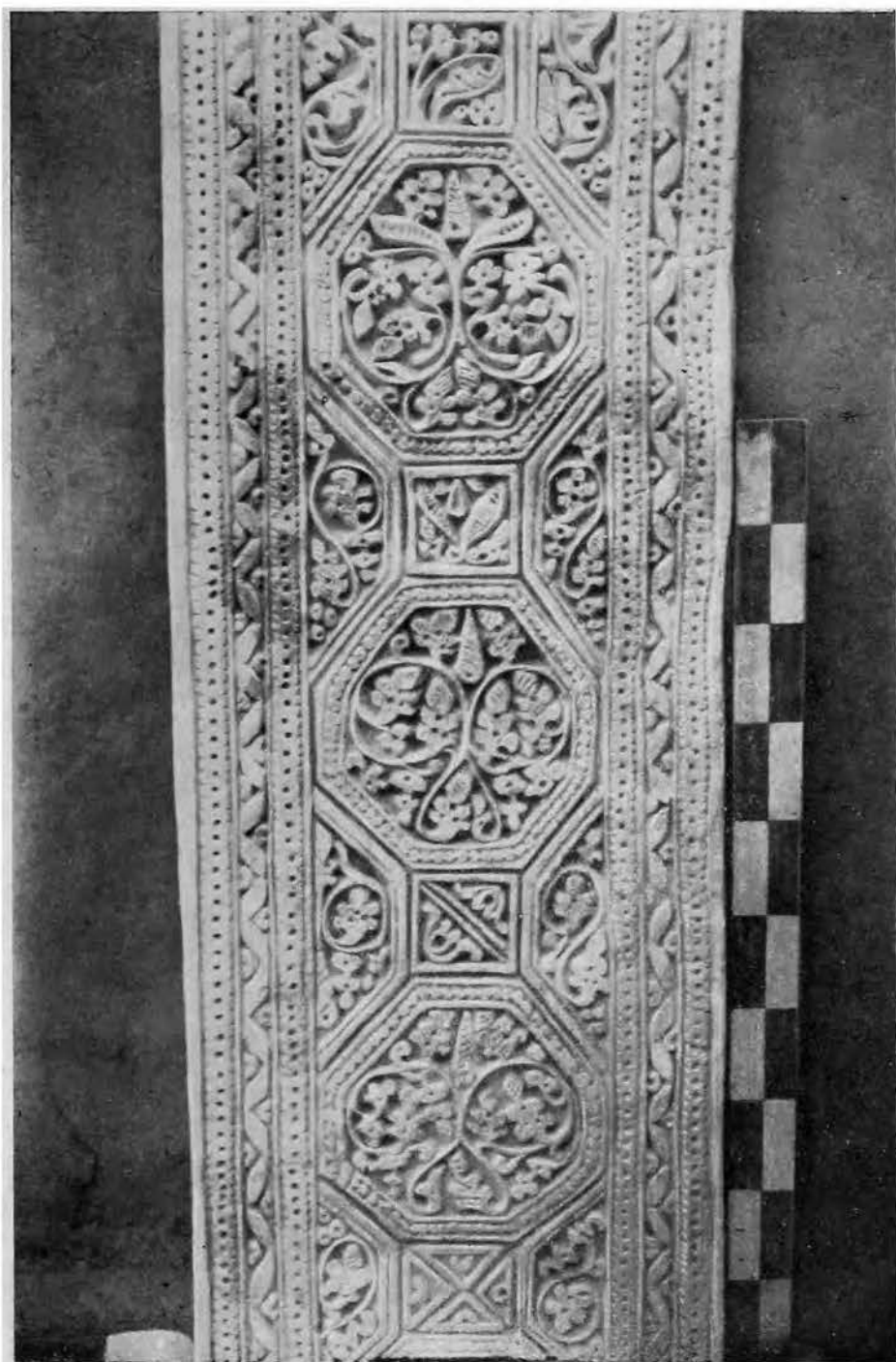

Рис. 24. Резной стукový орнамент стен айвана дворца Шапура.
Реставрация Г. Гириман.

Рис. 25. Мозаика пола айвана дворца Шапура

Рис. 26 Мозаика пола айвана дворца Шапура

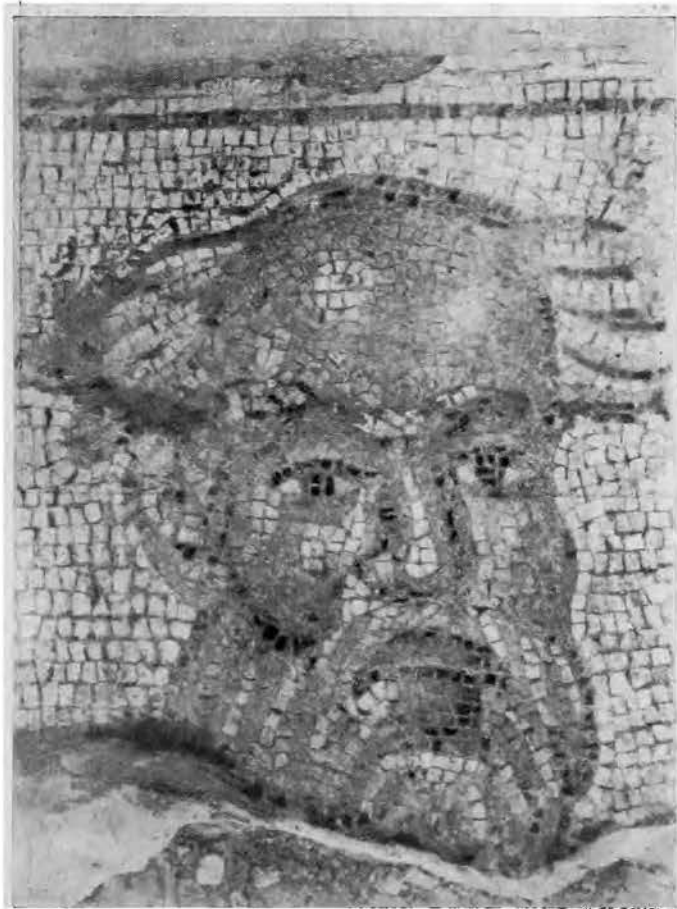

Рис. 27. Портрет старика. Мозаика пола айвана дворца Шапура

Рис. 28. Каменный блок, украшенный барельефом.
Дворец В в Шапуре

С другой стороны, труды экспедиции показали, что если нельзя полностью согласиться с теорией, по которой появление новой сасанидской династии послужило сигналом к возврату ко всему чисто-национальному, традиционно-иранскому, то нельзя также считать правильным и мнение других, что искусство этой эпохи рабски следовало западным образцам.

Рис. 29. Работы по раскопке дворца В в Шапуре

За всю свою тысячелетнюю историю Иран никогда не отказывался от своих национальных богатств, он не искал их замены новинками, пришедшими извне, но, вместе с тем, он и не ставил преград этим последним. Это чувствуется на каждом шагу в Шапуре: изучаем ли мы храм огня — его строго квадратный план чисто иранского происхождения, или быков, украшающих его стены, где несомненно ахеменидское влияние, но техника архитектуры этого храма чисто западного характера. План главного зала дворца А в форме креста, с его 64 нишами, с айванами и грандиозным куполом, может быть причислен к шедеврам иранской архитектуры; однако в его штучный орнамент введены меандры, аканфовые листья, растительные побеги — плоды эллинского гения. Стелющаяся на полу дворца мозаика и ее панно, выполненные согласно эллинистической технике, воспроизводили, однако, рисунки, сделанные рукою иранского живописца.

По памятникам, оставленным отцом Шапура в Фирузабаде, можно частично судить об иранском искусстве на грани парфянского и сасанидского периодов. Оно представляется поразительно бедным западными идеями по сравнению с искусством времени его сына. Следует ли это отнести за счет личности Шапура I? В некотором отношении — безусловно да. Уже в покровительстве Мани создателю новой универсальной религии сказывается и характер и широкие тенденции Шапура, по

настоянию которого переводятся труды Запада по медицине, астрономии, метафизике, чтобы быть включенными в литературные произведения зороастрийской официальной религии. Его успешные войны с Римом усилили новое течение, так как победитель испытал культурное влияние побежденного.

Каково бы ни было заключение о характере искусства времени Шапура I — продолжалось ли оно после его смерти или изменилось при его первых преемниках — в свете того, что дали работы в Шапуре, оно представляется богатым, разнообразным и многогранным. Наши раскопки, внося ценный вклад в знание эпохи, должны безусловно послужить важным источником для будущих изысканий, ибо они дали строго датированный материал. В нем придется искать разрешения не одной проблемы, которая станет перед исследователями сассанидского искусства, влияние которого проникло в самые отдаленные от его колыбели страны и следы которого ощущаются на всем пространстве — от фресок в гротах Китайского Туркестана до скульптуры средневековых церквей и соборов Франции.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

О ТЕХНИКЕ РОСПИСИ АРИБАЛЛИЧЕСКИХ ЛЕКИФОВ

Литература, посвященная изучению античной глиняной посуды, весьма обширна, но вместе с тем нельзя не признать, что различные вопросы, связанные с исследованием греко-римской керамики, разрешены далеко не в равной мере. Так, исключительным обилием отличаются работы, посвященные истории керамики, особенно расписных ваз, в силу чего этот раздел антиковедения обследован весьма обстоятельно. Эволюция форм сосудов и особенно стиля росписей, многократно подвергавшаяся самому скрупулезному анализу, в настоящее время выяснена весьма детально. Столь же далеко продвинуто изучение вопросов, связанных с определением места и времени производства отдельных групп памятников, а также истолкования сюжетов их росписей. Но совершенно в ином положении находится исследование техники производства ваз, в значительной меньшей мере привлекавшей внимание ученых.

При этом, должно заметить, что подобно тому, как среди работ по истории античной посуды самое видное место занимают исследования, посвященные изучению стиля, крупнейших мастеров-вазописцев и отдельных групп ваз, равным образом при исследовании техники производства сосудов в центре внимания исследователей находилось изучение вопросов, связанных с росписью этих памятников. При этом наблюдению подвергались главным образом памятники первостепенного художественного значения, в силу чего с наибольшей тщательностью выяснены вопросы, связанные с приемами работы не шаблонных росписей, а отдельных, в большей или меньшей степени не повторявшихся рисунков и композиций, исполнявшихся от руки посредством различных инструментов.¹

Но совершенно иначе обстоит дело с исследованием исполнявшейся по шаблону техники росписи массовой глиняной посуды, которая никогда не привлекала особого внимания исследователей; вместе с тем, не подвергалась детальному изучению и связанные с нею вопросы применения механических приемов.

¹ Об этом см., например, С. Perrot et Ch. Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, Paris, 1911, т. IX, стр. 330 сл.

Многочисленные указания по вопросам техники античной вазописи заключены в работе Фуля: E. Fuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen, München, 1923; сводку этих указаний см. т. II, стр. 964 сл.

Детальный анализ росписи отдельных крупнейших памятников античной керамики см. Furtwängler Reichhold, Hauser. Griechische Vasenmalerei, тт. I—III, München, 1900 сл.

Настоящая заметка ставит своей целью разрешить частный вопрос, связанный с употреблением одного механического приема (обмакивания сосуда в лак) при расписывании античных ваз.

Прием нанесения лака на поверхность сосуда не посредством кисти, а путем обмакивания части (или всего) сосуда в соответствующую жид-

Рис. 30. Краснофигурный арибаллический лекиф. Собрание ГМИИ (Москва)

Рис. 31. Краснофигурный арибаллический лекиф. Собрание ГМИИ (Москва)

кость хорошо заметен на некоторых краснолаковых сосудах,¹ в силу чего и был прочно установлен для этой группы памятников.

В настоящей статье мы рассмотрим вопрос о применении обмакивания при росписи арибаллических лекифов. В Гос. музее изобр. искусств им. А. С. Пушкина имеются два сосуда этой формы, на которых сравнительно легко может быть прослежен весь процесс работы расписывавшего их вазописца.

Упомянутые арибаллические лекифы (инв. № II, 1, 6 524² и II, 1,

¹ Примером такого краснолакового сосуда может служить двуручная чашка с рельефными украшениями Гос. музея изобразительных искусств. Инв. № II, 1, 6, 674. Высота ее 0,075 м, диаметр устья 0,03 м. Происходит она из собрания Строгановского училища (инв. № 2173). Место находки гор. Керчь, гора Мятридат (?).

² Арибаллический лекиф, инв. № 524. Высота 0,037 м, диаметр устья 0,034 м. Глина оранжево-коричневая, роспись исполнена блестящим лаком от темнокоричневого до оранжево-серого и красновато-сероватого цветов. Устье расходится широким раструбом, губы широкие, шейка сильно вытянутая, ручка небольшая, крючкообразно изогнутая, плечи развиты слабо, тулово-бочковидной формы, ножка полая, низкая.

Внутренняя поверхность раструба горла, губы и вся наружная боковая поверхность сосуда, кроме нижней части ножки и краснофигурного рисунка на тулове (пальметта), сплошь покрыты лаком. Повреждения: довольно значительные сколы и потертость лака и глины.

Сосуд происходит из собрания П. В. Синицына (по описи № 46). Место находки, повидимому, Крым.

6, 526¹) украшены очень простой росписью — на тулове каждого из них находится краснофигурная пальметта (рис. 30).

Оба сосуда относятся к изготовлявшимся в большом количестве рядовым произведениям античной керамики, имевшим широкое распространение.

Обследование этих арибаллических лекифов не представляло бы для нас особого интереса, если бы нельзя было проследить технику выполнения росписи упомянутых памятников.

Боковая поверхность ножки и нижняя часть пятки на обратной стороне арибаллического лекифа инв. № II, 1, 6, 524 залиты лаком. Еще более четко это можно наблюдать на арибаллическом лекифе инв. № II, 1, 6, 526 (рис. 31), где лак покрывает не только боковые поверхности и пятку на обратной стороне ножки, но и заходит на дно сосуда (причем граница последнего на дне сосуда идет по прямой линии).

Наряду с этим следует отметить, что непокрытая сплошь лаком поверхность на плечах и тулове сосуда имеет близкую равнобедренному треугольнику (с „изогнутыми“ боковыми сторонами) форму, причем вся граница между частями тулова и плеч, залитыми лаком и не покрытыми последним, лежит в одной плоскости, которая проходит и по границе между чернолаковыми и незакрашенными частями обратной стороны ножки, а также прилежащего сегмента дна сосуда.

Математическая правильность этой границы между сплошь окрашенными и не окрашенными частями сосуда заставляет думать, что для нанесения лака означенные арибаллические лекифы были погружены в соответствующую жидкость таким образом, что непокрытыми лаком оказались большая часть ножки и дна, лицевая сторона тулова и прилежащая часть плеч. Потом закрашивались лаком наружная (боковая) поверхность ножки и нижняя часть лицевой стороны тулова, а на средней и верхней частях тулова, а также на прилегающей части плеч кистью² исполнялась краснофигурная пальметта. При этом достойно внимания, что пространства (близкие по форме треугольникам) по обеим сторонам пальметты оставались незакрашенными.

Среди других украшенных краснофигурными пальметтами арибаллических лекифов Гос. музея изобр. искусств им. А. С. Пушкина можно указать памятники, техника росписи которых до мельчайшей подробности совпадает с последней у арибаллических лекифов инв. №№ II, 1, 6, 524 и II, 1, 6, 526. Так, примером глубокого погружения сосуда в лак, при котором

---

¹ Арибаллический лекиф, инв. № 526. Высота 0.116 м, диаметр устья 0.037 м. Глина оранжево-коричневая, роспись исполнена блестящим лаком черного, коричнево-оливкового и красновато-коричневого цветов. Форма и роспись весьма близки арибаллическому лекифу, инв. № II, 1, 6, 524. Значительная часть лака утрачена. Глина повреждена сбоями и потерта. Сосуд происходит из собрания П. В. Сивидына (по описи № 87). Место находки, повидимому, Крым.

² См. об этом G. Perrot et Ch. Chipiez. Ук. соч., т. IX, стр. 337; E. Pfuhl. Ук. соч., т. I, стр. 339, § 357.

Кисть, которой исполнены эти пальметты, довольно широкая, рассчитанная на беглый, несколько небрежный рисунок, свойственный поздним краснофигурным росписям. Исполнение этих пальметт интересно сравнить с пальметтами, часто встречающимися на Боспорских краснофигурных пеликах IV в. до н. эр.

Примером могут служить пальметты (двойные), находящиеся на тулове под ручками пелики Гос. музея изобразительных искусств, инв. № II, 1, 6, 383 (старый инв. № 2759). Высота пелики 0.264 м, диаметр устья 0.131 м. Глина красновато-коричневая. Роспись исполнена блестящим черным лаком, местами коричневым, красновато-коричневым и оранжево-коричневым, а также белой краской. На лицевой стороне тулова вазы изображен юноша (Аполлон?) верхом на грифе, преследующий девушку; на обратной — два палестрита в гиматиях. Сосуд происходит из собрания П. В. Сивидына (по описи № 2), Место находки, повидимому, Крым.

залитой оказалась часть дна сосуда (подобно инв. № II, 1, 6, 526), является арибаллический лекиф инв. № II, 1, 6, 123.¹

Менее глубоко были погружены в лак (так что, последний достиг лишь ножки сосуда), подобно арибаллическому лекифу инв. № II, 1, 6, 524, арибаллические лекифы инв. №№ II, 1, 6, 420,² II, 1, 6, 423,³ и II, 1, 6, 454.⁴ Наконец, следует отметить арибаллический лекиф инв. № II, 1, 6, 426,⁵ который, как показывает довольно четко видная на плечах и тулове граница погруженной в жидкость части сосуда, был опущен в лак еще менее глубоко, так что последний достиг лишь нижней части тулова, не затронув ножки.

Весьма существенным дополнительным аргументом в пользу высказанного нами предположения о применении погружения в лак при росписи арибаллических лекифов является распределение лака внутри устья сосуда: именно в тех весьма многочисленных случаях, когда лак не полностью покрывает устье лекифа, подтеки лака всегда заходят гораздо глубже на обратной стороне сосуда, что может найти объяснение лишь в описанном нами наклонном положении сосуда, имевшем место при погружении последнего в жидкий лак. Такого рода подтеки мы можем наблюдать на упоминавшихся уже нами арибаллических лекифах Гос. музея изобр. искусств им. А. С. Пушкина, инв. №№ II, 1, 6, 426 и II, 1, 6, 524, а равно и на других аналогичных памятниках.⁶

Вышеизложенное, как нам кажется, вполне достаточно, чтобы утверждать применение погружения в лак при росписи краснофигурных арибаллических лекифов с пальметтами, но следует отметить, что далеко

---

¹ Арибаллический лекиф, инв. № II, 1, 6, 123. Высота 0.096 м, диаметр устья 0.034 м. Глина оранжевато-коричневая, роспись исполнена блестящим черным лаком, местами с оливковым и коричневым оттенком. Сосуд происходит из Гос. музейного фонда (№ 5, 13515). Происхождение не известно.

² Арибаллический лекиф, инв. № II, 1, 6, 420. Высота 0.101 м, диаметр устья 0.034 м. Глина сероватая, роспись исполнена лаком от черного до серовато-коричневого цвета. Сосуд происходит из собрания Строгановского училища (инв. № 2183). Место находки, вероятно, г. Керчь, гора Митридат.

³ Арибаллический лекиф, инв. № II, 1, 6, 423. Высота 0.096 м, диаметр устья 0.034 м. Глина оранжевато-коричневая, роспись исполнена блестящим черным лаком, местами с коричневым оттенком. Происхождение не известно.

⁴ Арибаллический лекиф, инв. № II, 1, 6, 454. Высота 0.085 м, диаметр устья 0.031 м. Глина и лак такие же, как у № II, 1, 6, 428. Происхождение не известно.

⁵ Арибаллический лекиф, инв. № II, 1, 6, 426. Высота 0.079 м, диаметр устья 0.029 м. Глина и лак см. № II, 1, 6, 428. Сосуд происходит из собрания Строгановского училища (инв. № 2579/2).

⁶ Примеры: а) Арибаллический лекиф, инв. № II, 1, 6, 428.

б) Арибаллический лекиф, инв. № II, 1, 6, 446. Высота 0.123 м, диаметр устья, 0.039 м. Глина оранжевато-коричневая, роспись исполнена блестящим черным лаком, местами оливковым. Найден в г. Керчи на южном склоне Второго Кресла Митридата (?) В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. ИАК, вып. 35, стр. 17, гробн. 22 (?).

в) Арибаллический лекиф, инв. № II, 1, 6, 517. Высота 0.077 м, диаметр устья 0.034 м. Глина оранжевато-коричневая, роспись исполнена блестящим черным лаком, местами коричневым. Происходит из собрания Строгановского училища (инв. № 2188). Место находки, вероятно, г. Керчь, гора Митридат.

г) Арибаллический лекиф, инв. № II, 1, 6, 522. Высота 0.097 м, диаметр устья 0.032 м. Глина оранжевато-коричневая. Роспись исполнена блестящим черным местами с оливковым оттенком, частично коричневым лаком. Происходит из собрания Строгановского училища (инв. № 2100). Место находки, вероятно, Ольвия.

д) Арибаллический лекиф, инв. № II, 1, 6, 532. Высота 0.101 м, диаметр устья 0.033 м. Глина оранжевато-коричневая. Роспись исполнена блестящим черным лаком с синеватым и местами оливковым оттенком. Место находки, вероятно, Крым.

е) Арибаллический лекиф, инв. № II, 1, 6, 569. Высота 0.102 м, диаметр устья 0.033 м. Глина оранжевато-коричневая. Роспись исполнена блестящим черным лаком, местами коричневым. Происхождение не известно.

не все сосуды этой группы позволяют с полной четкостью проследить технику их росписи, и нередко мы можем лишь предполагать применение погружения сосуда в лак.¹

Обследованные нами с точки зрения техники росписи арибаллические лекифы, украшенные пальметтами, представляют собою, как мы уже отметили выше, одну из отраслей массовой продукции античной керамики. Время широкого применения арибаллических лекифов охватывает период с середины V в. до н. эр. до конца существования античной

Рис. 32. Южноиталийский арибаллический лекиф

Рис. 33. Арибаллический лекиф с сетчатым орнаментом

вазописи.² Что же касается рассматриваемых нами памятников, то по времени они относятся к позднеклассической и раннеэллинистической эпохам. Близкие аналогии по форме большинству рассматриваемых нами арибаллических лекифов Гос. музея изобр. искусств им. А. С. Пушкина мы встретим среди таких же сосудов,³ найденных в Керченском склепе 1908 г., датируемых М. И. Ростовцевым последними десятилетиями IV в. или первыми годами III в.⁴ до н. эр.

Описанный нами прием частичного погружения сосуда в лак при росписи отнюдь не свойственен только краснофигурным арибаллическим лекифам с пальметтами. Его мы находим и на других памятниках античной вазописи классического и эллинистического времени.

¹ Примеры: арибаллические лекифы, инв. №№ II, 1, 6, 522 и II, 1, 6, 369.

² E. Pfuhl. Ук. соч., т. I, стр. 407, § 434.

³ М. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, СПб., 1914, стр. 73, табл. XXVIII, №№ 3 и 5.

⁴ Там же, стр. 74.

Прежде всего следует упомянуть краснофигурные арибаллические лекифы, украшенные не пальметтами, а фигурными изображениями. Примером может служить арибаллический лекиф Гос. музея изобр. искусств им. А. С. Пушкина, инв. № II, 1, 6, 460,¹ с профильным изображением женской головы, обращенной влево (перед лицом которой находится орнамент в виде завитка).²

Особого упоминания заслуживают два южноиталийских краснофигурных арибаллических лекифа, инв. №№ II, 1, 6, 589³ и I, 1, а, 2993⁴ (рис. 32).

Оба украшены изображением женской головы в профиль. Эти сосуды были почти в горизонтальном положении наполовину погружены в лак, сплошь заливший обратные стороны. Затем были нанесены язычки на лицевые стороны шеек и расписаны лицевые стороны тулов, украшенные очень простыми орнаментальными мотивами и женскими головами, исполнение которых свелось почти только к нанесению кистью контура⁵ и разделке некоторых деталей внутри последнего (глаза, волосы и чепцы).

При этом следует отметить, что арибаллический лекиф инв. № II, 1, 6, 589 был погружен в лак почти в совершенно горизонтальном положении, и лак залил половину дна, тулова и немного более половины шейки. Что же касается арибаллического лекифа, инв. № I, 1, а, 2993, то последний при погружении в лак был несколько наклонен вниз, в сторону горла, в силу чего лак, заливший лишь немного более половины дна и тулова, покрыл не только обратную, но и боковые стороны шейки, оставив не залитым лишь узкое пространство лицевой стороны (не более одной пятой части всей поверхности шейки).

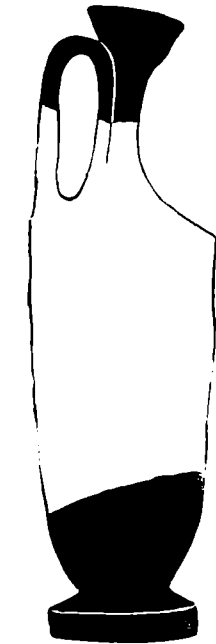

Рис. 34. Лекиф с белой облицовкой

Широко применялся прием частичного обмакивания сосуда в лак и при расписывании так называемых „сетчатых“ арибаллических лекифов, причем сосуд опускался горлом вниз таким образом, что лак покрывал иногда только устье сосуда, а также самую верхнюю часть шейки и ручки (например, инв. № II, 1, 6, 518;⁶ рис. 33), иногда же сосуд погружался глубже,

¹ Арибаллический лекиф, инв. № II, 1, 6, 460. Высота 0.108 м, диаметр устья 0.033 м. Глина оранжево-коричневая. Роспись исполнена блестящим черным лаком. Происходит из собрания П. В. Синицына (по описи № 48). Место находки, по видимому, Крым.

² Примерами обмакивания сосуда в лак могут служить также, как видно по горлу, арибаллические лекифы с изображениями женских голов, инв. №№ II, 1, 6, 520 и II, 1 6, 538.

³ Арибаллический лекиф, инв. № II, 1, 6, 589. Высота 0.099 м, диаметр устья 0.029 м. Светлая, коричнево-желтая глина. Роспись исполнена лаком от черного и оливково-черного до буро-коричневого цвета. Происходит из собрания проф. Н. Ю. Зографа. Место находки не известно.

⁴ Арибаллический лекиф, инв. № I, 1, а, 2993. Высота 0.094 м, диаметр устья 0.04 м. Глина красновато-желтая. Роспись исполнена лаком от черного, черного с оливковым оттенком и темнокоричневого до оливково-коричневого и красно-коричневого цветов. Происходит из собрания Голенищева.

⁵ Голова и окружающие ее простые мотивы орнамента настолько плотно заполняют лицевую сторону сосуда, что после нанесения контура рисунка вазописцу почти не было необходимости покрывать фон лаком.

⁶ Арибаллический лекиф, инв. № II, 1, 6, 518. Высота 0.079 м, диаметр устья 0.029 м. Глина оранжево-коричневая. Роспись исполнена черным и оливково-черным лаком, а также белой и желтой красками. Происходит из собрания П. В. Синицына. Место нахождения, вероятно, Крым.

вплоть до того, что половина¹ или даже бóльшая часть² шейки и ручки сосуда оказывались покрытыми лаком.

Совершенно таким же образом, как у „сетчатых“ лекифов, погружались в лак те же части и расписных арибаллических лекифов с изображением оливковой ветви на тулове. В Гос. музее изобр. искусств им. А. С. Пушкина имеется один из таких сосудов (инв. № II, 1, 6, 591),³ который, судя по границе покрытых лаком верхних частей, был погружен в лак горлом вниз в несколько наклонном положении.

Обмакивание применялось не только при росписи арибаллических лекифов, но также и сосудов других форм. Так, некоторые аттические лекифы, несколько небрежно исполненные, являющиеся продуктом массового производства, с белой облицовкой погружались в лак верхней (приблизительно до середины шейки и ручки) и нижней (ножка и нижняя часть тулова) частями. В Гос. музее изобр. искусств им. А. С. Пушкина хранятся два таких лекифа, инв. №№ II, 1, 6, 650⁴ (рис. 34) и II, 1, 6, 655,⁵ белая облицовка и роспись которых дошли до нас в крайне плохом состоянии, сохранность же лака удовлетворительна. Посредством обмакивания покрывались лаком горло и верхняя часть расписных амфорисков; примером такого сосуда может служить сетчатый амфориск Гос. исторического музея.⁶

Подводя итог нашему небольшому исследованию, мы можем отметить, что все перечисленные нами памятники (арибаллические лекифы с краснофигурными пальметтами, изображениями женских голов, „сетчатым“ орнаментом, изображениями ветки, а равно и лекифы с белой облицовкой), при расписывании которых применялось обмакивание сосуда в лак, представляли собою предметы массового рыночного производства античной керамики. Изготовление этого дешевого⁷ товара в большом количестве требовало быстрой росписи последних, что и вызвало применение приема частичного обмакивания в лак, значительно упрощавшего процесс производства.

---

¹ Арибаллический лекиф, инв. № II, 1, 6, 125. Высота 0.099 м, диаметр устья 0.034 м. Глина коричневато-желтая. Роспись исполнена блестящим черным лаком, а также белой и желтоватой красками. Получен из Гос. музейного фонда (№ 5, 13513. Место находки не известно).

² Арибаллический лекиф, инв. № II, 1, 6, 264. Высота 0.074 м, диаметр устья 0.024 м. Глина оранжевато-коричневая. Роспись исполнена блестящим черным лаком и белой местами с желтоватым оттенком краской. Происхождение не известно.

³ Арибаллический лекиф, инв. № II, 1, 6, 591. Высота 0.073 м, диаметр устья 0.028 м. Глина оранжевато-коричневая. Роспись исполнена блестящим черным лаком, местами оливковато- и коричневато-черным, переходящим в красновато-коричневатый, и белой краской. Устье внутри, губы, раструб горла снаружи, а также верхняя и средняя части шейки и ручки покрыты лаком (обмакивание). На тулове горизонтально расположенная ветвь с исполненными лаком стеблем и большими листьями, между листьями белые точки (плоды?). Сохранность: небольшие сбой и потертость. Происходит из собрания П. В. Сивидына (по описи № 88). Место находки, вероятно, Крым.

⁴ Лекиф, инв. № II, 1, 6, 650. Высота 0.25 м, диаметр устья 0.033 м. Светлая коричневато-желтая глина. Лак от темнокоричневого до красновато-коричневого. На плечах и тулове ничтожные следы белой облицовки и красной краски. Шейка была помята до обжига. Происходит из собрания С. Н. Грачева. Из Греции.

⁵ Лекиф, инв. № II, 1, 6, 655. Высота 0.215 м, диаметр устья 0.032 м. Следов белой облицовки несколько больше, чем у лекифа инв. № II, 1, 6, 650. Остатки красной и синей красок. Происходит из собрания С. Н. Грачева. Из Греции.

⁶ Амфориск, инв. № 55765. Высота 0.103 м, диаметр устья 0.027 м. Роспись исполнена черным лаком и белой краской.

⁷ Ср. E. P o t t i e r. Catalogue des vases antiques de terre cuite (Musée du Louvre), Paris, t. III, стр. 685.

А. К. ТАХТАЙ

НОВАЯ НАДПИСЬ ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО II в. н. э.

(Предварительное сообщение)

1 августа 1943 г., при уборке III Поперечной улицы Херсонесского городища, на стене одного из средневековых помещений с правой стороны улицы, приблизительно посредине ее, обнаружен крупный обломок мраморной плиты с греческой надписью на ней.¹

Рис. 35. Надпись II в. н. э. из Херсонеса Таврического

В том же помещении найден еще один небольшой кусок той же плиты со свежим изломом, который может быть непосредственно приложен к большому с левой стороны (рис. 35). Был ли он отбит при выламывании мрамора из стены случайно или в связи с испытанием прочности материала позднее, остается неясным, неясным остается и происхождение свежих изломов на правой угловатой стороне обломка, заставляющих думать, что его верхний правый угол был также отбит. В настоящем обломок имеет форму оббитого со всех сторон неправильного пятигран-

¹ Помещение V II квартала. См. план II квартала в „Херсонесском сборнике“, вып. III, стр. 43.

ника (со свежими изломами на двух правых гранях), причем его левая короткая грань перпендикулярна к строкам надписи и, может быть, близка к левому краю плиты, если не является его уцелевшей частью (слегка оббитой в древности). Длина этого края 12 см, наибольшая высота обломка с надписью на лицевой поверхности 29.5 см, наибольшая ширина 30 см, толщина плиты 10.4—10.5 см.

Мрамор белый, холодного синеватого тона, крупнозернистый, местами патинизованный (желтоватый).

Лицевая поверхность гладко отшлифована, задняя — грубо оббита.

На лицевой поверхности уцелели части 13 строк надписи из крупных отчетливо и красиво насеченных букв приблизительно одинаковой высоты (1.5—1.7 см с увеличением до 1.8—2 см) „А“ и „Л“ и значительно меньшей „О“ (0.6—1.7 см). Расстояние между строками 0.5—0.7 см.

Максимальное число букв в наиболее сохранившихся строках (6—9)—24.¹

В одном случае отмечена двойная ошибка резчика, им самим исправленная.² В другом одно и то же слово Ἰὸς по ошибке (?) вырезано дважды (v. 4).³ Местами надпись повреждена выбоинами (крупное пятно на вертикальной оси, несколько мелких внизу, полоска у левого верхнего угла с краю).

Читается при частичном восстановлении так:⁴

1. . . . . [Φ]λα[ο]υ[ιο]ς? . . . . .
2. [Δημοκράτης Βοίσ]κου. Τίτος Φλ[ά]ουιος . . . . .
3. . . . . [Ερμοκλ]ῆς Ἀπολλων[ίου]. . . . .
4. . . . . υἱὸς υἱὸς Οὐλπίου . . . . .
5. . . . . ν' Ἀρίστων Ἀπολλω[νίδου] . . . . . [Θεαγένης]
6. [ς?] Διο[γ]ένους. Βοίσκος Ζήθου. Διο[γένης] Διογένους? . . . . .
7. [Σ]κέλλος. Γ. Γαζούριος Μητροδ[ώρου]. Τίτος Φλάουιος Παρθενοκλ[ῆς]
8. ῆς υἱὸς Φλαουίου Παρθενοκλέ[ους]. Τίτος Φλάουιος Ἀρίστων υἱὸς?
9. [ς?] Φλαουίου Ἀπολλωνίου. Ἡρακλε[ίδης] Θεαγενίωνος· Πυθόδωρος Χρ[ῆς]
10. ηστίωνος ἄρχων. Ἀπελλα[ς] υἱὸς Ἀπελλα ἄρχων? . . . . .
11. [υἱ]ὸς Φιλομούσου ἄρχων. Ἡρου[δά(?)]. . . . .
12. [νόμων φύ]λα[ς] και ὁ γραμμ[ατεὺς] τῆς βουλῆς . . . . .
13. υἱὸς Φλαουίου [Π]α[ρ]θενοκλέους? . . . . .

Следует думать, что в тексте по ошибке резчика высечено Σκέλλος вместо Σκέλος. Предварительный текст представляет собой отрывок списка магистратов и почетных граждан, скрепивших приложением печатей подлинность декрета (τῶν σφραγισαμένων).

По текстуальным и формально-эпиграфическим данным этот отрывок относится к довольно уже многочисленной группе херсонесских декретов римского раннеимператорского времени с часто встречающимися именами Т. Флавиев, реже — М. Ульпиев и Г. Юлиев.⁵

Отрывок включает в себе большую нижнюю часть списка τῶν σφραγισαμένων и дает полностью в вертикальном протяжении третий столбец, занимающий в нем 7 нижних строк; начало его отмечено обозначением Σκέλλος, конец — надписью секретаря совета. Над третьим столбцом частично сохранились еще 6 строк. Составляли ли они также полный

¹ Следовательно, учитывая максимальное число букв в строке восстановленного текста (50—51), наш обломок в его наибольшей ширине представляет около половины ширины целой плиты.

² См. дальше строку v. 7 и рис. 35: после Σκέλλος было вырезано (не на своем месте) Α и стерто, затем рядом — Β и также стерто, и, наконец, на его месте вырезано Γ.

³ Причем в обоих случаях Ἰ было сначала вырезано по ошибке, как Ι.

⁴ За скобки вынесены также и буквы, от которых сохранились только части, по которым, однако, целые буквы восстанавливаются с полной уверенностью.

⁵ Библиографию этих декретов см. у Р. Х. Лепера — Херсонесские надписи. ИАК, вып. 45, стр. 61 и у В. Латышева — Эпиграфические новости из Южной России, ИАК, вып. 53, стр. 29.

столбец второй (β) и только его, или же содержали в себе и заключительную часть первого столбца (Α) — остается неизвестным. Недостающие имена и части их в публикуемом отрывке восстанавливаются по аналогии с вышеупомянутыми декретами.¹ В наличном отрывке (как и в наиболее сохранившемся декрете в честь Диа... Гераклеота, см. дальше) имена Флавиев встречаются четыре раза,² Ульпия — один раз.

Из магистратов упоминаются: звание архонта — два раза, номофилака — один раз, секретаря — тоже один раз.

Словарной особенностью текста является употребление термина Σκέλλ(λ)ος вместо Στίχος декрета в честь Диа... Гераклеота и других — по восстановлению.³ Сопоставление имен, подписавшихся на издаваемом фрагменте, с одной стороны, с единственным пока почти целиком сохранившимся и точно (авто)датированным декретом в честь Диа... Гераклеота (129/130),⁴ с другой, с не столь точно, но все же твердо (авто) датированным декретом в честь отцов Гераклеотов эпохи Антонина Пия (138—161),⁵ и с некоторыми другими декретами, по датировке к нему примыкающими, приводит к следующим результатам:

1) В нашем отрывке встречаются имена, которые с большей или меньшей долей вероятности могут быть отождествлены с подписавшими декрет в честь Диа... Гераклеота. Таковы:⁶

α) [Δημοκράτης Βοίσ]χου	(v. 2)
β) [Ἐρμοκλ]ῆς Ἀπολλων[ίου]	(v. 3)
γ) Ἀρίστων Ἀπολλων[ίδου]	(v. 5)
δ) [Τίτος Φλάουιος Παρθενοκλ]	(v. 7)
ῆς υἱὸς Φλαοῦιου Παρθενοκλέ[ους]	(v. 8)
ε) [Πυθόδωρος Χρ]ηστίωνος ἄρχων	(v. 9—10) ⁷
ζ) [Θεαγένης] Διο[γ]ένους	(v. 5—6) ⁸

2) Однако другие имена могут быть отнесены уже к сыновьям подписавших декрет в честь Диа...

α) Βοίσκος Ζήθου	(v. 6)
β) Γαζούριος Μητροδ[ώρου]	(v. 7)
γ) υἱὸς Φιλομούσου	(v. 11)

3) Одно из имен первой категории (δ ?), а также два другие могут быть идентифицированы с подписавшими декрет в честь „отцов Гераклеотов“. Таковы:

α) [Τίτος Φλάουιος Παρθενοκλ]	(v. 7)
ῆς υἱὸς Φλαοῦιου Παρθενοκλέ[ους]	(v. 8)
β) Ἡρακλε[ίδης Θεαγενίωνος]	(v. 9)
γ) [Ἀρίστων υἱὸς] Φλαοῦιου Ἀπολλωνίου	(v. 8—9)

¹ Максимальное число букв в строке восстанавливаемого текста, доходя до 50—51, не выходит из рамок наиболее полно (во всю ширину плиты) сохранившихся декретов означенного круга. Ближе всего в этом отношении наш текст стоит к декрету в честь „отцов Гераклеотов“, см. ИАК, вып. 23, стр. 58—59 (54 буквы).

² Не считая имени в первой строке, восстановление которого (по остаткам букв) как Φλαοῦιο? весьма и весьма вероятно, если не бесспорно.

³ См. ИАК, вып. 23, стр. 59 и 61 (к № 95), и ИАК, вып. 45, стр. 53 и 61. Возможно, что в последних или в части их стояло, как у нас Σκέλλ(λ)ος, а не Στίχος.

⁴ ЖМНП, 1907, март, стр. 140—157, и „Pontika“, стр. 314—331.

⁵ Ispe т. IV, № 71, и ИАК, вып. 23, стр. 57—60, к № 71 (В. Латышев. Дополнения и поправки к изданным надписям из Южной России).

⁶ Помимо Τίτος Φλάουιος (v. 2), который мог быть одним из Флавиев этого декрета (исключая Т. Фл. Παρθενοκλῆς).

⁷ Повидимому, так же, т. е. как сын Πυθόδωρος'α, может быть восстановлен и [Χ]ρηστίωνος декрета в честь „отцов Гераклеотов“. ИАК, вып. 23, стр. 59 (v. 31).

⁸ Имя это встречено также в „документе“, который „можно считать очень близким по времени с декретом в честь Диа...“ В. Латышев. Дополнения и поправки к изданным надписям... ИАК, вып. 23, стр. 61, к № 95.

На основании надписи в честь Лаодики, которая „должна быть приурочена приблизительно к середине II века“,¹ сын Флавия Аполлония может быть восстановлен здесь, как и в декрете в честь „отцов Гераклеотов“? (v. 4), как Т. Фл. Ἀρίστου или Т. Фл. Ἀττίνας, что подходит и по числу недостающих букв в строке.

4) Другие два имени, одно из которых упомянуто в рубрике второй „возможных сыновей“ (?), могут быть отождествлены с таковыми на „обломке списка лиц, подписавшихся под... декретом“, который отнесен Л. Х. Лепером „лет на 10—15 позже декрета в честь Диа... т. е. приблизительно к 140—145 г.“² Таковы:

- α) Γαζούριος Μητροδώρου (v. 7)
- β) . . . υἱὸς Οὐλπίου (v. 4)

5) Наконец, еще одно имя может быть сближено с ранее встреченным — Διο[γένης Διογένους?]. Это имя и отчество предположительно восстанавливается в двух отрывках декретов по датировке стоящих близко к вышеупомянутому „обломку списка...“ (4).³ Однако проблематичность этих восстановлений не дает твердой опоры и для нашего восстановления.

6) Если наше восстановление отчества секретаря Совета как [υἱὸς Φλαυίου [Π]α[ρθενοκλέους] правильно, то в лице его мы можем иметь либо брата предполагаемого Παρθενοκλ[ῆ]ς нашего отрывка, как и декретов в честь Диа... и „отцов Гераклеотов“, или же — по принципу повторяемости имен от деда к внуку⁴ — его сына. И с возрастной и с „фамильно-конституционной“ точек зрения это предположение не представляется невероятным. Сын здесь выступал бы наряду с почтенным отцом, который фигурирует в кругу магистратов в скромной должности секретаря, соответственно его „сыновним“ годам и служебной опытности и, вместе с тем, как таковой, он входил бы в состав державного Совета, соответственно духу „семейственности“, столь характерному для образа правления Херсонеса в данную эпоху.⁵

Рассмотрение имен нашего списка, таким образом, показывает, что большая часть их может быть отождествлена с именами подписавшихся на декретах, изданных после декрета в честь Диа... Гераклеота, приблизительно около середины II в. Очевидно, к этому же времени должен быть отнесен и наш отрывок декрета. Наличие в нем, в частности, имени Ульпия в качестве отчества подписавшегося как бы скрепляет эту датировку, так как, очевидно, имя это не могло быть принято херсонесским гражданином раньше царствования М. Ульпия Траяна (98—117).⁶ Этой датировке нашего отрывка отнюдь не противоречит наличие в нем имен, которые могут быть отождествлены с именами декрета в честь Диа... Гераклеота 129—130 г.: аналогичное, вполне естественное, сочетание мы имеем как в декрете в честь „отцов Гераклеотов“, изданном в эпоху Антонина Πия (138—161), так и в вышеупомянутом „обломке списка... приблизительно 140—145 г.“⁷

Еще два имени из сохранившихся в нашем списке нуждаются в комментарии: 1) Ἠροῖδης(?) и 2) Ἀπελλης.

¹ В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России, ИАК, вып. 58, стр. 30

² В. Латышев. Ук. соч., стр. 62—64.

³ Там же, стр. 61 (9) и 64 (11).

⁴ В. Латышев. Дополнения и поправки к изданным надписям из Южной России, ИАК, вып. 23, стр. 59, к № 71.

⁵ Его же. Эпиграфические новости из Южной России, ИАК, вып. 58, стр. 29.

⁶ Ср. Р. Х. Лепер. Ук. соч., стр. 64.

⁷ Там же, стр. 64.

Последнее имя встречено в Херсонесе в надписи позднеимперского времени на каменном гробике-урне Гемеры, жены Метродора, дочери Апеллы, сына Апелла, называвшегося также Промафлоном.¹

Принимая во внимание редкость имени *Ἀπελλᾶ* в Херсонесе и существовавший у греков обычай давать внуку имя деда² (а также наличие в надписи Гемеры жены Метродора), можно было бы предположить кровную связь между Апеллой (и Митродором?) нашего списка и Апеллой (и Митродором?) гробика-урны. Можно допустить, что первый был прадедом Гемеры (а соответственно и Метродор, ее муж, по тому же принципу повторяемости имен от деда к внуку, мог быть правнуком нашего Газурия Метродора(?)).³ Согласно следующей родословной:

Наш *Ἀπελλᾶ* — *Γαζουρίου Μητροδώρου*
Ἀπελλᾶ *Προμαθίων* — *Μητροδώρος Γαζουρίου*
Ἀπελλᾶ υἱὸς Ἀπέλλου — *Γαζουρίου Μητροδώρου*
Гемера *θυγάτηρ Ἀπέλλου* — *Μητροδώρος Γαζουρίου(?)*

Если бы подобное сопоставление могло быть обосновано, наш отрывок дал бы возможность уточнить и датировку надписи Гемеры, отнеся ее приблизительно к первой половине III в.⁴

Таковы результаты предварительного изучения вновь найденного отрывка.

При некоторых отличиях в частности — лексических, номинативных и др. — в общем этот документ вполне типичен для декретов „времени Флавиев в Херсонесе“.⁵ Как таковой, он умножает собой число памятников, свидетельствующих об аристократизации государственного строя Херсонеса или же его муниципализации на римский провинциальный лад, в римскую раннеимператорскую эпоху, когда *res publica* — общее дело вершилось в нем сравнительно небольшим замкнутым кругом родовитых и именитых *Patriae urbis* с романизованными — надо думать только по имени — Флавиями, Ульпиями, Юлиями во главе.⁶

И в этом значении нашего фрагмента как исторического источника.

---

¹ *IosPE*, 1891, т. IV, № 185, ОАК. В форме Аполла это имя (?) встречается в надписях, на монетах и амфорных ручках III—II вв. до н. э. См. *IosPE*, 1916, № 411, 487; ЗООИД., т. XXVI, стр. 244—245, и И. Махов. Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов, Симферополь, 1912, № 11а.

² В. Латышев. Дополнения и поправки к изданным надписям из Южной России, ИАК, вып. 23, стр. 59, к № 71.

³ Р. Х. Лепер. Ук. соч., стр. 63.

⁴ Или — если продолжить родословную линию еще на одну „смену повторяемости имен“ — ко второй его половине, и т. д.

⁵ Р. Х. Лепер. Ук. соч., стр. 60(8).

⁶ *Plinius*. О Херсонесе, который „перед всеми соседними городами отличается блеском и который во всей чистоте сохранил греческие нравы“. *Hist. nat.*, т. IV, стр. 26.

А. ИВАНОВА

ГОЛОВА ВАРВАРА ИЗ ХЕРСОНЕСА

(Доклад на заседании Сектора античной археологии 27. XII. 1944 г.)

К числу наиболее интересных памятников искусства Херсонеса принадлежит найденная в 1891 г. терракотовая голова варвара, хранящаяся

Рис. 36. Голова варвара из Херсонеса.
Профиль. Обожженная глина

Рис. 37. Голова варвара из Херсонеса.
Фас.

в настоящее время в Ленинграде в Гос. Эрмитаже (инв. X, 278, размеры 0.14 × 0.105 м), до сих пор оставшаяся неопубликованной¹ (рис 36, 37, 38).

Изображен сравнительно пожилой человек с длинными опущенными

¹ ОАК, 1891, стр. 6—7. Архив Херсонесского музея, дело № 2.

вниз усами, небольшой бородкой и длинными, густыми растрепанными волосами, поднявшимися над лбом как бы от встречного ветра. Голова повернута в сторону левого плеча и закинута назад. На лбу две длинные резкие, глубокие морщины, которые даны изломанными линиями. Брови рельефно выступают крупными массами, линии надбровных дуг идут от наружного угла к центру вертикально вверх, затем ломаются под углом, опускаются вниз и выступают вперед, нависая над внутренним углом глаза. Глаза посажены глубоко, особенно значительно

Рис. 38. Голова варвара из Херсонеса. Профиль.

углублен внутренний угол, верхнее веко отделяется от надбровной дуги глубокой врезанной линией. Верхнее и нижнее веки резко подрезаны и сильно выступают. Глаз трактован пластически: одним углублением дан зрачок, радужная оболочка очерчена врезанной линией. У переносицы две резкие, глубокие вертикальные морщины. Щеки впалые, скулы сильно выступают; таким образом, резкий, рельефный выступ чередуется с впадиной. От нижнего конца носа идут вниз в обе стороны две глубокие морщины. Рот открыт, виден верхний ряд зубов. Волосы, усы, борода и растительность на щеках трактованы резкими насечками.

Лицо асимметрично и дано в сильном ракурсе, — левая половина (ус, бровь и волосы над левой частью лба) выступают вперед. Правый ус, бровь и волосы над правой частью лба подняты вверх. Линии верхних зубов и нижней губы расходятся, зубы в левой части выступают вперед, правая половина нижней губы поднята и образует как бы припухлость.

Судя по характеру глины, напоминающей глину херсонезских амфорных ручек с клеймами астиномов, голову нужно считать местной работой.

Голова сильно повреждена, причем самый характер повреждений позволяет сделать некоторые выводы о назначении памятника. Сохранилась голова с незначительными остатками шеи и большой выбоиной в задней части; повреждены нос, усы, праяая бровь. Утрачен нижний конец бороды. Имеется незначительное повреждение левой брови и волос. На поверхности известковый налет. Повидимому, это не фрагмент статуи, а часть рельефа или деталь декоративного характера. Задняя сторона ее, очевидно, была прикреплена к какой-то плоскости.

Так как голова найдена не в некрополе, а в городе, поблизости от городской площади, то очень вероятно, что она принадлежала какому-то архитектурному сооружению. Можно предположить, что она служила украшением капители. Мы знаем примеры украшения капителей в римскую эпоху головами, бюстами и полуфигурами и даже целыми фигурами и группами,¹ как, например, знаменитая капитель из терм

¹ Konstantin Ronczewski. Tarentiner Kapitelle, Arch. Anz., 1934, рис. 3, стр. 15—16; там же — Einige Spielarten von Pilasterkapitellen, рис. 2, стр. 20; рис. 26, стр. 41—42.

Каракаллы с изображением Геракла¹ или капитель из Jiardino della Pigna с изображением кулачного бойца.² Размеры головы не противоречат этому предположению. Но еще более правдоподобно предположение, что это — часть какого-то архитектурного рельефа-фриза или панно: голова принадлежала, в таком случае, целой фигуре, которая не дошла до нас, и, может быть, составляла часть рельефа, изображавшего сцену боя. Именно это последнее предположение дает возможность объяснить тот сложный мотив движения, в котором изображена херсонесская голова: она не только повернута в сторону, но в то же время закинута назад, при сильно вытянутой вперед шее (рис. 36). Это характерное положение подсказывает две возможные реконструкции фигуры: 1) или это была фигура нападающего воина, который стремительно бросается вперед, по направлению к своему противнику, закинув назад голову, или это раненый или обороняющийся воин, который упал на колени, закинув голову кверху. И тот и другой мотивы неоднократно встречаются в рельефах колонны Траяна³ и колонны Марка Аврелия,⁴ также на римских саркофагах с изображением военных сцен, как, например, на саркофаге Людовизи.

Самый тип варвара не похож на те изображения скифов и сарматов, которые мы знаем по памятникам Северного Причерноморья. Наиболее близкие аналогии можно найти в рельефах колонны Траяна;⁵ сходный тип варвара дает также фрагмент рельефа траяновского времени.⁶ Таким образом, следует предположить, что, хотя херсонесская голова является местной работой, но образцом для нее послужил какой-то памятник римского исторического рельефа.

Датировка головы представляет значительные трудности; сведения, сообщаемые Косцюшко-Валюжиничем об обстоятельствах ее находки, очень суммарны; в числе совместных находок был даже ряд вещей IV—III вв. до н. э.

В стилистическом отношении голова представляет исключительный интерес. Ее характерные стилистические особенности были уже подчеркнуты при описании: эта бурная динамичность и экспрессивность композиции в целом, острая психологическая выразительность лица, достигнутая в результате резко объемной трактовки отдельных форм крупными массами, с предельным обобщением деталей. Эта объемная трактовка сочетается с резкими контрастами света и тени. Каждая объемная форма дается как сопоставление двух плоскостей, из которых одна освещена, а другая затенена, причем в месте пересечения этих двух плоскостей образуется более или менее резкая грань.

Этот стиль мы довольно хорошо знаем по ряду памятников римского искусства конца II и III вв. н. э. Впервые этот стиль отчетливо выступает в рельефах колонны Марка Аврелия, свое дальнейшее развитие он получает в рельефах саркофага Людовизи и саркофага Бальбина в Копенгагене.⁷

Может быть, еще более яркое проявление он находит в памятниках галло-германского круга. Наиболее выдающимся примером может служить

¹ G u s m a n. L'art décoratif de Rome. табл. 43.

² Ук. соч., табл. 19.

³ C i c h o r i u s, табл. XXXVIII, 95, 96.

⁴ P e t e r s e n. Die Marcus-Säule, табл. LXVIII, 3, 5, XLVI, 8, LVI, 65.

⁵ C i c h o r i u s, табл. XXXVIII, 95. Деталь этой фигуры, дающая возможность более тщательно изучить ее голову, воспроизведена в статье W e g n e r. Die Kunstgeschichtliche Stellung der Marcus-Säule, J. d. Y., 46, 1931, рис. 41.

⁶ S t r o n g. Roman Sculpture, 1907, табл. XLIX.

⁷ R o d e n w a l d t. Die Kunst der Antike. Propyläen-Kunstgeschichte, т. III, стр. 615.

Те же черты имеют место на саркофаге с изображением подвигов Геракла в Villa Borghese; см. G u s m a n. L'art décoratif de Rome, табл. 23.

знаменитый Нимвегенский рельеф Трирского музея с изображением корабля, в котором особенно замечательны по своей экспрессии головы рулевого и пьяницы, нежно прильнувшего к бочонку.¹ Описываемая голова, отличающаяся высоким качеством работы, может считаться наиболее ярким представителем этого стиля в искусстве Херсонеса и Северного Причерноморья вообще, но она не единичное явление. Для Херсонеса можно указать на надгробие Сотериха и Конхи² и найденный Г. Д. Беловым в 1935 г. рельеф с изображением подвигов Геракла.³ В обоих случаях плоскостная композиция сочетается с объемной и живописной трактовкой отдельных форм, приемы которой ближайшим образом напоминают голову варвара из Херсонеса.

Интересную аналогию херсонесской голове дает искусство Боспора. Я имею в виду скульптуры, украшающие склеп в Эльтегене,⁴ в особенности бюсты Силена и Афины, отличающиеся резкой асимметрией, крайне обобщенной и подчеркнута объемной трактовкой, напоминающей херсонесскую голову и гальские рельефы. Эльтегенские бюсты, так же как и упомянутые выше херсонесские скульптуры, являются памятниками местного искусства Северного Причерноморья. Это дает нам право предположить, что то своеобразное течение позднеантичного искусства, к которому примыкают как эти памятники, так и интересующая нас голова, не представляло для Северного Причерноморья наносного явления, а развилось там самостоятельно, так же, как самостоятельно сложилось оно и в Римской Галлии. Возвращаясь к поставленному выше вопросу о времени описываемой головы, казалось бы естественнее всего датировать ее концом II — началом III в. н. э., т. е. эпохой, когда этот стиль переживает свой расцвет в римском искусстве.

Но некоторые отдельные стилистические детали заставляют поставить вопрос о более ранней датировке.

Как уже было отмечено, наиболее близкие аналогии для типа варвара (пропорции лица, сравнительно короткие волосы и борода) дает колонна Траяна, в частности, рельеф (Cichorius XXXVIII, 95), изображающий двух полуобнаженных варваров, нападающих на римского воина. Эти фигуры дают как раз тот мотив движения, который, повидимому, воспроизводит наша голова. Поднятые над лбом от встречного ветра волосы подчеркивают стремительное движение фигуры. Эта характерная деталь херсонесской головы находит также аналогию в упомянутых фигурах колонны Траяна. Другой аналогией может служить фигура упавшего на колени варвара со слегка закинутой назад головой (Cichorius, XXXVIII, 96).

Несколько графический характер трактовки волос и бороды херсонесской головы находит аналогию в упомянутых фигурах колонны Траяна.

Колонна Марка Аврелия дает несколько иные типы варваров, в частности — волосы и борода у них значительно длиннее и гуще.⁵ Характер трактовки их скорей живописный, чем графический. Мотив поднявшихся дыбом от встречного ветра волос встречается и на колонне Марка Аврелия. Но значительно более длинные волосы не стоят верти-

¹ Rodenwaldt. Propyläen-Kunstgeschichte, III, стр. 162.

² В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России, ИАК, 27, стр. 16; IosPE, 1, 2, № 457; А. П. Иванова. Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями, Сов. арх., вып. VII, стр. 115 сл., рис. 10.

³ Г. Д. Белов. Херсонесские рельефы, ВДИ, 1940, вып. 3—4, стр. 280 сл., рис. 17.

⁴ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, СПб., 1913, табл. XCVI.

⁵ Petersen, табл. LXVIII, 8, CXII, 121.

кально, как у варваров колонны Траяна и на херсонесской голове, а лежат.¹ Наконец, за раннюю датировку говорит еще одно обстоятельство: мотив нападающей или коленопреклоненной фигуры с закинутой назад головой часто встречается на колонне Марка Аврелия. Но там закинутая назад голова дается в другом положении, чем на колонне Траяна, — почти горизонтально, под прямым углом к туловищу.² Этот прием сохраняется и в позднеримском искусстве, например на саркофаге Людовизи.³

Херсонесская голова не могла быть в таком положении, так как поверхность бороды снизу не обработана, да и самый ракурс лица не рассчитан на вид снизу. В данном случае сходство мотива херсонесской головы с рельефами колонны Траяна и отличие от рельефов колонны Марка Аврелия носит принципиальный характер: в первом случае движение развернуто анатомически правильно, во втором — острая выразительность позы достигается за счет искажения анатомии.

Это обстоятельство говорит о том, что херсонесская голова не могла быть сделана много позже колонны Траяна. Сходство общего типа лица и трактовка волос подтверждает эти соображения. За более позднюю датировку говорит пластическое изображение зрачка и радужной оболочки глаза, характерное для памятников второй половины II в. н. э. и более поздних. Но в отдельных случаях мы встречаем этот прием в римской портретной скульптуре эпохи Адриана.⁴

Можно, таким образом, предположить, что херсонесская голова восходит к образцу круга колонны Траяна, но сделана она могла быть на два-три десятилетия позже, но все же — в пределах первой половины II в. н. э. В таком случае можно было бы сказать с полной уверенностью, что те стилистические черты, которые отличают херсонесскую голову от рельефов колонны Траяна и сближают ее с памятниками конца II—III вв. н. э., нельзя объяснить за счет влияния римского искусства. Они являются самостоятельным творчеством местного херсонесского мастера, который работал по римскому образцу круга колонны Траяна, но воспринял и переработал его по-своему.

Это предположение тем более вероятно, что варварская периферия сплошь и рядом идет впереди центра в процессе формирования позднеантичного стиля. Это утверждение неоднократно высказывалось в историко-художественной литературе; оно может быть подкреплено многочисленными и разнообразными фактами. Оставаясь в области интересующего нас сейчас „живописного“ стиля конца II—III вв., можно указать на такие памятники, созданные на территории Римской Галлии еще в I в. н. э., как рельефы памятника Юлиев в Сен-Реми и арки Тиберия в Оранже,⁵ которые в смысле использования резких контрастов света и тени могут считаться предшественниками „нимвегенского стиля“.

Херсонесская голова свидетельствует о том, что характерный живописный стиль, до сих пор считавшийся особенностью памятников позднеримского искусства и галло-германского художественного круга, в действительности не является специфической особенностью только этих областей и что на территории нашей страны были созданы замечательные памятники этого стиля, по своему значению стоящие в одном ряду с нимвегенскими рельефами и саркофагом Людовизи.

¹ Petersen, табл. С — IX; Brunn-Bruckmann. Denkmäler griechischer und römischer Sculptur, табл. 92—95, 496.

² Petersen, табл. LXVIII, 3, 5; XLVI, 8, VI—65.

³ Rodenwaldt. Propyläen-Kunstgeschichte, III, стр. 644, 648—649.

⁴ См., например, статую Антияноя, Arndt-Bruckmann. Griechische und römische Porträts, № 525—526.

⁵ Brunn-Bruckmann. Ук. соч., табл. 92—95, 496.

В позднейших могильниках голова животного, прежде возвышавшаяся над подковкой пряжки, обнаруживает стремление срастись с подковкой (рис. 42).¹ Эта же манера изображения зверя свойственна несколько более ранним прибалтийским украшениям. В качестве примера можно сослаться на две фигуры из Гробиня. Одна из них бронзовая, с позолотой на концах дужек, орнаментированных зигзагообразной линией, имеет по звериной головке с закругленной короткой мордой; дужки другой, серебряной, оканчиваются овальными головками зверей со стилизованными глазами. Полукруглые стержни обеих фибул также заканчиваются звериными головами (рис. 43, 44).² Люцинский могильник, давший наименование вещам этой культуры, не содержал монетных находок, но монеты были найдены в других могильниках того же типа. В кургане № 18, в Кремоне два браслета со звериными головами найдены совместно с саманидским брак-театом болгарской работы 912—961 гг., в могильнике Любенгоф —

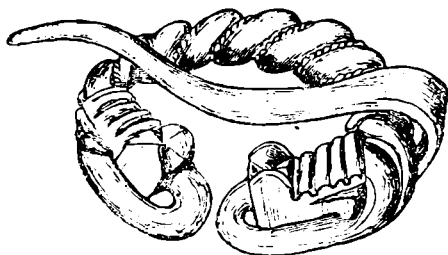

Рис. 42. Пряжка со звериными головами

Рис. 43. Фибулы из Гробиня

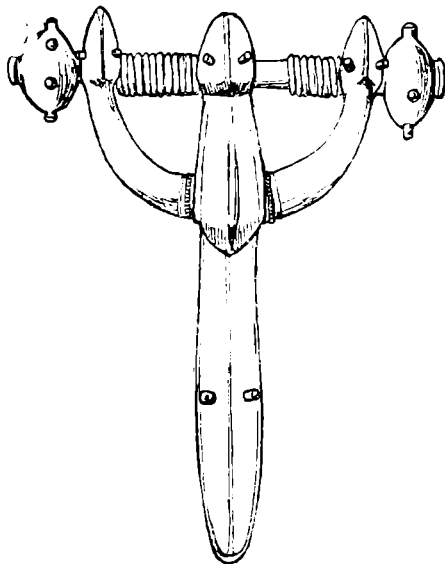

Рис. 44. Фибулы из Гробиня

совместно с магдебургским денаром 1026—1056 гг. и фальшивой немецкой монетой XI в.³

В погребениях браслеты и пряжка выступают как обычная часть мужского, женского и детского убора. Браслеты носились на правой или левой руке по числу от одного до четырех; пряжки скалывали одежду на груди, у шеи, у пояса. Арбалетовидные фибулы со звериными головами

¹ МАР, № 14, стр. 34, рис. 20; Katalog..., табл. XIX, 1, 2. Latviešu Kultūra..., табл. XXXVII, 6, XLII, 7. M, Schmie dehelm. Ein Depotfund aus Tartu, Eurasia Septentrionalis Antiqua, т. IV, стр. 269.

² Katalog..., табл. VI, 7, 9.

³ Там же, стр. 77, 85—84.

являются местным вариантом завозного украшения и появляются, повидимому, не раньше VIII в.

Украшения со звериными головами больше всего встречены на территории Латвии, однако немало их и в Литве. Этот же тип вещей характерен и для Восточной Пруссии.¹

Таким образом, районы массового употребления украшений со звериными головами указанного типа довольно четко очерчиваются к концу I тысячелетия на землях балтийской семьи народов, в частности в Литве. В свое время русские археологи, работавшие над изучением прибалтийских древностей (Е. Р. Романов, В. И. Сизов, А. А. Спицын), именовали головы животных на браслетах люцинского типа „змеиными“. В современной прибалтийской археологии они называются просто звериными, а между тем, наименование „змеиные“ действительно соответствует изображаемому животному. Достоинно внимания прежде всего то, что звериные головки замыкают браслеты, подковообразные пряжки, дужки и стержни фибул, т. е. встречаются на вещах закругленных, по форме обеспечивающих изображение тела пресмыкающегося. Следует отметить далее, что орнамент граней браслетов (ромбовидный, треугольный, кружковый) придает браслетам как бы чешуйчатость тела змеи. Головки пресмыкающихся двойные, т. е. завершают обе стороны пряжки несомкнутого браслета, а также обе дужки и концы стержней фибулы. Этот прием отмечается при изображении не только пресмыкающихся, но и других звериных изображений в Прибалтике.

Головы пресмыкающихся могли служить простым украшением типичных браслетов и пряжек, относящихся к концу I тысячелетия, в память некогда существовавшего почитания змеи, но данные письменных источников и этнографии заставляют смотреть на них иначе.

Священник крестоносцев Петр Дусбург в 1326 г. отмечает, что пруссы обожествляли силы природы, животных и даже жабу.² Рифмованная прусская хроника XIV в., излагающая Дусбурга по-немецки, следующими словами отмечает обоготворяемых животных: *vogle, tîr und ouch dî crotin warin in irkorn zu gotin*,³ где под словом *crotin* подразумевается жаба или ящерица. Но главная масса письменных свидетельств о язычестве литовских племен вообще и о почитании змеи в частности падает на XV, XVI, XVII вв. Большинство сведений о поклонении змее в Литве — запись очевидцев этого культа.

Трудно указать автора, описывающего быт и культуру современных ему литовских племен и не упоминающего о поклонении змее; разница в мировоззрении, общественном положении, национальности, осведомленности писателя придает каждому из свидетельств свою особенность. Поклонение змее поражает каждого не-литвина. Несмотря на разнообразие языческих божеств, оно присуще всем летто-литовским племенам. Рижский статут 1428 г. упоминает крестьян, которые верят в червей, ожидая от них покровительства их делам.⁴ „Ее (змею) так почитали, — пишет Стрыйковский, изъездивший в XVI в. Прибалтику, — что каждый жмудин, литвин и прусс держал в доме ужа и кормил его молоком“.⁵ О почитании змеи среди латышской группы племен свидетельствует Эйнгорн, живший среди латышей, упоминая змей (*Schlange*) и ящериц или жаб

¹ J. Puzinas. *Naujausiu proistoriniu tyrinejimi duomenys*, Kaunas, 1938, стр. 110. A. Bezenberger. *Analysen vorgeschichtlicher Bronzen Ostpreussens*, Königsberg, 1904, стр. 98.

² *Scriptores Rerum prussicarum*, т. I, Leipzig, 1861, стр. 53.

³ Там же, стр. 348.

⁴ *Liv-Est und Curländisches Urkundenbuch*, т. VII, Riga und Moskau, 1881, стр. 482.

⁵ M. Strzykowski. *Kronica Polska, Litewska...*, Warszawa, 1846, стр. 142.

(Kröten).¹ В предисловии к прусскому катехизису 1547 г. змеи упоминаются среди божеств пруссов.² По свидетельству иезуита Станислава Ростовского, литовцы поклоняются сообща грому, змее и дубам.³ При разнообразии божеств в связи с космическими представлениями литовских племен, змея тем не менее обоготворяется всеми группами этих племен. Меховский подчеркивает древность обычая почитать змею наряду с другими силами природы: „Литовцы искони почитали, как божества, огонь, лес, ужей и змей...“⁴

Змея стоит на одном из важнейших мест среди языческих божеств, и безусловно первое место отводится ей среди обоготворяемых животных. Пикколомини, со слов Иеронима Пражского, проповедывавшего в Литве в XV в., сообщает следующее: „Первое, что услышал он о литовцах, это то, что они почитают змей“.⁵ То же место отводит ей Каллимах.⁶ У Даукши змея следует в числе божеств за лесом, деревьями и огнем. Так, в литовском катехизисе учитель спрашивает, кто нарушает первую заповедь, а ученик должен отвечать: „Те именно, которые обожествляют лес, деревья, огонь, змей и гадов“.⁷

Упоминание змеи встречается в следующих сочетаниях, там где она перечисляется наряду с другими божествами: огонь, лес, ужи, змеи (Меховский); лес, деревья, огонь, змея (Бреткунас); гром, змея, дуб (Ростовский); огонь, богиня земли, змеи, гады, Перун, деревья (Даукша); камни, деревья, змеи, черви, ящерицы (Эйнгорн). Упоминание змеи, то ли вследствие особенности племенных верований, то ли в зависимости от осведомленности пишущих о них авторов, всегда стоит на первом, втором, третьем месте в списке языческих божеств.

При обозрении церквей в восточной части Латвии, т. е. мест, особенно обильных археологическими находками с изображением змеи, было установлено, что латыши в XVII в. (1613 г.) имели священные роцци, где совершали жертвоприношения богам: одним выпекали большой хлеб в форме змеи с открыто пастью и выгнутым хвостом, другим — хлеб несколько меньшего формата, в виде собаки или свиньи...⁸ Здесь опять змея фигурирует на первом месте среди других животных, как и хлеб, выпеченный в виде ее изображения, большего размера, нежели хлебы с изображением других священных животных.

Если бы поклонение змее носило какой бы то ни было локальный характер, вряд ли можно было отметить такое единодушие в показаниях современников о культе этого животного, характерном для всей Прибалтики. О том же самом, повидимому, свидетельствуют археологические находки. Змея выступает обожествляемым животным для всей Прибалтики; мало того, ей принадлежит первое место в ряду других обожествляемых животных. Змея в литовских свидетельствах называется „Givatė“.

„Гивате“ — слово, каким литвин Даукша означает священную змею, встречается в источниках и не литовских. Каллимах пишет: „прежде всего они почитают гивоту (змею)“.⁹ Герберштейн сообщает, что жмудины

¹ *Scriptores Regum Livonicarum*, т. II, Riga und Leipzig, 1846, стр. 653.

² A. Bezzenberger. *Mythologisches in altlitauischen Texten. Beiträge zur Kunde der Indogermanischen Sprachen*, т. I, 1877, стр. 43.

³ Э. Вольтер. *Литовский катехизис Н. Даукши по изданию 1595 г.*, СПб., 1886, стр. XVII.

⁴ М. Меховский. *Трактат о двух Сарматиях*, М. — Л., 1936, стр. 100.

⁵ *Ser. Rer. Pruss.*, т. IV, стр. 238.

⁶ A. Mierzinski. *Zrodla do mytologii litewskiej od Tacyta do Konca XIII wieku*, Warszawa, 1892, стр. 86.

⁷ Вольтер. *Ук. соч.*, стр. XX.

⁸ Г. Трусман. *Введение христианства в Лифляндию*, СПб., 1884, стр. 62.

⁹ Mierzinski *Ук. соч.*, стр. 86.

называют священную змею „гивойта“.¹ „Геватос“ называет ее Гваньин, „гевойтос“ — Ласицкий. Вместе с тем, для обозначения змеи в литовском языке существует слово „angis“, а для ужа „žaltis“. Слово же „givatė“, наряду с обозначением священной змеи, существует в значении „жизнь“. Нам кажется приемлемым толкование Мержинского, предполагающего, что слово „гевойте“, являющееся синонимом для обозначения „жизнь“, есть специальное название змеи, отмечающее ритуальный ее характер, как для священного огня не употреблялось обычно наименование огня „ugnis“, а применялось особое „gabia“.²

Часто внешний вид этих змей по описанию напоминает ящериц. Герберштейн, по возвращении из своей первой поездки в Москву, проезжавший через Литву, так и именует их: „Эта область изобилует рощами и лесами, в которых иногда можно наблюдать страшные явления. Именно там и поныне очень много идолопоклонников, которые кормят у себя дома, как бы пенатов, каких-то змей с четырьмя короткими ногами, наподобие ящериц, с черным и жирным телом, имеющих не более трех пядей в длину...“³

Культе змеи — преимущественно домашний культ; хронисты называют змей пенатами. По Стрыйковскому, их хранили в доме, у Меховского — „их в иных домах кормили и чтили как домашних богов“. В вышеприведенной цитате из Герберштейна они тоже выглядят домашними боже-ствами, по Малецкому на Литве и Жмуди ужа заботливо прятали за печкой. У Ласицкого заклинатель змей — молдинник — в известный день вызывал ужей, которые выползали из своих норок и ползали на стол по белому полотенцу, затем они должны были отвечатъ пищу, стоявшую на столе, которая после съедалась самими хозяевами. Если же змеи не выползали из нор, или не притрагивались к пище, то это было предзнаменованием большого несчастья для дома.⁴

Имеются сведения и о культе змеи за пределами дома. Сошлемся на приведенное выше место из материалов обозрения церквей в восточной части Латвии в начале XVII в., где почитание змеи и подношение ей совершались в священных рощах. Встреча со змеей за пределами дома означала хороший признак.⁵

К почитанию змеи за пределами дома может быть отнесено древнейшее свидетельство о литовских богах, запись Волинской летописи под 1258 г. Литовцы во главе с князем Романом, сыном Даниила, пришли к городу Возвяглю на Тетереве и обнаружили, что этот город уже разграблен бывшими здесь прежде войсками князя Даниила: «Романови же пришедшу ко граду и Литве, потекши на град Литве, ни видеша ништо же, токмо и головне ти, псы течюнде по городишу; тужаху же плеваху, посвойскы рекуще: „янда“, взывающе боги своя, Андая и Дивирикса и вся боги своя поминающе, рекомыя беси».⁶

Из двух упомянутых богов — Андая и Дивирикса — обратимся к богу Андаю. Вольтер, знаток литовского языка и литовской мифологии, разбирая западнорусское свидетельство о литовских богах, предложил рассматривать это слово как составное из *angis* — змея + *dieva* — бог, т. е. в Андае усматривал наименование змеиного бога.⁷ Это толкование Вольтера было принято в современной ему и последующей

¹ С. Герберштейн. Записки о московитских делах, СПб., 1908, стр. 178.

² Mierziński. Ук. соч., стр. 86.

³ Герберштейн. Ук. соч., стр. 178.

⁴ А. Мержинский. Ян Ласицкий и его сочинение „De diis Samagitarum“. Труды III Археологического съезда, т. II, Киев, 1878, стр. 86—87.

⁵ W. Mannhardt. Letto-preussische Götterlehre, Riga, 1935, стр. 546.

⁶ Воляньско-Галицкая летопись, Львов, 1871, стр. 91.

⁷ Вольтер. Ук. соч., стр. 176.

филологической литературе, не поколеблено оно и сейчас. Следуя этому толкованию, можно заключить, что в военных походах призывалось божество змея. Этот же Андай встречается в другом русском памятнике; в прибавлении к хронографу Иоанна Малалы 1261 г. о литовцах говорится: „приносили жертву скверным богам андаеви и перуновя“, где Андай, змеиный бог, упоминается на первом месте рядом с Перуном.¹

Змея — покровитель дома, хранитель его, воспринимается как носитель добра, хотя в отдельных случаях можно встретить указания, что она может служить злой воле (таков рассказ Претория о том, что знахарь, живший близ Инстербрука в XVII в., производил порчу полей, хлеба в амбаре, скотины, напуская на них змею), но эти сведения фигурируют как исключение, вообще же здесь змея выступает как божество благожелательное.

В ней живет особый, чудесный дух, который не дает ей стариться; обновляя свою кожу ежегодно, змеи не умирают, если только их не убивают. Змея приносит счастье, и ее, как святыню, непозволительно брать голыми руками. Бреткунас приводит легенду, по которой посох человека, кинутый в змеиный вырой, стал обладать чудесной силой отыскивать пропавшие сокровища, исцелять скотину и другими волшебными свойствами.² Шкуры убитой змеи служили амулетами, которые носили на груди.

Следы этого культа змеи замечаются в современном этнографическом материале с окраской благожелательного отношения к змее. Крузе считает, что латыши неохотно едят угрей из-за их змеинообразного вида.³ У литовцев имеется сказка, по которой ель прежде была женщиной и жила счастливо в браке с ужом; когда же братья ее изрубили ужа, она так горевала, что бог превратил ее в ель, дочь ее в осину, а сына в дуб.⁴ Быть может, в этой сказке можно услышать отзвуки былой связи между культом змеи и дерева. В письменных памятниках они — змея и дерево — постоянно упоминаются рядом.

У латышей записана сказка, где доброе отношение к змее не могло быть стерто даже христианской легендой о всемирном потопе. „Есть змея, у которой позолоченная головка. Когда Ной плывал в ковчеге, то дьявол перегрыз в дне дырку и им пришлось бы утонуть; но та добрая змея, заметивши, что набирается вода, заткнула дыру своей головкой и тем всех спасла“.⁵ Это отношение к змее тем удивительнее, что, как известно, по христианскому вероучению именно в змее олицетворяется сила дьявольская.

Среди заклинаний от укуса змеи встречаются у литовцев такие ласковые обращения, как „змея-змеюшка, золотко, серебряцо, цветочная, цветкоподобная“.⁶

Культе змеи, таким образом, был повсеместно распространен среди литовских племен, бросаясь в глаза каждому не-литовцу не только в XV в., но и в XVI и XVII вв.; он занимает одно из первых мест в ряду почитаемых сил природы и первое место среди культов других животных. О живучести этого культа свидетельствует и то, что

¹ Летописец Переяславля-Суздальского. Временник Имп. Моск. общ. истории и древностей, IX, 1851, стр. XXI.

² Mauphardt. Ук. соч., стр. 546, 423.

³ А. л. С. Фаминцын. Божества древних славян, СПб., 1884, стр. 98.

⁴ В. Теобальд. Литовско-языческие очерки, Вильна, 1890, стр. 67—69.

⁵ А. Погодин. Космические легенды балтийских народов. Живая старина, 1895, стр. 433—434.

⁶ V. J. Mansikka. Litauische Zaubersprüche, F. F. Communications, табл. XXX, № 87, № 38, 64, 66, 71.

польское духовенство, боровшееся с язычеством в Литве, еще в XVI в. сжигало ужей на городских площадях.¹

В этом свете замечание Генриха Латвийского в его „Хронике Ливонии“, относящееся к 1209 г., что епископ был вынужден очистить Кукенойс, наполненный, как выразился автор, „по нечистоплотности прежних жителей... червями и змеями“, также получает значение одного из древнейших свидетельств о почитании пресмыкающихся у литовских племен.²

Не ясно ли, что находки украшений с изображениями змеи, это и есть первые массовые свидетельства об этом культе. Если памятники письменности свидетельствуют о действительном культе змеи еще в XVII в., то, естественно, что изображение ее на вещах, входящих в обычный убор жителя, служит не просто орнаментом, а отражает всю глубокую веру в это животное, — веру, которая характерна для воззрений литовца, прусса и латыша конца I и начала II тысячелетия.

Культе змеи не исчезает и со сменой культур, его не в состоянии стереть само христианство, официально принятое в Литве в 1387 г., а пруссам насильственно навязанное еще раньше.

При всем многообразии и обилии материала о культе змеи в Прибалтике образ змеи чрезвычайно прост, о ней у прибалтийских народов на протяжении веков сохраняется преимущественно одно представление, связывающее ее с доброй силой, мудрой покровительницей дома, благотворительно настроенной к людям.

Этот простой образ змеи необыкновенно усложняется, как только начинаешь рассматривать его у других народов. Это не значит, что исчезает образ змеи-покровителя дома, нет, с этим можно встретиться и в Афинах, и в Риме, и на Кавказе, и у славян, но только наряду с этим у змеи появляется много чрезвычайно разнообразных, а порой даже взаимоисключающих качеств. Змея, по мнению Н. Я. Марра, выступает как олицетворение одной из трех плоскостей трехнебесного представления о мире „... с приурочением ‘птиц’ и иных дериватов к ‘верхнему небу’, ‘рыб’ и других дериватов к ‘морю’ и ‘змеи’ и ‘леса’, ‘деревьев’ (в числе их и ‘дуба’) к ‘земле’...“³ Палеонтологическое отождествление рыбы и змеи, носящих одно и то же название, дает возможность Н. Я. Марру раскрыть образ каменных изваяний Кавказа, известных под названием „Вишапы“, с которыми связывается представление о змее и драконе, но по виду своему, тем не менее, похожих на больших каменных рыб. Трудно указать страну, племя или народ, где бы культ змеи не оставил своих следов, и было бы непосильной задачей в пределах настоящей работы разобрать его особенности по странам и эпохам. Остановимся, поэтому, вкратце на сложном образе змеи у соседей литовцев — славян.

Змееголовые браслеты свойственны славянскому убору; вещественных памятников славянства с изображением змеи немало. Фольклор сохраняет представление о грозном змее, порой персонафицированном, сливающимся с образом дракона. Лютой зверь Горынычище хочет Добрыню огнем спалить и хоботом ушибить. Тугарин-змея ревет зычным голосом Алеше-Поповичу: „Хочешь я тебя огнем спалю, конем стопчу, копьём убью?“⁴ Этот зверь, видимо, восточного происхождения; недаром в русских сказках он прилетает из-за моря Хвалынского. С утвержде-

¹ Теобальд. Ук. соч., стр. 67.

² Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, М. — Л., 1938, стр. 111.

³ Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов. Вишапы, Труды ГАИМК, т. I, 1931, стр. 33.

⁴ А. Афанасьев. Зооморфические божества у славян: птица, козёл, бык, корова, змея и волк, Отечеств. зап., 1852, т. LXXX, отд. II, стр. 96.

нием христианства враждебное отношение сливается с проклятым богом библейским змеем.

Язычество восточных славян, достигшее того развития, когда божество начинает облекаться в человеческие формы, создает образ чело- века-змея. „С виду богатырь, а голова змеиная“ — говорится в сказке. „Есть молодые молодцы зазорливые... , которые умеют прикидываться по-змеиному и по-человеческому“.¹

Если у балтийских племен убийство змеи — святотатство, ее нельзя даже взять голыми руками, то у славян убийство змеи — доблестный подвиг. Змею, как злую силу, сечет и рубит Георгий-Змеборец, сам, повидимому, сменивший какого-то языческого змеборца. Близнецы рус- ских сказаний Козьма и Демьян, Борис и Глеб помогают змеборцу Ивану Попялову, который убил уже трех змеев и испугался только громадной змеихи, разевавшей пасть от земли до неба.² Илья Муромец поражает змея Горыныча и бабу Горынкину.

Помимо этих непривлекательных сторон образа змеи, находим в ней все те же черты покровителя дома, которые чтили литовские племена.

Среди славянских народов широко распространен обычай держать в доме ужа и представление, что его грех убивать. Богданович пишет о белорусах: „Из мира животных суеверное почитание вызывают главным образом змеи, а из них особенноужи. Эти последние, в некоторых болотистых местностях Белоруссии, где водится много ужей, и до сих пор играют роль домашних божков“.³

В хождении богородицы по мукам можно встретить прямое указа- ние на поклонение змее. „Они все боги прозваша: слънце и месяцъ, землю и воду, звери и гады“.⁴

В сказаниях, связанных с змеиными валами (местами, обычно древ- него происхождения), богатырь, преследуемый змеем, скрывается в кузницу и с помощью кузнецов, одолев змея, впрягает его в соху или плуг и проводит борозду — змеиный вал. Таким образом, змея связы- вается и с кузнечным делом и с земледелием.⁵ Змей выступает олицетворением богатства, он сторожит его в горах.⁶ Змея служит исцели- тельницей, змеиные шкурки носят на шее как предохраняющие от лихо- радки.⁷ Этой же цели, вероятно, служили древние русские амулеты, называемые змеевиками.⁸

Лютая сила, соблазнитель, человеко-змеи и вместе с тем домашний бог, животное, связанное с покровительством земледелию, кузнечному делу, олицетворение богатства, мудрости и здоровья, — таков не полный перечень перевоплощений змеи, сплетающийся иногда с образом дракона у славян. Мы выделили славян, как родственных балтийским племенам, но при всех конкретных особенностях и местных различиях роли змеи в идеологии так называемой индоевропейской семьи народов, общим остается ее собирательный причудливый и сложный, пожалуй, самый сложный из всего животного царства образ. Многогранность мифа о змее предстает как сумма каких-то долговременных различ- ных и тем не менее ужившихся между собой воззрений на пресмы- кающихся.

¹ Там же, стр. 103.

² В. Миллер. Очерки арийской мифологии, т. I, М., 1876, стр. 278.

³ А. Е. Богданович. Пережитки древнего мировоззрения у белоруссов, Гродна, 1895, стр. 31, 32.

⁴ Фаминцын. Ук. соч., стр. 31.

⁵ Миллер. Ук. соч., стр. 277—278.

⁶ А. Афанасьев. Ук. соч., стр. 97.

⁷ Его же. Поэтические воззрения славян на природу, т. II, М., 1868, стр. 634.

⁸ И. Голстой. О русских амулетах, называемых змеевиками, Зап. Русс. арх. об-ва, т. III, Нов. сер., стр. 406.

„Миф не знает хронологии, хотя она и не чужда ему совершенно: этим мы хотим сказать, что миф создается во времени постепенно; но память о развитии его, доносимая к нам в устных преданиях и символических обрядах, сливает все частности, весь процесс, совершавшийся некогда в жизни, и разом в одном представлении передает результаты нескольких эпох“.¹

Этим и может быть объяснено многообразие мифа; но миф о змее в Прибалтике не менее древен, чем у других народов, а результат нескольких эпох культурного развития почти не прибавляет ему никаких новых качеств, кроме тех, которые были приданы обожествленному животному в самые древние времена. Следы заимствования из мифологии других народов здесь самые незначительные, следовательно, все известное о почитании змей объясняется исключительно местными особенностями развития этого культа, а так как одни и те же свойства сопутствуют змее неизменно, то, повидимому, культ этот в прибалтийских странах доносит в наиболее чистом виде архаические черты в представлении о священном пресмыкающемся. Сохранность архаических черт в литовских языках отмечалась неоднократно. Еще с середины прошлого века плеяда преимущественно русских славистов обратила внимание на сохранность таких форм в языках балтийской группы, которые некогда были присущи языкам славянским, но затем исчезли. „Литовский язык, — пишет А. Погодин, — известный нам с XVI в. в наречиях трех народов: собственно литовского, латышского и прусского, представляет поразительное сходство со славянскими языками в области грамматики и словаря. Чем более изучаются славянские языки, с одной стороны, и литовские — с другой, тем разительнее делается это сходство. Кажется, можно сказать, что всякое древнее славянское слово найдется в каком-нибудь живом говоре или древнем памятнике одного из литовских языков, и притом фонетическая сторона этого литовского слова нередко служит подтверждением восстанавливаемой праславянской формы его“.²

Отсюда правильно поставить вопрос — если язык народа сохранил древние, отмершие у родственных ему языков формы, то подобные явления свойственны его миросозерцанию, его идеологии, т. е., что в культе змей у литовцев в наиболее чистом виде сохранились те представления, которые в более сложной славянской мифологии могли стереться, затухать или поглотиться новым осмыслением древних мифов.

Култ одного животного, хотя и оставивший глубокие следы в язычестве балтийских племен, пока не дает оснований делать более широкие выводы, но если бы подобные архаические черты могли быть показаны по другим разделам верований, то изучение незаслуженно забытой литовской мифологии с обязательным использованием донныне не входивших в число ее источников археологических памятников обогатило бы не только историю культуры балтийских племен, но дало бы возможность установить и в славянском язычестве его наиболее древние формы.

---

¹ А. Афанасьев. Ук. соч., т. LXXX, отд. II, стр. 95.

² А. Погодин. Из древнейшей истории литовского племени. В его кн.: Сборник статей по археологии и этнографии, СПб., 1902, стр. 157.

В настоящее время предметный указатель составлен ко всем рукописям работ и письмам в количестве примерно 30 000 карточек по 689 предметным рубрикам, например: 1) Архитектура средневекового Кавказа — Ани, Ахтамар, Бана, Гарни, Ереруй, Зарзма и т. д.; 2) История языка — Происхождение языка, Ручная речь, Семья (система) языков, Скрещенье языков, Стадии развития языка, Семантика, Словообразование и т. д.; 3) Грузинская литература — Одописцы, Руставели, Чахрухадзе, Иоани Петрицский и т. д.

Для облегчения пользования материалами предметный указатель аннотируется. В первую очередь аннотировались карточки на работы, имеющие непосредственное отношение к задачам ИИМК, например: авары, аланы, скифы, гунны, кочевники, история Армении, Ани и т. п. Работа эта продолжается; пока сделаны аннотации к 1527 рукописям, причем для некоторых из них объем аннотаций превышает 20—30 карточек.

Наиболее ранние рукописи Н. Я. относятся к его гимназическим годам. Это статьи и стихотворения на грузинском языке, помещенные в гимназическом рукописном журнале *Vedi* ('Судьба'). Среди них в журнале от 24. XI. 1880 стихотворение, посвященное творчеству грузинских поэтов — Церетели, Чавчавадзе, Эристова; переводы на грузинский язык стихотворений Лермонтова (журнал от 15. I. 1881), Пушкина (журнал от 22. I. 1881), с позднейшими исправлениями текста перевода, сделанными Н. Я., а в журнале от 5. III. 1881 — известное стихотворение, ответ поэту Акакию Церетели на его стихотворение „Весна“, написанное по получении известия об убийстве Александра II.

Довольно значительное количество стихотворений, оригинальных и переводных (с русского, французского, немецкого, английского и итальянского языков), сохранилось от студенческих лет Н. Я. Часть из них теперь издана в грузинском журнале *საბჭოთა ხელოვნება* („Литературное наследство“), № 11 за 1936 г.

От 1884—1888 годов — годов студенчества Н. Я. — в кабинете имеются записи на лекциях, различные заметки, выписки и наброски по истории армянской и грузинской литературы и языку. Среди студенческих материалов имеется сделанное в тетради для записей на лекциях первое наблюдение о родстве (близости, как он тогда писал) грузинского языка с семитическими, конкретно — с арабским. Заметка эта гласит: „Нет, положительно, столько, сходного в синтаксическом и этимологическом отношении с арабским, что грузинский можно счесть семитическим, если бы не лексический материал и числительные“ (А 614, л. 9).

Начиная с 1886 г., Н. Я. Марр подготавливает свою медальную работу о грузинских средневековых повестях, написанных в прозе. В кабинете сохранились отдельные части этой работы, подготовительные материалы к ней, а также рукописи работ, предпринятых в связи с изучением языка грузинских средневековых повестей; например, большой указатель (несколько тысяч карточек) „Список слов и выражений, существующими грузинскими словарями этимологически неверно объясняемых, превратно понимаемых или совершенно опущенных, составленный к четырем повестям — Вис-Рамиани, Амиран-Дареджаниани, Русуданиани и Дилариани“. Не менее обширен указатель иностранных слов в грузинской лексике, начатый в связи с той же работой. К этому же времени относятся работы над грузинскими рукописями в собраниях Публичной библиотеки, университета, Азиатского музея, где Н. Я. Марром проводилась кропотливая работа по описанию рукописей, установлению разночтений, переводам и т. д. Эта работа над грузинскими, а затем и армянскими рукописями, начатая в Ленинграде, продолжается в дальнейшем на Кавказе, на Афоне, на Синае, в Иерусалиме, в библиотеках Западной Европы. Многие из этих материалов изданы, но немало

сохранилось неизданных, в том числе „Краткое описание грузинских рукописей библиотеки православного греческого патриархата в Иерусалиме“, лишь частично использованное в „Предварительном отчете о работах на Синае и в Иерусалиме“.

В эти же студенческие годы, в связи с работой над средневековой грузинской светской литературой, Н. Я. приступает к изучению Руставели. Эти работы, начатые в 1886—1887 гг., продолжают почти до последнего дня его жизни. Всего рукописей неизданных работ и материалов Н. Я. о Руставели свыше 15, из них большая часть посвящена анализу текста поэмы „Витязь в тигровой шкуре“. Последние из этих работ относятся к 1931—1933 гг., — они посвящены критике текста и различным культурно-историческим вопросам, связанным с Руставели и его эпохой. В связи с празднованием 750-летия поэмы Руставели К. Д. Дондуа подготовил к печати рукописи Н. Я. Марра о Руставели филологического характера: критика текста, перевод, комментарии, по типу широко известных „Текстов и разысканий по армяно-грузинской филологии“, основанных и редактировавшихся Н. Я. Работа, объемом в несколько печатных листов, в единственном рукописном экземпляре (поскольку большая часть работы была на грузинском языке), переданная ответственному редактору, погибла.

Восстановить рукопись, потребовавшую почти года напряженного труда, К. Д. Дондуа не мог.

Второй сборник статей о Руставели историко-культурного характера был подготовлен мною. Он включал изданные и неизданные работы о Руставели и его эпохе. Этот сборник также не вышел.

Поставленный в указанной выше записи в студенческой тетради вопрос о родстве грузинского языка с семитическими не забывался Н. Я. В январе того же 1886 г. им начата статья на грузинском языке с эпиграфом: „Rira bien, qui rira le dernier“, — первый вариант статьи, напечатанной в 1888 г. в грузинской газете „Иверия“. За этой грузинской статьей в том же 1886 г. начата русская статья с резюме на немецком языке — „Новый отпрыск семитической ветви языков“ (А 902). Тогда же умножаются работы Н. Я. над строем грузинского языка, набрасывается „Опыт передачи грузинского языка в транскрипции“ (А 2156), собираются материалы по грузинской лексике в целях дополнения словарей Чубинова и Орбелиани (А 1974, 2628, 2647 и др.). Этих словарных материалов несколько тысяч карточек.

С осени 1888 г. Н. Я. начинает подготовку материалов к своей магистерской диссертации „Сборники притч Вардана“, занося в тетрадь, датированную б. XI, заметки и выписки о баснях, сказках и притчах. Всего подготовительных материалов такого рода, собранных Н. Я. в России и за границей, чрезвычайно много, особенно, если иметь в виду, что они сохранились далеко не все. Общее число рукописей (1888—1899), посвященных работе над диссертацией и сохранившихся в кабинете свыше 40, в том числе почти полностью рукописи II и III частей диссертации и свыше 10 вариантов вступительной речи перед защитой диссертации. Эта вступительная речь, как известно, излагала взгляды Н. Я. на задачи армяноведения.

В связи с подготовкой диссертации Н. Я. исследует армянский язык; его интересует не только строй самого армянского языка, чему посвящено большое количество работ, но и его отношение к другим языкам, в том числе и к грузинскому, с которым он уже тогда находит у армянского общие элементы, наметив еще в 90-х годах серию работ по выяснению яфетических элементов армянского языка.

В 1892 г. Н. Я. предпринял первую археологическую поездку в Армению. Ей предшествовала, как и во всех других лингвистических

и археологических поездках Н. Я., тщательная подготовка. В кабинете хранится свыше 50 рукописей заметок, выписок, маршрутов, извлечений из армянских историков и т. п., не считая дневников поездок и раскопок. Из дневников археологических работ в кабинете имеются дневники раскопок в Ани за ряд лет, а также дневники поездок в Двин, раскопок в Гарни, поездки в Шавшию и Кларджию, в Месхию, дневники поездок в Гехамские горы, дневник раскопок Ереруйской базилики, рукопись доклада об Ереруйской базилике, дневник раскопок в Ворнаке и частично в отрывках, частично полностью лекции о раскопках в Ани, читанные Н. Я. в разные годы, в том числе одна неизданная лекция на армянском языке, повидимому, 1908 г.

Из материалов Ванской экспедиции в кабинете имеются дневники раскопок и несколько тетрадей заметок по отдельным вопросам в связи с подготовкой экспедиции и ее работами, а также неопубликованный отчет Н. Я. в Восточном отделении Русского археологического общества о работах на Топрах-Кале. Как известно, в издании Русского археологического общества, посвященное Ванской экспедиции 1916 г., вошли отчет о раскопках И. А. Орбели на Ванской скале и исследование надписи Сардура II, открытой И. А. Орбели и изданной Н. Я., самый же отчет о раскопках на Топрах-Кале опубликован не был. Перед войной я приступила к подготовке этого отчета к печати.

Аспирантка ИИМК Е. М. Калашникова вела подготовку к печати материалов Н. Я. по Ворнакскому могильнику. Она тщательно изучила дневники, отчеты, заметки, фотографии, хранящиеся в архиве ИИМК и в Кабинете, ознакомилась с вещественным материалом. Безвременная гибель ее во время блокады Ленинграда сорвала успешно начатую работу.

Во время первой археологической поездки в Армению Н. Я. обращается и к изучению живого армянского языка, наблюдения над которым им занесены в записную книжку под заглавием „Десять дней в живой Армении“ (А 1960). Тогда же, в связи с раскопками языческого могильника в Ворнаке, Н. Я. приступает к изучению древнейшего письменного языка Кавказа — халдского, однако наибольшее количество рукописей, относящихся к работе над халдским и другими клинописными языками, падает на позднейшие годы.

Наиболее богат и разнообразен, естественно, материал по языкам Кавказа. В кабинете в числе рукописей по языкам Кавказа хранятся: грамматика сванского языка сравнительно с языками сибилантной группы, грамматика абхазского языка, грамматика аварского языка, грамматика удинского языка и др., в том числе рукопись изданной грамматики чанского языка, а также большое количество дополнительных материалов к изданным грамматикам древнелитературного армянского и древнелитературного грузинского языков.

Из дореволюционных работ сохранились рукописи выступлений Н. Я. на университетских диспутах и курсы его лекций: история Армении, история армянской и грузинской литературы (свыше 12 рукописей), курсы сравнительной грамматики яфетических и семитических языков, хотя большая часть университетских курсов сохранилась в редакции позднейших лет, преимущественно 1925—1929 гг.

Из более крупных, не изданных до первой послереволюционной заграничной поездки Н. Я. работ, кроме указанных, следует отметить грамматику вершикского языка, курсы лекций в Лазаревском институте и в университете за 1918—1920 гг. („Главнейшие этапы культуры Кавказа“, „Культурное наследие народов Кавказа в их современной общественности“, „Введение в изучение кавказского мира“), а также доклады: „Кавказская поэзия и ее технические основы“, „Вахтанг Горгасар“, „Лингвистический подход к этнической культуре Кавказа“, статья для

издательства „Всемирная литература“ — „Литература народов Кавказа“. Я не упоминаю здесь о большом количестве докладных записок по делам факультета восточных языков, Академии Наук, анийским работам, по реорганизации высшей школы и т. д.

От первой и второй (за советские годы) заграничных командировок Н. Я. в кабинете богато представлены его занятия этрусским и особенно баскским языками. Рукописей, имеющих отношение к баскскому языку, истории и этнографии басков, несколько десятков. Так же многочисленны и разнообразны материалы по кельтским языкам, особенно — бретонскому.

Из неизданных докладов и лекций этого периода отмечу: „Язык Шапуха Багратуни“, „Мировая палеонтологическая быль в библейских сказках“, „О перестройке Анийского собора“, „Распорядок грузинского двора“, курсы лекций: „Основные культурные течения в истории Армении и Грузии“, „Этническая и национальная культура Кавказа“.

За 1924 г. и последующие большой материал имеется по приволжским языкам, африканским, особенно — северо африканским, готскому и немецкому. Рукопись французского курса грамматики грузинского языка и заметки к этому курсу, читанному Н. Я. в Париже в 1928—1929 гг. и изданному затем как совместная работа Н. Я. и его слушателя, а в дальнейшем ассистента — Бриера, превышает (без словаря) 1500 листов.

К этим же 1925—1931 гг. относятся последние редакции основных университетских курсов Н. Я.: „Грамматика грузинского языка“, „Грамматика армянского языка“, „История армянской и грузинской литературы“, „Сравнительная грамматика яфетических языков Кавказа“, „Сравнительная грамматика яфетических языков с семитическими“, „Палеонтология речи“, „Общее учение о языке“, а также последний курс Н. Я. — „Очерки развития языка и мышления“, материалы к лекциям и самые лекции, читанные Н. Я. в его последнюю заграничную командировку в Турцию.

Таков в самых общих чертах состав рукописного фонда кабинета. Я совершенно не упоминала здесь о словарях, картотеках, отзывах, записках, отчетах о работе ГАИМК и ЯИ, особенно за первые годы их существования. Многие рукописи превышают сотни, а иногда и тысячи листов. Поражает, однако, не только (и, пожалуй, не столько) количество материала, как его характер. Каким бы второстепенным и частным вопросом в масштабе общих интересов Н. Я. ни занимался, он подходил к нему с той же углубленностью и обстоятельностью, как если бы это был единственный и основной предмет его изучения. Только после того, как воедино собрано все, или почти все, фактически и конкретно известное Н. Я. и им проработанное с исключительной систематичностью, можно понять, почему он мог позволить себе делать столь смелые обобщения, всегда вызванные материалом.

Относительно остальных фондов кабинета я ограничусь несколькими словами.

Переписка Н. Я. на русском, армянском, грузинском и западноевропейских языках состоит примерно из 10 000 писем. Из них около 2000 писем Н. Я., неравномерно сохранившихся от разных годов. Наибольшее число писем Н. Я. за 1924—1934 гг., а за более ранние годы имеются лишь по нескольку писем. На каждое письмо Н. Я. составлена карточка с указанием адресата, даты и краткого содержания письма.

Писем к Н. Я. почти 8000, в том числе письма ряда виднейших ученых как наших, так и иностранных. На каждого корреспондента (их всего 1502) составлена карточка с указанием фамилии, имени и отчества корреспондента, годов переписки, количества писем. Мною начата подготовка к печати переписки Н. Я. с бароном В. Р. Розеном, представляющей, несомненно, научный и общественный интерес. К сожалению, эта

работа временно остановилась. Письма барона Розена почти подготовлены, но не могут быть обработаны полностью, так как некоторые вопросы выяснятся только из ответных писем Н. Я.

Биографические материалы охватывают период с 1860 по 1935 г. включительно. Наиболее ранние относятся еще к отцу Н. Я., последние представляют собою мероприятия правительственных органов и научных учреждений по увековечению памяти Н. Я. Биографические материалы оформлены в 296 дел, к которым составлен указатель. Параллельно составлялся указатель к биографии Н. Я. Он включает пока около 7000 записей, извлечений из печатных и архивных материалов.

Газетный материал довольно случаен, тем не менее в нем имеется некоторое, правда, незначительное, количество статей и рецензий на работы Н. Я. Марра, не вошедших в библиографию его трудов.

Кабинет занимался подготовкой полного списка печатных работ Н. Я. и рецензий на них. Для этого были просмотрены соответствующие библиографические справочники и журналы за 1890—1934 гг. (например: *Journal Asiatique*, *Jornal of the R. Asiatic Society*, *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, *Revue de l'Orient chrétien*, *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, *Mémoires de la Société de linguistique* и др.). Всего пока выявлено около 700 рецензий на работы Н. Я. и упоминаний о них.

Из фотографий (в количестве 1516, расположенных в 35 тематических альбомах) наиболее интересные — памятники армянской и грузинской архитектуры, армянские и грузинские рукописи (в том числе полный текст „Жития Григория Хандзтийского“ Георгия Мерчула, изданный Н. Я. Марром), рукописный баскско-французский словарь.

Таково в основных чертах содержание материалов кабинета Н. Я. Марра.

Помимо разборки, определения, монтировки, реставрации и обработки фондов, кабинетом велась подготовка к изданию работ Н. Я. Марра. В 1935 г. ГАИМК было закончено издание пятитомника „Избранных работ Н. Я. Марра“ и был разработан план следующего пятитомника, в который, в отличие от первого, постановлено было помещать и неизданные труды. За истекшее с выхода первых пяти томов десятилетие ни один из этих томов не вышел, хотя к печати подготовлено три из них — тт. VI и VII, посвященные языкам народов Кавказа, и т. VI¹, посвященный истории культуры народов Кавказа. Из неизданных работ в состав т. VI включен подготовленный к печати, по поручению ИИМК, сотрудниками ИЯМ С. Л. Быховской и К. Д. Дондуа курс лекций Н. Я. Марра „Сравнительная грамматика яфетических языков Кавказа“. Кроме трех томов „Избранных работ“, был подготовлен второй выпуск сборника „Язык и история“, куда вошли работы по истории Армении и Грузии: „Распорядок грузинского двора“, „Язык Шапуха Багратуни“ и две работы о Вахтанге Горгасаре. В 1940 г. была закончена подготовка к печати второго издания капитального исследования Н. Я. Марра — „Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища“. Как известно, первое издание было начато как личное предприятие Н. Я. Марра. Часть листов была уже отпечатана, когда издание было передано в ГАИМК. За время подготовки к печати произошло изменение в составе подготовлявших издание лиц, сам Н. Я. почти не принимал участия в этом деле, передав разрозненный текст своих лекций и докладов об Ани, легший в основу издания.

В целях сокращения объема книги из нее было исключено почти все, напечатанное Н. Я. о раскопках в Ани. Таким образом, оказались опущенными материалы нескольких лет раскопок (1893, 1904, часть 1913 и т. п.). Кроме того, ограниченный при чтении лекций и докладов рам-

ками^е времени, Н. Я. в процессе чтения опускал целые параграфы, посвященные тому или иному вопросу. Эти вынутые из текста докладов части были исключены и из печатного текста.

Таким образом, определилась задача подготовки второго издания: восстановить по возможности полностью весь материал о раскопках в Ани и включить его в текст издания. С этой целью текст первого издания был слит со всеми печатными работами Н. Я., относящимися к Ани, а также с рукописными материалами архива ИИМК и кабинета. Таких материалов было выявлено в 148 рукописях. Иногда это были отдельные заметки, иногда большие работы, дневники раскопок и поездок, отчеты и т. п. Этот рукописный материал был также слит с текстом первого издания и другими печатными работами об Ани, и из него выделены части, опущенные в издании. В результате оказалось около 15 печатных листов дополнений, из них часть включена в основной текст книги, часть — в примечания, часть — в приложения.

Чтобы дать представление о характере этих материалов, остановлюсь на некоторых из них.

1) Хотя город Ани был не только столицей Армении, но и центром ее культурной жизни, не было известно ни одной рукописи, происходящей из Ани, о чем и говорится в тексте первого издания. Между тем одна такая рукопись существует, она была приобретена в 1913 г. для Азиатского музея (ныне Институт востоковедения Академии Наук), была описана Н. Я., и в его заметках имеется это описание, текст ее и русский перевод. Рукопись по содержанию не представляет особого интереса, тем более, что текст ее не изучен, особой древностью она также не отличается (она 1298 г.), но это пока единственная рукопись, писанная в Ани, о чем свидетельствует обстоятельная запись монаха Егбайрика.

2) Добавлена также заметка о деятельности армянских князей, братьев Ивана и Захария Долгоруких. Заметка эта была написана Н. Я. в 1908 г., когда в связи с работами в Ани он предложил темой для студенческой медальной работы деятельность князей Долгоруких в эпоху царицы Тамары. В этой заметке, независимо от соображений Н. Я. об исторической роли братьев Мхаргрдзелов, могут представить интерес те требования, которые Н. Я. предъявлял к студенческой работе в 1908 г.: „...отнюдь не ограничиваться исследованием военных подвигов названных лиц. Вообще не думаю ограничивать научное творчество желающих писать. Тема лишь рамка, в пределах которой должна замыкаться работоспособность студента, определенный путь, который предлагается пройти, но по тому пути и с той стороны, с какой пишущий сумеет открыть больше для себя интереса... Считаю своим долгом предупредить, что от студенческой работы я требую, конечно, критического отношения и к моим мнениям, напр., к мнению о Захариде в работе „Ани, столица Армении“. Требуется хорошее знакомство не только с литературой, что важно, но, и притом особенно, с источниками. Компильция по историкам, напр., Чамчяну, Броссе и др. будет отвергнута“.

3) По совершенно непонятным причинам из первого издания была исключена оценка Н. Я. памятников материальной культуры, в частности памятников Ани, для понимания исторического процесса. Я позволяю себе привести это рассуждение полностью, так как, по-моему, оно сохранило свой интерес для понимания исторической концепции Н. Я., причем следует учесть, что писалось это в 1904—1905 гг.: „Чем больше вещественных памятников открываем в Ани, произведений ли искусства, предметов ли материальной культуры, вообще обстановки, чем больше в нас накапливается непосредственных впечатлений от работы художественной мысли древних армян, их повседневного идейного мира и

представлений о комплексе их материальных нужд, тем более жизненными и соответствующими действительности становятся наши наблюдения и исторические выводы. Отныне для историка Армении *conditio sine qua* поп — общение с материальной средой, в которой разворачивалась действительная жизнь анийцев. Она открывает нам новые источники армянской истории, новые пути для ее исследования, более того — новое, совершенно иное ее понимание.

Центр тяжести из тесного официально-национального круга армянских царей, армянских полководцев и армянской церкви передвигается в широкую народно-национальную среду. На смену истории светских и духовных династий с исключительностью их сословных интересов нарастает история народных идеалов и народных потребностей на почве идейного общения с соседними народами. Перед научной пытливостью выдвигается новый мир с таинственным еще процессом развития мирных художеств и ремесел, дающим иную расценку международным отношениям, чем та, которая устанавливается на основании анналов военных успехов или неудач“ (А 2655, л. 1617—1618).

4) В связи с историей круглых храмов в Армении и Грузии в качестве приложения к книге дается очерк Н. Я. о культурно-исторических взаимоотношениях Армении с соседними и отдаленными странами в V—VIII вв. Очерк этот был вызван работой Стржиговского о руководящей роли армянского искусства в развитии христианского, в том числе и западного, искусства. Мысль Стржиговского пришла в душу некоторым армянским исследователям, использовавшим ее в неприкрыто националистических целях. Н. Я. Марр, дав историю возникновения и развития круглых храмов в Бане, Ишхане, Карсе, Вагаршапате, Ани, а также наметив место их в истории культуры Кавказа, предупреждает, что „подобно обаянию традиционно понимаемой национальной гордости и громкая европейская слава, великодушно предоставляемая армянскому искусству эфемерной теорией с птичьего полета, не должна служить соблазном, отвлекая наше внимание от бесспорно высокой чести, которую обеспечивает за древней Арменией раскрытие истинного значения памятников ее сложной жизни. И лишь в этом раскрытии подлинного их значения, в упрочении их настоящего имени, пусть не громкого, единственное призвание нашей науки“. Однако Н. Я. отнюдь не отрицает влияния армянского искусства на другие, в частности, на так называемое сельджукское, проявлявшее сродство с анийским зодчеством, особенно в орнаментации. В связи с этим в приложении к „Ани“ дается небольшая заметка Н. Я. „О двуглавом орле в Ани“, в которой он указывает на крупную методологическую ошибку некоторых западноевропейских ученых, например Sarte, ведших происхождение изображения двуглавого орла непосредственно из хеттских малоазийских скульптур, без учета того, что двуглавый орел как сельджукидский герб появляется в XIII в., тогда как столетием раньше тот же двуглавый орел появляется в одной армянской скульптуре.

Упомяну последнее крупное дополнение: „О перестройке Анийского собора“, доклад, читанный Н. Я. в 1920 г. В вопросе о перестройке этого памятника Н. Я. Марр расходился с рядом ученых, в том числе и с некоторыми своими учениками. Тем не менее, Н. Я. настаивает на том, что „одно бесспорное обстоятельство является решающим, чтобы поставить вопрос о перестройке собора. Это то, что собор — одна из самых монументальных, если не самая монументальная постройка в Ани. Между тем нет ни одной церкви, даже не монументальной, в этом замечательном во многом отношении средневековом городе, чтобы, построенная в эпоху царей, она не была объектом реставрации и переделки. В городе, можно сказать, непрерывный бурный натиск перестройки, вызывавшийся

переменной художественных вкусов, шедшей в шаг с быстрой сменой социальных слоев, да и соревнованием сменявших друг друга иноземных или иноверных властей, различных национальных обществ правящей среды. Греки, персы-мусульмане, грузины, цари, князья, служилые люди, приходы, халкедониты и антихалкедониты реставрировали, чтобы сохранить памятники, но еще больше не давали покоя памятникам анийцы в погоне за новой красотой, новой формой купола, новым модным материалом, новой техникой в зодчестве, новым сочетанием орнаментальных подробностей, новой разработкой деталей. Реставрация происходила и в целях приспособления к новому культу, если не мусульманскому, то все-таки особой христианской общины. Какое чудо! Один собор остается в неприкосновенности, один собор обходили своим вниманием и жадные до художественных новшеств анийцы или ревновавшие о благолепии храмов в путях модернизации попечители христиане, притом христиане различных исповеданий, и мусульмане. Все это, на мой взгляд, невозможно представить в Ани без одного фактора, именно чуда. Но если допустить это чудо, то тогда нечего тратить время на исследование: пути мира чудес неисповедимы". Посвятив в первом издании „Ани“ вопросу о перестройке собора целую главу (ч. II, гл. X), Н. Я. в этом позднейшем докладе приводит новые аргументы в подтверждение своей точки зрения, используя свидетельства армянских и грузинских историков, особенности надписей собора и других материалов из раскопок в Ани. Принимая во внимание то значение, которое придавал Н. Я. перестройке собора как доказательству кипучей жизни в Ани в XII—XIII вв., обычно признававшихся периодом упадка культуры, мы сочли необходимым дать в приложении к книге полный текст этого доклада.

Таковы некоторые дополнения к первому изданию. Те же фактические данные, которые имеются в каталогах Анийского музея, путеводителях и пр., использованы в большинстве в примечаниях для большей конкретизации представления о характере групп памятников или отдельных предметов, обнаруженных раскопками в Ани и лишь бегло упомянутых в первом издании.

Особенную трудность представляло восполнение издания сведениями о работах 1914, 1916, 1917 гг.; за этот период мы не имеем отчетов Н. Я., осветить же этот последний этап работ в Ани нужно еще и потому, что пока нет оснований надеяться, что здравствующие участники анийских работ возьмут на себя труд дать сводную работу об этом городе. Поэтому, по необходимости ограничив сведения о работах 1914, 1916 и 1917 гг. данными кратких отчетов Н. Я. в Академии Наук и в Русском археологическом обществе, в приложении мы даем выдержки из дневников раскопок за эти последние годы.

Попутно с подготовкой текста и его дополнением был пересмотрен и дополнен иллюстративный материал, специально для памятников, мало документированных в первом издании (церковь VIII в. из раскопок 1911 г., жилой квартал у Храма Спасителя из раскопок 1913 г. и др.). В сложной и кропотливой работе над подготовкой второго издания „Ани“ советами помогал ряд товарищей (К. Д. Дондуа, А. Л. Якобсон, Т. М. Девель, Н. М. Токарский, А. Н. Карасев), особенно были ценны указания наиболее компетентного в этом вопросе специалиста, академика И. А. Орбели.

Работа по подготовке „Ани“ была основной предвоенной работой Кабинета в части издания работ Н. Я. Марра (упомянутые выше тома „Избранных работ“ готовились в предыдущие годы, 1936—1939). Попутно был подготовлен к печати цикл лекций (три курса), посвященный истории культуры народов Кавказа. „Очерки культуры древней

и новой Грузии“ дают по преимуществу историю развития древнегрузинской духовной культуры, с особым вниманием к роли монастырей как очагов культурной жизни, с одной стороны, и центров борьбы против народных тенденций в литературе и быту, корнями часто уходящих в язычество — с другой. Второй курс — „Культурное наследие народов Кавказа“ посвящен, в основном, опровержению фактическими данными двух одинаково ошибочных положений о культуре Кавказа (одно — „все с Кавказа и все от Кавказа,“ другое — „Кавказ в лучшем случае мост или проход с случайно застрявшими в нем следами проходивших его“). Третья работа, тематически близкая ко второй — „Главнейшие этапы развития культуры Кавказа,“ причем речь идет о культуре народов всего Кавказа, включая и Северный Кавказ. Н. Я. говорит, что „пора центр тяжести, точнее — точки опоры научных исканий, переместить с мертвых языков на живые. . . , со слов на вещи, с памятников речи на памятники материальной культуры“.

Проследивая вехи истории культуры Кавказа с древнейших времен, останавливаясь на вопросах этногенеза, роли Урарту в сложении современных народов Кавказа, на тысячелетней борьбе этих народов за самостоятельность, Н. Я. пытается определить те обстоятельства, которые способствовали развитию народов Кавказа или тормозили его. В связи с этим он говорит: „Следовало бы остановиться на расовом вопросе, так как, хотя и не объективно-научно, а в масштабе европейских просвещенных представлений, мысль все-таки существует о нехудожественности, напр., семитических народов. . . . Вообще такая постановка вопроса, основанная на идее, я бы сказал *idée fixe*, расовой от природы различной культурной одаренности народов есть научно праздное дело. Сама мысль о возведении духовной ограниченности или, наоборот, духовной всеобъятности этих стяжаний на пути культуры к расе есть по существу мистика. Она выходит за пределы научного интереса. В исторической науке все-таки она представляет интерес как пережиток средневекового мышления“.

В кабинете работало довольно большое количество сотрудников ИИМК, ИЯМ, ИВАН и других академических учреждений, а также работники Академии Наук Армянской ССР, работники Академии Наук Грузинской ССР, Мордовского научно-исследовательского института, Института культуры Абхазии и др. Консультации, которые давались Кабинетом, заключались преимущественно в тематических справках, библиографических указаниях и рецензировании работ.

Поступившая перед самой войной библиотека Н. Я. Марра состоит, как сказано выше, примерно из 15 000 томов. Особо богато представлены в ней, естественно, книги по кавказоведению, общему языкознанию, древнейшим периодам истории Западной Европы и Малой Азии. Особенность этой библиотеки, помимо ее подбора, составляет то, что в большинстве книг имеются личные пометки Н. Я. и вложены листки с его заметками по поводу прочитанного. Все эти заметки берутся на учет и систематизируются.

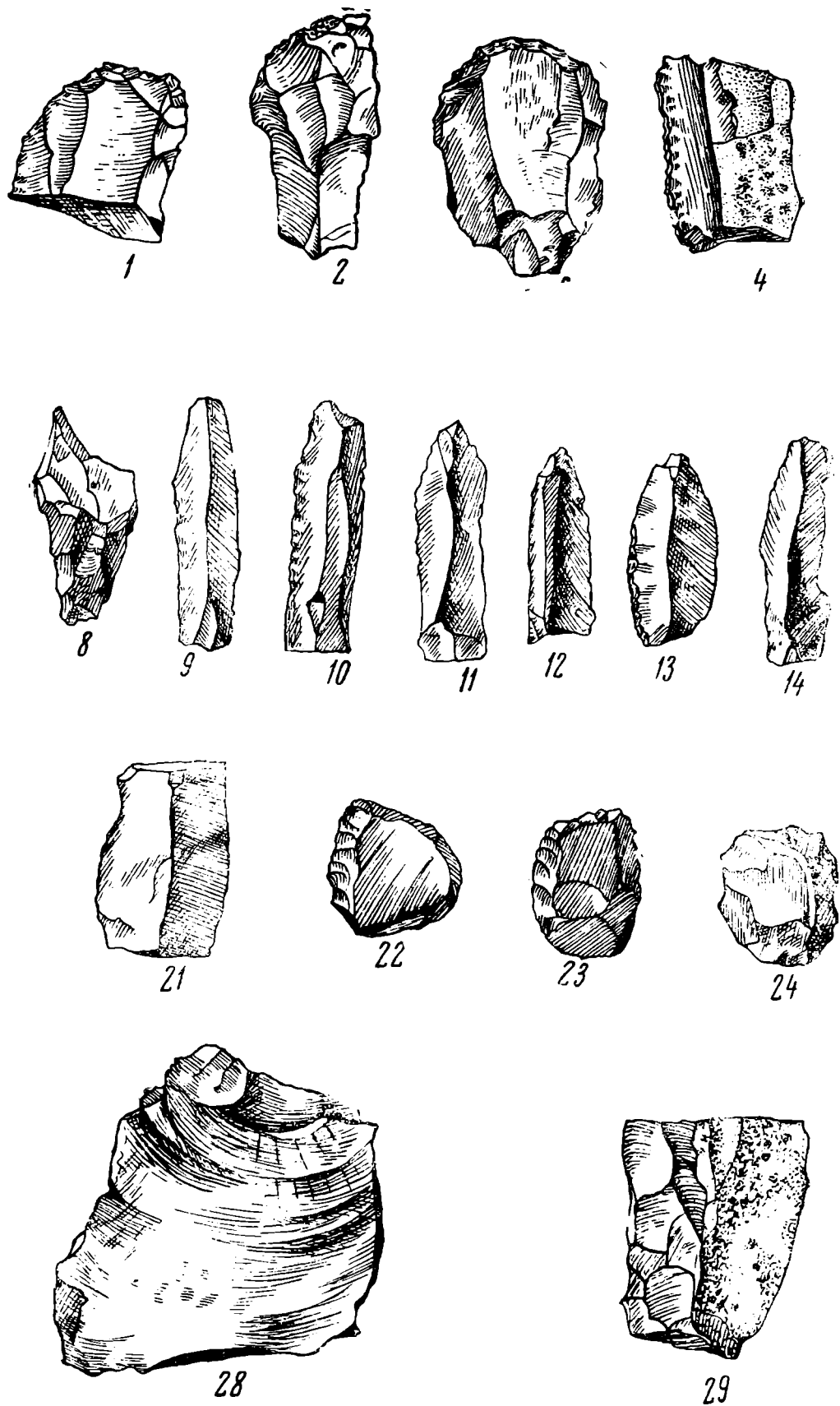

Рис. 46 Кремневые изделия из сел. Польное-Ялгуново

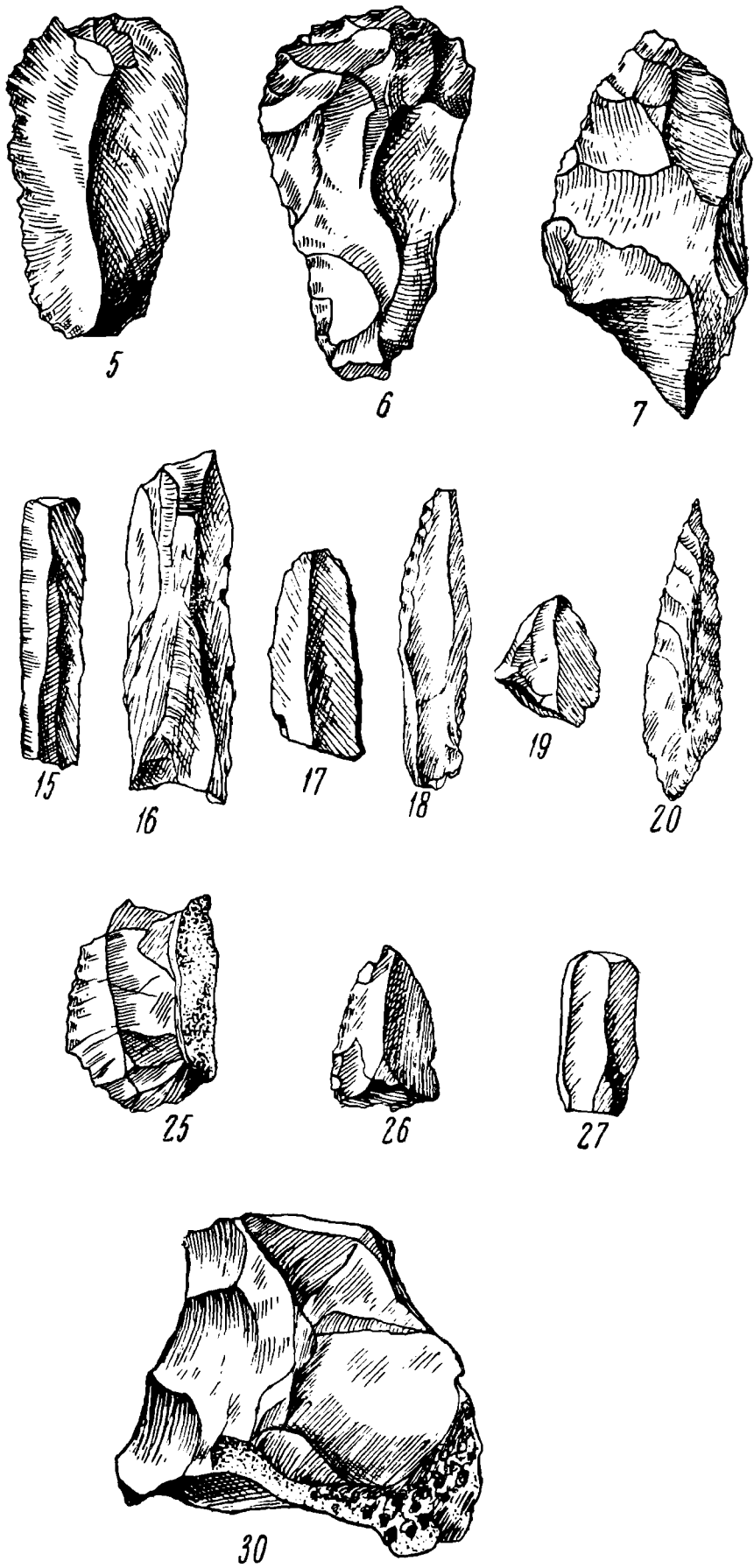

Рис 46. Кремневые изделия из сел. Польное-Ялуново. (Продолжение)

мамонту. Среди кремней имеется обломок типичной ребристой пластинки.

Весьма вероятно, что при проведении систематических исследований будут обнаружены еще новые пункты, так как сведения о находках в оврагах костей мамонтов очень многочисленны.

Из более поздних остатков поселений в районе сел. Польное-Ялтуново интерес представляет юго-восточная часть селения на склоне высокого левого берега р. Цны. Здесь, по словам местных жителей, при вспашке под огороды были найдены каменные орудия. При осмотре этого места нами был найден грубооббитый кремневый топор (рис. 45).

Рис. 47. Литой медный перстень XII в. из сел. Польное-Ялтуново

На противоположном берегу р. Цны, близ сел. Лесное-Ялтуново, на поверхности развеваемых дюнных песков надлуговой террасы и в обресе подмываемого рекой склона обнаруживаются выходы культурного слоя с многочисленными поделками и обломками глиняной посуды. Обломки посуды по своему облику близки к срубно-хвалынской культуре.

Среди кремневых поделок представлены типичные скребки, наконечники дротиков, стрел и правильной формы ножевидные пластинки (рис. 46, 1—30).

В северо-западной части дюны обнаружено селище XVI в. с культурным слоем мощностью до 1 м. Здесь был найден клад серебряных монет Ивана IV и Бориса Годунова в количестве около 700 шт. При зачистке слоя были обнаружены остатки жилищ с развалинами глинобитных печей, с подпольными ямами. Культурный слой насыщен обломками глиняной посуды с серебристой лощеной поверхностью и многочисленными предметами.

У западного края дюны обнаружены остатки разрушенного кургана диаметром 12 м. Здесь, среди обломков глиняного сосуда XII в., найден литой медный перстень, также датируемый XII в. (рис. 47).

Стратиграфия местонахождения была следующей: под почвенным горизонтом залегает мощный (около 4 м) слой плотного палевого суглинка с известковыми конкрециями, подстилаемый моренными отложениями, состоящими из красной глины с прослойками песка и гравия с многочисленными валунами кристаллических пород (гранита, красного песчаника и др.). Костеносный горизонт залегает в основании суглинка, непосредственно над моренными отложениями.

Костей собрано около 50 и 3 кремня с явными следами искусственной обработки. Среди костей преобладают кости мамонта (42 экз.); некоторые принадлежат взрослым молодым особям. Встречены отдельные кости носорога, быка, лошади и, возможно, северного оленя.

Обработанные кремни состоят из двух отщепов от нуклеусов и одного небольшого каменного отжимника с многочисленными выщербиками на конце и боковых гранях. Последний побывал в огне и приобрел красноватый цвет и несколько больших выщербин. Материалом для поделок служил местный очень плотный окремнелый известняк.¹

Таким образом, следует считать, что этими обследованиями открыта новая позднелеолитическая стоянка. Новое местонахождение сильно размывается, и необходимо здесь срочно произвести раскопки.

Второе местонахождение костей ископаемых животных с обработанными кремнями обнаружено в сходных условиях в слое суглинка на

¹ Определение фауны и кремней произведено М. В. Воеводским, приехавшим по нашей просьбе для осмотра указанного местонахождения и консультации, за что выражаем ему глубокую благодарность.

глубине 3.5 м на берегу речки Алексеевки у д. Верхняя Подсосенка, в 5 км от станции Нижнее Мальцево.

На огородах Садовой улицы Черной слободы в г. Шацке обнаружен культурный слой, достигающий в отдельных местах до 2.5 м мощности и распространенный на площади около 2¹/₂ га. На поверхности и в зачистках собраны обломки глиняной посуды XV—XVIII вв., обломки изразцов и многочисленные другие предметы. Изучение этого поселения представляет, несомненно, большой интерес для истории поселений на восточной оборонительной линии и истории самого гор. Шацка.

М. Д. ГВОЗДОВЕР

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА БУГОРОК

Палеолитическая стоянка Бугорок расположена на правом берегу р. Десны, в 20 км выше г. Новгорода-Северска, на южной окраине села Пушкари, Гремяческого района, Черниговской области, на урочище Погон. Остатки поселения находятся на невысоком бугорке, лежащем на высоте 50 м над современным уровнем Десны и являющемся останцом лёссовидных суглинков.

На этом же урочище обнаружено еще несколько палеолитических стоянок: Сосоницкий, Кравцов и Анякеев рвы, Погон (5-й метр), Пасека (Пушкари I).

От стоянки Смячка Бугорок отстоит на 10 км, от Чулатово II (Рабочего Рва) около 30 км и от Мезина — 50 км. Раскопки и обследование стоянки производились в июле — августе 1940 г. Деснинской археологической экспедицией, организованной ИИМК, Ин-том археологии АН УССР и Гос. антропологическим музеем. Руководил экспедицией М. В. Воеводский.

Общая площадь стоянки, прослеженная по распространению находок кремня на поверхности пашни и при помощи шурфов, достигает 150 × 85 м. Края стоянки размыты по склонам возвышенности. Глубина залегания нижней границы культурного горизонта не превышает 135 см; глубже встречаются лишь отдельные кремни, очевидно, попавшие сюда по кротовинам. Значительное число кремней залегает на поверхности и в пахотном слое. Стратиграфия стоянки рисуется следующим образом (по Хохловкиной):

	<i>Толщина слоя (в м)</i>
1. Современная почва	0.48
2. Суглинок палевого цвета. Нижняя граница его фестонобразная . . .	0.63
3. Светлый, лёссовидный суглинок	1.80
4. Светлый слоистый суглинок. Чередуются слои более темные со светлыми	0.68
5. Суглинок серо-желтый, слоистый с большим количеством охристых пятен	0.95
6. Гумусовая прослойка в виде темной полосы	0.10
7. Суглинок серо-желтый	0.20—0.25
8. Суглинок легкий, супесь. В верхней части горизонта гумусовое потемнение, в котором расположен культурный слой стоянки Погон (5-й метр).	0.20
9. Плотный серо-желтый легкий суглинок (супесь)	0.35
10. Средняя погребенная почва, темносерая с коричневым отливом . . .	10.60

По условиям залегания Бугорок является наиболее поздней стоянкой из всех открытых на урочище Погон и относится к выделенной В. И. Гро-

мовым второй группе деснинских стоянок, близких по времени к Чулатову II (Рабочему Рву).

Культурный слой стоянки ясно не выражен. Окатанность кремня, а также равномерное распределение его по всей площади раскопа до глубины 1.35 м говорит о том, что материал находится не в первичном залегании. С другой стороны, наличие на одной глубине крупных обломков и мелких чешуек кремня свидетельствует скорее всего о том, что материал стоянки был спроектирован на месте, а не перенесен. Следует отметить, что кремень в верхних горизонтах окатан сильнее.

Площадь стоянки, вскрытая раскопками, равна 4×3.40 м. Раскоп был разбит на квадраты 1×1 м по шахматной системе. Расчистка шла с выемкой находок по горизонтам от 0.05 до 0.15 м и с нанесением их на план.

Кроме кремневых изделий были найдены два валуна диаметром 0.20 м, а также несколько плохо сохранившихся костей. По определению В. И. Громова, кости принадлежали мамонту и овцебыку.

Кремень стоянки в большинстве однородный. Это — темносерый, непрозрачный кремень, часто с мажущейся меловой коркой. Встречается кремень и с другой, сильно разрушенной коркой, имеющей вид мелкопористой губки. Кремень с такой коркой встречен также на стоянке Пасека, Сосоницкий ров (5-й метр). Местонахождение его пока не обнаружено.

Кроме темносерого кремня встречены немногочисленные обломки зеленоватого полупрозрачного валунного кремня, покрытого ровной фарфоровобелой патиной.

Кремень для обработки брали, очевидно, из коренных меловых отложений. Выходы мелового темносерого кремня есть почти во всех больших оврагах по Десне и Мосолову рву в районе Пушкарей.

Кремень стоянки в основном желвачный, но определенный процент находок составляет и плиточный кремень несколько более плохого качества, нередко с меловыми включениями. Всего было обнаружено 4198 кремневых предметов.

Название	Количество
Обломки плиток и желваков	634
Осколки	2133
Отщепы	743
Нуклеусы желвачные	77
Нуклеусы плиточные	19
Сколы с основания нуклеусов	33
Обломки нуклеусов	31
Пластинки ребристые	54
Пластинки ножевидные	252
Пластинки с краевой ретушью	8
Резцы	112
из них:	
Боковые	90
Угловые	17
на углу сломанной пластинки	5
Отщепки от резцов	15
Заготовки для резцов	8
Скребки	66
Нуклевидные скребки	13

Обработка кремня производилась на месте стоянки. Мы можем проследить по находкам все стадии изготовления орудий от оббивки желвака до нанесения тонкой отжимной ретуши.

Переходим теперь к рассмотрению кремневого инвентаря.

1. Обломки плиток, желваков, отбитые отростки, сколы полученные при создании ударной площадки нуклеусов, бесформенные обломки и т. п. Часто они сохраняют меловую корку. Откалывание и отбивание обломков производилось при помощи отбойников.

2. Отбойников 7. Это либо слабо сработанные нуклеусы, либо обломки кремня неправильной формы. На выступающих частях такого орудия видна очень характерная забитость.

3. При дальнейшей обработке желваков получились многочисленные отщепы. Форма отщепов и их размеры различны. Иногда на них сохраняется меловая корка. Отщепы в большинстве были отбросами производства. Процент использования их для получения орудий равен 6, причем использовались для изготовления резцов и скребков наиболее массивные отщепы.

4. Многочисленные мелкие и мельчайшие осколки различной формы не использовались совсем.

5. Ребристые пластинки получались при выравнивании длинного края нуклеусов. Для того чтобы выровнять направление скола ножевидных пластин, край (ребро) нуклеуса оббивали небольшими поперечными сколами. Потом это оббитое ребро продольным сколом снимали. Это сколотое оббитое ребро и есть ребристая пластина. Для изготовления орудий они употреблялись очень редко.

6. Нуклеусы можно разбить на две группы по характеру материала, из которого они изготовлены: на нуклеусы плиточные и желвачные. Плиточные нуклеусы почти всегда носят следы сколов с одной узкой стороны и имеют одно основание (за исключением двух нуклеусов, имеющих два основания).

Большинство нуклеусов сделано из желваков и имеет неправильную призматическую форму. Пластины скалывались лишь с одной стороны нуклеусов, на другой же стороне видна или сохранившаяся меловая корка или след откола от большого желвака.

Два основания, расположенных на противоположных концах нуклеуса или под углом друг к другу, имеют 32 нуклеуса. Остальные нуклеусы — с одним основанием. Длина как плиточных, так и желвачных нуклеусов, 4—5 см. Лишь отдельные экземпляры достигают 7—8 см. Такая величина и форма характерны почти для всех поздних верхнепалеолитических нуклеусов (Гонцы, ¹ Боршево II (н. г.) ² и др.).

7. При скалывании пластинок пользовались посредником. В „Бугорке“ найдено три посредника вытянутой овальной формы. Характерная забитость и раздробленность камня ясно видны на противоположных узких концах посредника (такие же посредники встречены в Тимоновке). ³

8. Основным материалом для изготовления орудий были ножевидные пластинки. В коллекции они представлены 252 экземплярами, из которых только 72 целые. Длина цельных пластин от 3 до 8 см. Чаще же встречаются пластинки длиной 4,5—5,5 см. Средняя ширина пластинок 1,3—1,5 мм, толщина 0,5—0,6 см. Ножевидных пластинок правильных очертаний почти нет. Ограничение их большей частью неправильное, а пластинок с параллельными краями — мало. Можно легко отличить пластинки, сколотые с пластинчатых нуклеусов, по следам меловой корки на их параллельных гранях.

¹ L. Sawicki *Materyały do znajomości prehistorji Rosji; Przegląd Archeologiczny*, т. III, з. 2 и з. 3, Poznań 1926 и 1928.

² П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Боршево II. *Материалы к исследованию по археологии СССР*, вып. 2, стр. 37—60, М.—Л., 1941.

³ М. В. Воеводский. Тимоновская палеолитическая стоянка. *Рус. антропол. журнал*, т. XVIII, вып. 1—2, 1929.

9. Самую многочисленную группу орудий составляют резцы (50,9% всех орудий). Среди них преобладающим является боковой резец, с притупляющей ретушью на скошенном конце (рис. 48, 1—3). Притупляющая ретушь лишь у четырех резцов спускается до основания. У остальных она ограничивается скошенным концом. Резцы, близкие по типу этим резцам, имеются в Гонцовой стоянке.¹

Все резцы небольшой длины (4—5 см), но есть несколько экземпляров, достигающих 7—8 см. Резцы имеют тонкий и короткий резцовый

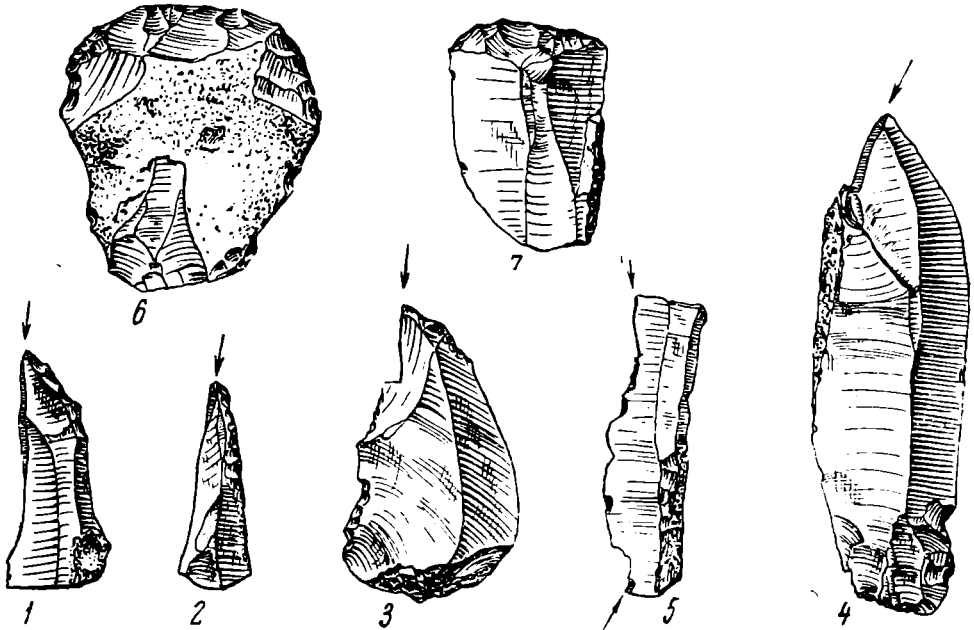

Рис. 48. Палеолитическая стоянка Бугорок.

Из инвентаря стоянки: 1, 2, 3 — боковые резцы, 4 — угловой резец, 5 — резец на углу сломанной пластинки, 6, 7 — скребки концевые

скол. Из боковых резцов можно выделить несколько экземпляров, у которых скошенный конец напоминает клювовидную форму, характерную для позднего мадлена Франции. Скошенный конец имеет у резцов различный характер, иногда выпуклый, вытянутый, прямой, вогнутый.

Сколько-нибудь определенных, выдержанных форм проследить не удалось. Мне кажется, что различие в форме рабочего угла в данном случае следует искать не в различном функциональном назначении резцов, а в характере ножевидной пластинки, форма которой, повидимому, часто предreshала и форму рабочего конца резца. По своему размеру (длина меньше 2 см, а ширина меньше 1 см) выделяются два микрорезца. Такой же маленький резец с тонким резцовым сколом найден в Тимоновке.²

Интересны комбинированные орудия — 11 двойных резцов, имеющих на противоположных концах пластинки резцовые сколы. Почти во всех случаях на одной пластинке изготовлены однотипные резцы.

Кроме того, есть 5 резцов, имеющих на противоположном конце скребковое лезвие. Большой интерес представляют два резца, имеющих на спинке притупляющую ретушь, а рабочий угол у них образован двумя сколами. При внимательном рассмотрении оказалось, что это были

¹ L. Sawicki. Ук. соч.

² М. В. Воеводский. Ук. соч.

боковые резцы, резцовый скол которых подправили поперечным ударом, сколовшим частично притупленный ретушью скошенный край. Следующую по количеству группу среди резцов составляют угловые резцы (рис. 48, 4). Все они сделаны на массивных пластинках или отщепках. Резцовые сколы иногда двойные, обычно широкие и мощные. Один из этих резцов можно выделить как срединный. На углу сломанной пластины сделано всего пять резцов (рис. 48, 5). Найдено 15 резцовых отщепков. На одном из них имеются следы притупляющей ретуши.

Нужно также отметить 8 косых острий — заготовок для резцов. Они по своей форме и характеру притупляющей ретуши очень сильно напоминают резцы. Для полного сходства не хватает только резцового скола. Отсутствие на них следов сработанности позволяет предположить, что они были только заготовками, а не законченными орудиями.

Очень интересную группу орудий стоянки составляют скребки. На конце ножевидной пластины изготовлено 20 скребков. Длина их не превышает 5 см. Рабочий край почти всех скребков правильной дугообразной формы (рис. 48, 6—7). Ретушь обычно крутая, реже плоская. Есть несколько скребков, имеющих почти вертикальный, прямой рабочий край. У трех скребков лезвие несимметрично и несколько вытянуто с одного края.

Ретушь ограничивается во всех случаях только рабочим лезвием и на боковые грани не заходит. На отщепках изготовлено 29 скребков. И здесь средние размеры орудий 4—4,5 см. Лишь несколько экземпляров сделано на массивных отщепках, достигающих 6—6,5 см длины; на некоторых отщепках сохранилась меловая корка. Скребки, сделанные на отщепках, имеют тоже дугообразные лезвия. Они близко стоят к типу округлых скребков, но ретушь их не смыкается. Нередко на отщепках сделаны и двойные скребочки.

На округлых сколах с основания нуклеуса сделано 12 скребков. Один из этих скребочков имеет ретушь кругом по всему краю и является типичным представителем скребков округлой формы. В стоянке найдено несколько скребков высокой формы. Два из них сделаны из обломков нуклеусов и имеют правильную килевидную форму с несколько вытянутым носиком. Два других изготовлены из массивных отщепов, длинный, выпуклый край которых и является рабочим краем. Аналогичные скребки встречаются в позднем мадлене Франции. Скребки „Бугорка“ напоминают скребки Тимоновки и Супонева, также сделанные на отщепках и округлых сколах с основания нуклеуса, скребки Боршево II,¹ Гонцов,² Карачарова, Рабочего Рва и др.

Среди скребков нередко бывают также двойные орудия. Кроме упомянутых выше двойных скребков на отщепках, двойные скребки изготовлялись и на противоположных концах ножевидных пластинок, чаще они небольшого размера.

К группе скребков следует отнести 13 нуклевидных скребков. Они получены из использованных нуклеусов. На краю основания такого скребка нанесена мелкая скребковая ретушь. Брюшко такого скребка иногда имеет следы скола, в результате которого достигалось нависание рабочего края, очевидно, имевшее значение при работе. Форма этих скребков зависит от формы нуклеусов. На противоположном конце одного такого скребка сделано тесловидное орудие. Почти на всех скребках прослеживаются следы сработанности: характерная забитость и заломы рабочего края орудия. Остальные орудия стоянки представлены отдельными экземплярами и часто носят случайный характер.

¹ П. И. Борисковский. Ук. соч.

² L. Sawicki. Ук. соч.

Небольшое орудие (2 см), сделанное из обломка ножевидной пластинки, имеет на одном краю характерную забитость и заломы, позволяющие считать его ретушером.

К орудиям можно отнести 26 ножевидных пластинок, тонких и узких, употреблявшихся, очевидно, в качестве ножей. На их узкой грани хорошо видны мелкие зазубрины, образовавшиеся в результате работы. На четырех таких пластинках на нерабочей грани сохранилась меловая корка, заменяющая здесь притупленный ретушью край; 3 ножевидные пластины имеют частично притупленный край. По размерам их едва ли можно отнести к вкладышам, к которым я отношу пять узких и коротких ножевидных пластинок, имеющих на одной боковой грани правильную притупляющую ретушь, а на другой — выщербины от работы. Имеется несколько отщепов и обломков с краевой ретушью в нескольких местах. Проколки, так характерные для Мезина и Супонева, представлены всего в числе 6 экземпляров, из них 5 правильнее было бы назвать режущими остриями.

Есть в коллекции две небольшие пластинки с нечетко выделенной ретушированной выемкой. Найдено несколько более крупных орудий:

а) Тесловидное орудие, изготовленное из обломка кремня. Путем стесывания со стороны брюшка достигалось заострение края и устранение его „забитости“, образовавшейся, очевидно, при употреблении этого орудия как рубящего.

б) Другое орудие из массивного обломка нуклеуса. Сбитые грани образуют массивный, несколько вытянутый конец, а на другом конце оббивкой создано сужающееся лезвие, несущее забитость. Вероятно, и это орудие употреблялось как рубящее.

в) Орудие с двухсторонней обработкой, напоминающее дисковидный топорики.

Этим мы заканчиваем обзор орудий стоянки Бугорка.

Отсутствие в стоянке культурного слоя и обработанной кости значительно ограничило возможность сравнительного изучения материала стоянки. Но мы имеем все же достаточно данных, чтобы считать Бугорок позднемадленской стоянкой.

Геологически (залегание в верхней части лессовидных покровных суглинков) стоянка достаточно точно датируется поздним мадленом. Эта датировка подтверждается и сопоставлением кремневого инвентаря Бугорка с материалом других стоянок.

1) Сравнительное однообразие форм орудий, характерное для конца мадлена;

2) преобладание резцов, обнаруженное почти во всех позднемадленовских стоянках;

3) размеры и характер ножевидных пластин (близких к Тимоновке и Рабочему Рву);

4) округлые скребки на отщепках (характерные и для Боршево II, Гонцов,¹ Тимоновки, Карачарова);

5) скребки на округлых сколах с основания нуклеуса (см. Тимоновка, Супонево).

Ближе всего Бугорок по характеру инвентаря стоит к Гонцовской, Боршевской II (в. г.) стоянкам и к стоянке Рабочий Ров, что также подтверждает позднемадленский возраст Бугорка.

Обнаруженные в стоянке кости овцебыка (*ovibos moschatus*) и мамонта (*Elerphas primigenius*) позволяют предполагать, что даже в позднем мадлене еще сохраняется достаточно суровый климат.

¹ L. Sawicki. Уж. соч.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА РЕКЕ ЛЕНЕ в 1944 г.

Полевые работы историко-археологической экспедиции ИИМК АН СССР и НИЯЛИ ЯАССР в 1944 г. начаты были особенно рано — в мае. В них приняли участие студенты-практиканты Якутского отделения литературного факультета местного Учительского института.

Раскопки велись в пределах г. Якутска на древнем поселении вблизи стадиона (против здания Якутского геологического треста), где в 1940 г. была найдена половина литейной формы для изготовления кельтов, а также на территории стоянки вблизи б. Никольской церкви.

В результате раскопок 1944 г. выяснилось, что здесь, на древней „Сергеляхской“ песчаной террасе, имеются следы пребывания человека в течение многих веков.

В самых нижних слоях основного раскопа непосредственно над желтым суглинком, в черноземовидной почве залегала тонкостенная неолитическая керамика с штрихованной наружной поверхностью и резным линейным узором в виде вписанных друг в друга треугольников, свисающих с венчика на стенки сосуда. Вместе с такой керамикой найдены немногочисленные орудия из камня и очень редкий предмет — небольшой кусочек белого нефрита или жадеита.

Выше, непосредственно под дерновым покровом, в той же черноземовидной почве обнаружены фрагменты глиняных сосудов развитой бронзы, украшенных характерным узором — оттисками короткого зубчатого штампа, каменная миниатюрная проколка, отщепы, а также следы литейного дела: остатки горна, в котором плавил металл, глиняный льячик в виде довольно глубокой ложки и своеобразные стержни, служившие, по видимому, для изготовления путем отливки каких-то изделий с внутренними полостями-втулками. В очажке около литейной мастерской бронзового века оказались также фрагменты костяной пластины, орнаментированной тонким резным узором геометрического характера.

Находки в данном слое значительно дополнили и расширили, таким образом, скудный пока еще материал как о неолите, так и о памятниках зрелой бронзовой культуры Якутии.

На поселении против здания Геологического треста оказался еще и третий культурный слой — позднего железного века, в котором обнаружены характерные следы старинной якутской культуры XVII—XVIII вв. — обломки художественно выполненной глиняной посуды, покрытые тисненым геометрическим узором, берестяной сосуд, украшенный сложным криволинейным рисунком, железные изделия, несколько сте-

клянных бус. Здесь же был открыт очаг старинного якутского ювелира и находившиеся в его распоряжении литейные формочки, в которых отливались разнообразные узорные украшения. Поблизости имеются следы старинного жилища „саха балагана“, не затронутые раскопками 1944 г. и обещающие новые ценные материалы. Отмеченные здесь любопытные находки относятся, судя по бусам, уже к тому времени, когда на Лене появились русские. Они характеризуют быт и искусство якутского народа три века тому назад. Особенно интересны при этом резко выраженные архаические черты в керамике верхнего слоя, заслуживающие специального изучения с точки зрения истории якутской культуры и ее генезиса.

Вторым этапом работ 1944 г. явились раскопки древней стоянки в Соттинцах (Усть-Алданский район, 1-й Соттинский наслег). Еще в 1942 г. нами было открыто обширное древнее поселение вблизи Соттинцев, около озера Ымыяхтах. В июне-июле 1944 г. на озере Ымыяхтах были осуществлены систематические раскопки, в ходе которых вскрыто 150 м площади поселения. Раскопки показали, что около озера в глубокой древности жили первобытные охотники и рыболовы, пользовавшиеся каменными и костяными орудиями. В слое черноземной почвы оказались кремневые скребки для выделки кож и обработки дерева, резцы для изготовления костяных орудий, наконечники стрел и другие изделия.

Особенный интерес представляет каменный скребок, сохранивший обмазку из березового вара; это первое, в своем роде, прямое указание на то, что в неолите Сибири подобные скребки употреблялись с рукоятками, которые закреплялись в них березовым варом (якутское „ыас“). Изготовление таких каменных орудий производилось здесь же, на стоянке. Об этом свидетельствуют многочисленные незаконченные обработкой орудия — заготовки, отбросы производства, есть также и кости со следами распиловки и с надрезами.

Находки концентрировались около очагов, оставшихся, очевидно, на месте временных жилищ типа урасы. Обитатели поселка занимались охотой и рыбной ловлей: вблизи очагов и в очагах найдены кости лося, водных птиц и рыб. Но самой неожиданной находкой оказались кости человека. В наиболее обширном по размеру очаге поселения оказались обломки раздробленного и обожженного человеческого черепа, лежавшие вместе с обломками глиняной посуды, костями рыб и другими кухонными отбросами. Владелец этого черепа был, очевидно, съеден жителями поселка.

Затем полевыми археологическими исследованиями был охвачен обширный участок долины р. Лены на протяжении, приблизительно, 1300 км от д. Мироновой (ниже г. Киренска) и до г. Якутска.

Участники экспедиции выехали из Якутска 18. VII 1944 г. и через 20 суток достигли д. Мироново, откуда и поплыли вниз по Лене к Якутску.

Глубокой осенью, уже в октябре, когда по реке начали образовываться ледяные забереги, а вода при промывке скал с писаницами превращалась в лед и покрывала их твердой корой, экспедиция приблизилась к конечному пункту полевых работ — Покровску. В Якутск прибыли 18. X. 1944 г. За все время плавания вниз по Лене стояла, в общем, благоприятная погода. Кроме того, важно, что уровень р. Лены летом и осенью 1944 г. неизменно оставался необычно высоким; вполне проходимыми и доступными для обследования оказались такие протоки, куда не приходилось попадать в прежние годы из-за мелководья. Это почти вдвое увеличило масштаб работ, а вместе с тем дало новые разнообразные материалы.

Важнейшим результатом работ 1944 г. на участке Киренск (д. Миронова) — Якутск явилось прежде всего открытие ряда новых палеолитических поселений, давших хороший в стратиграфическом отношении вещественный материал, связанный с определенными речными террасами. В числе этих поселений первое место занимает стоянка у д. Чагинской. Культурный слой поселения у д. Чагинской залегает на глубине около 2 м от поверхности почвы в напластованиях древней Ленской террасы. В нем обнаружены обломки очажных камней, орудия характерных форм и раздробленные кости животных. Среди фаунистических остатков имеется зуб носорога (определение В. И. Громова), позволяющий, вместе с каменным инвентарем, датировать находки моментом, близким ко времени существования известных — древнейших для всей территории Северной Азии — палеолитических поселений — Мальты и Бурети.

Стоянка Чагинская является третьей, ставшей известной теперь стоянкой этого времени в Сибири, что существенно изменяет наши представления о времени первоначального проникновения человека и заселения им сурового Ленского края.

Дополнительное изучение древних ленских террас, а также раскопки ранее найденных местонахождений (1941 г.) не только значительно расширили и дополнили имеющиеся в нашем распоряжении данные о культуре древнейшего поселения Ленского края, но и позволили констатировать, что в долине Лены найдены самые северные из числа известных сейчас в Северо-восточной Азии и на всей территории СССР палеолитические поселения. Таковы поселения вблизи Олекминска (Дабан) и около села Мархачан.

Изучение памятников последующего периода — неолитического — выяснило, во-первых, тот любопытный факт, что в изученном районе между Киренском и р. Нюя неолитическая культура обнаруживает ряд своеобразных признаков, которые позволяют считать ее принадлежащей какой-то особой этнической группе. Изучение неолитических памятников позволило также точнее проследить распространение той своеобразной среднеленской неолитической культуры, наиболее ярким образцом которой является поселение на р. Малой Мунку.

Что касается последнего, то в целях дополнительного освещения его стратиграфии и связанного с этим важного общего вопроса о следах скотоводства в неолите Якутии были произведены специальные контрольные раскопки, подтвердившие, что проникновение остатков фауны и костей домашней коровы, в том числе из какого-либо позднейшего слоя (якутского), исключено. В Малой Мунку имеется в сущности один основной культурный слой (нижний) неолитической эпохи, над которым в дерне изредка встречаются миниатюрные очажки автохтонной культуры эпохи раннего железа, когда камень еще более или менее широко употреблялся племенами южных районов Якутии. По сохранности фауна неолитического слоя и остатки домашней коровы одинаковы.

Обследование неолитических местонахождений в районе д. Миронова — Олекминск показало также, что неолитические культурные остатки связываются с определенными в литологическом отношении отложениями; наиболее ранние — с красным суглинком, а позднейшие с супесчаным серым горизонтом, покрывающим суглинок.

Из числа неолитических поселений, обнаруженных в 1944 г. ниже Олекминска, особенный интерес представляет стоянка в местности Юедей на речке того же названия в Оймуранской протоке. Раскопки этого поселения дали неолитические изделия нового для средней Лены типа: наконечники стрел архаической формы, изготовленные из широких ножевидных пластин, у которых спинка оставлена без обработки, а противоположная сторона оформлена ретушью.

До сих пор такие архаические приемы изготовления наконечников стрел отмечались только на нижней Лене. Юдейские находки в значительной мере восполняют, таким образом, пробел в классификации неолитических памятников Якутии, занимая в ней положение наиболее раннего, известного в данное время хронологического звена.

Все эти факты существенно продвигают вперед познание неолитического времени и культуры Якутии в связи с неолитом других соседних областей Северной Азии.

Экспедицией собраны также новые материалы по позднейшим этапам прошлого Ленского края, в том числе по раннему железу и, особо, по наскальным изображениям. Количество последних в результате тщательного осмотра почти всех, без исключения, подходящих скалистых выходов вдоль левого берега Лены, значительно увеличилось. Резко расширена область распространения своеобразных писаниц Средней Лены, выполненных красной краской. Самые южные из них зарегистрированы теперь не только вблизи Олекминска, но и далеко выше по р. Лене, между деревнями Тинной и Каменкой.

Новые материалы позволяют разъяснить и назначение ряда писаниц — в них с исключительной силой выражены мотивы охотничьей магии. На десятках рисунков даны различные вариации одной и той же центральной темы: древние рисовальщики и граверы покрывали скалы условными изображениями изгородей — засек для ловли лосей и оленей, иногда в таких изгородях изображены и попавшиеся в ловушку звери, а в некоторых случаях и антропоморфные фигуры („баянаи“ якутского фольклора?).

Не менее интересны, тоже магические, должно быть, по своему назначению, наскальные рисунки относительно позднего времени, изображающие жилища оленеводов — чумы и целые родовые поселки, оленные стада и самих хозяев этих стад или их антропоморфных богов.

Археологические данные, выявленные на р. Лене в 1944 г., таким образом, еще полнее позволяют осветить различные проблемы, наметившиеся раньше, а также затрагивают ряд новых важных вопросов ранней истории Ленского края.

В. Р. ТАРАСЕНКО

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ БАРСУЧЬЯ ГОРКА

Городище Барсучья Горка расположено в 8 км к северу от г. Могилева, вверх по течению р. Днепра, около д. Палыковичи. Первое, не вполне определенное, указание на существование здесь городища было получено в Могилевском гос. историческом музее еще летом 1936 г., когда музеем была организована экспедиция по выявлению и обследованию городищ и селищ по течению Днепра от Могилева до Шклова. Во время работ экспедиции по обоим берегам Днепра было обследовано шесть городищ; одно из них на расстоянии 1 км от д. Палыковичи, но Барсучьей Горки в то время обнаружить не удалось. Урочище, на котором расположено это городище, не сохранило обычного названия, а само городище, как впоследствии выяснилось, было покрыто густым лесом, тянувшимся вдоль правого высокого берега Днепра, и терялось среди целой серии естественных, обрамленных оврагами мысков коренного берега. Лишь зимой 1936—1937 гг. музей получил в свое распоряжение церковную летопись Отмутского прихода — церкви, расположенной в самой д. Палыковичи. В этой летописи, наряду с другими примечательными местами в окрестностях Палыкович, была отмечена и возвышенность с искусственно насыпанным валом и рвом и с указанием приблизительного расстояния этого места от деревни. Поиски были продолжены и привели в мае 1937 г. к выявлению городища. Покрытое лесом, это городище, по нашему предположению, должно было лучше сохраниться, чем другие, подвергавшиеся распашке, кладоискательским раскопкам и т. п. Только норы барсуков, кое-где заметные на склонах городища, несколько деформировали его поверхность, но эти повреждения не могли значительно нарушить культурный слой памятника. Эти сообщения побудили нас избрать городище для более углубленного изучения путем широко поставленных раскопок, которые и были осуществлены летом 1937 г.; заняли они около трех недель и дали ценные результаты. К сожалению, добытые во время раскопок ценнейшие вещи и весь графический документальный материал (чертежи, фотографии и зарисовки) погибли вместе с другими коллекциями Могилевского исторического музея во время оккупации Могилева немецко-фашистскими захватчиками.

Таким образом, в настоящей статье придется сделать попытку восстановить по памяти как ход раскопочных работ, так и описание и характеристику важнейших находок. Однако результаты раскопок городища оказались настолько интересными, что в известной мере оправдывают подобную попытку.

Городище Барсучья Горка прежде всего по самому устройству поверхности площадки резко отличается от всех других известных нам белорусских городищ. Обычно городища имеют вал в форме подковы с наибольшей высотой в центре, нередко и окончание стрелки городища тоже несколько повышается. Таким образом, площадка большей части городища является вогнутой и именно в этой впадине во время раскопок чаще всего попадаются находки различных вещей, а также остатки очагов и жилых сооружений. Между прочим, именно эта особенность строения громадного большинства городищ, повидимому, породила в Белоруссии, Смоленщине и Литве одинаково широко распространенные у окрестного крестьянского населения легенды о провалившихся якобы церквах, закопанных внутри кладах и т. д. Этим же вызвано представление о жизни в древности не на поверхности, а внутри городищ, независимо от того, кого народ считает насельниками этих городищ: братьев-великанов, разбойников или даже шведов и французов.

На городище Барсучья Горка центр площадки выпуклый. Общее впечатление при осмотре памятников таково, что естественная форма природного мыска почти не подверглась изменениям: так, конец стрелки этого мыска не срезан искусственно, с придачей ему большей крутизны, как это наблюдается в других городищах, а постепенно, все с большей пологостью, ведет вниз, к приречному лугу и даже в конце имеет естественный загиб налево, т. е. на запад, в то время как общая ориентировка городища — с юга на север. Таким образом, северный край площадки даже не имеет резко отграниченных очертаний; общая продольная длина площадки около 75—80 м, при средней ширине 35—40 м, боковые же скаты с запада и востока, видимо, также имели достаточную естественную крутизну. Высота площадки городища над дном оврагов — 10—15 м. Несомненно, искусственно насыпан лишь вал, отграничивающий на юге площадку от естественного продолжения мыса. Этот вал довольно большой мощности, он возвышается в центре на 3—4 м, а ширина его у основания доходит до 12—14 м. Произведенный во время раскопок разрез этого вала показал, что для большей прочности, с целью предупредить оползание его, строители применили любопытный прием: слой обычной супеси перемежается с прослойками угольков и золы, подстилающих также слои краснообожженной глины, но самый вал насыпан значительно позднее начала жизни на городище. Как показали раскопки, нижний горизонт культурного слоя уходит под вал. Последний, таким образом, был, несомненно, насыпан позднее, и поселение вначале было еще неукрепленным (рис. 49).

Наиболее интересным результатом раскопок являются остатки жилых сооружений. Они тянутся вдоль обеих сторон площадки — западной и восточной, оставляя центр незанятым. Состоят они из сложенных из камней плоских очагов — четырех с западной стороны, из коих первый от вала значительно превышает своими размерами остальные, и трех с восточной. Диаметр очагов 1—1,5 м, за исключением большего, диаметр которого доходил до 3 м. Вокруг каждого очага располагалась каменная кладка — остатки вымостки земляного пола, причем особой каменной кладкой были обозначены переходы от одного очага к другому. Такими переходами соединены были все четыре очага с западного и три — с восточного края площадки. Помещения каждого ряда были, повидимому, покрыты общей крышей. С западной стороны вдоль всего сооружения были прослежены следы до десяти круглых или, вернее, овальных, косо поставленных деревянных бревен. Эти столбы и были, очевидно, одновременно основанием стены и крыши жилищ, имевших характер полуземлянок. Таким образом, жилища Барсучьей Горки представляли собой один из вариантов „длинных домов“, известных

нам по работам этнографов, изучающих быт культурно-отсталых племен и народов.

Когда в процессе раскопок была удалена верхняя кладка с очагами, под нею обнаружилась вторая кладка, хотя менее обильная и менее тщательно сложенная, а еще ниже, уже непосредственно на материке — третья кладка из булыжника. Именно эта, самая нижняя, хотя и более разреженная каменная кладка, и имела свое продолжение, уходя под вал. Из этого факта явствует, что в начальный период заселения горо-

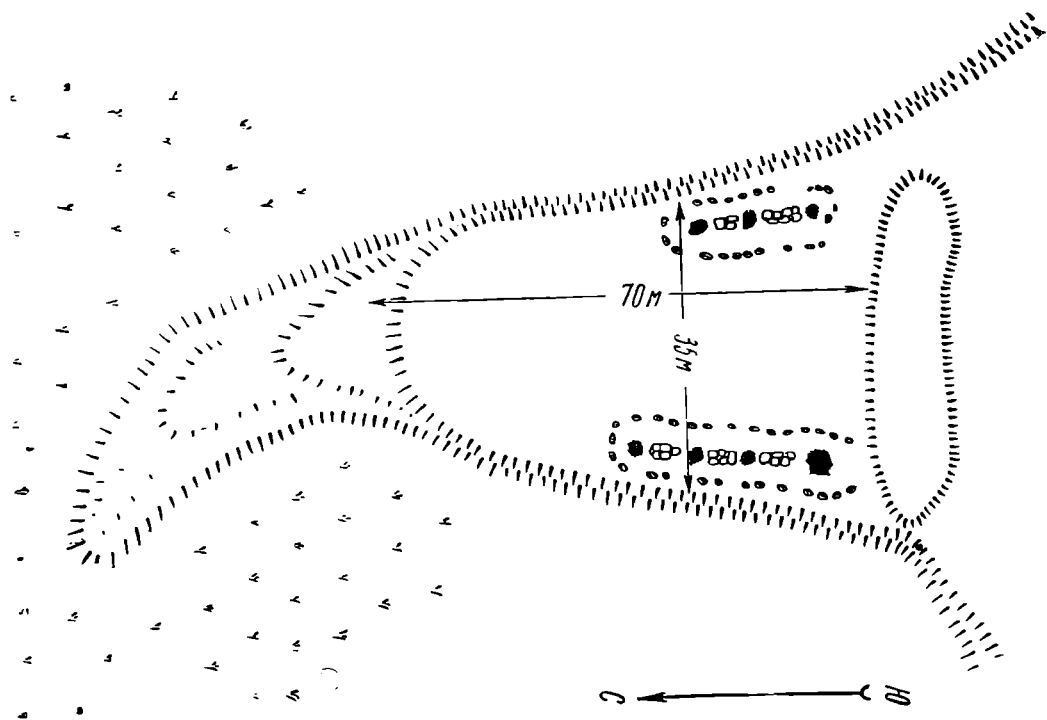

Рис. 49. Схематический план городища Барсучья Горка

дища оно было еще неукрепленным, т. е. по существу являлось селищем и лишь позднее был насыпан вал. Эти три горизонта наблюдаются только вдоль западного края площадки; с восточного края имелся лишь один слой каменной кладки с очагами. Очевидно, первоначально существовало лишь одно западное жилище, а на противоположной, восточной стороне жилище было сооружено позднее. О том же говорит сравнение общей мощности культурного слоя: на западном краю площадки, от поверхности до грунта, она составляет 2—2.2 м, в то время как с восточного края — всего 1.3—1.5 м.

При внимательном исследовании прослоек, отделяющих верхнюю каменную кладку от средней и среднюю от нижней, в них обнаружено много кусков полуобожженной глины с тонкими красными прожилками. Это, по видимому, не что иное, как остатки глиняной обмазки каркаса кровли, сплетенной из хвороста. Что касается времени городища, то на этот вопрос можно дать ответ, исходя из следующих данных. На городище совершенно отсутствуют вещи, относящиеся ко времени древней Руси — нет керамики, сделанной на гончарном круге, которая появляется в этих местах в IX—X вв. Среди большого количества черепков грубых, лепленных от руки сосудов с неправильными штрихами по поверхности, рядом с одним из нижних очагов западного края площадки было обнаружено несколько черепков сосуда, вылепленного от руки, но

с гладко отполированной поверхностью черного цвета. Из этих черепков удалось реставрировать часть сосуда.

Черная лощеная керамика, техника изготовления которой проникает к нам с юга, изредка встречается в нижних прослойках древнейших белорусских и смоленских городищ. Попадает она и восточнее, например в Калужской области (Мошинское и Барвинхинское городища). Датируется эта керамика временем не позднее III—IV вв. К этому же времени относится найденный ближе к центру площадки, под самым валом, железный наконечник стрелы „сарматского типа“. Такие трехлопастные черешковые железные наконечники стрел, в отличие от более ранних скифских стрел (трехгранных бронзовых втульчатых), датируемых еще I тысячелетием до н. э., распространились в средней полосе Европейской части СССР также в III—IV вв. н. э. Таким образом, время городища — середина I тысячелетия н. э., жизнь началась на нем с III—IV вв. и продолжалась, вероятно, несколько столетий.

Каковы же были культура и хозяйство жителей городища? Прежде всего необходимо отметить их знакомство с железом. Кроме упомянутого уже трехлопастного наконечника стрелы, найдены второй, более позднего типа, лавролистный железный наконечник стрелы, кусок лезвия железного топора, рыболовный крючок и несколько ножей с прямыми спинками. Но наряду с железными, широко применялись изделия из кости — шилья и иглы. Найдены пряслице и точильные бруски, встречен один камень булкообразной формы, который, возможно, является верхней частью ручной зернотерки.

Таковы в самых общих чертах результаты раскопок на городище „Барсучья Горка“, приоткрывающие завесу над жизнью племен Верхнего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.

Е. И. ГОРЮНОВА

СЕЛИЩЕ ПОЛЯНКИ

В 1940 г. старшему научному сотруднику Мордовского научно-исследовательского института П. Д. Степанову удалось открыть несколько интересных археологических памятников и среди них мордовское селище и могильник золотоордынского времени, находящиеся близ с. Паньжа Ковылкинского района Мордовской АССР. В том же году оба памятника были подвергнуты археологическим раскопкам.

Селище, расположенное на песчаной дюне, в полутора километрах к югу от с. Паньжа в окружении леса и пойменных озер левого берега р. Мокши, представляет типичный древний лесной поселок мордвы. В его плане, типе и расположении построек сохранились черты древних городищ первых веков н. э. В хозяйстве и общественном быте его насельников большую роль продолжали играть пережитки родового уклада древних укрепленных поселений.

Миниатюрные размеры селища (1600 м²) позволили полностью исследовать его площадь, что дало возможность реконструировать его план и детально изучить тип его жилищ.¹

Поселок возник, повидимому, на месте охотничьей стоянки. На его южном конце находилась большая ловчая яма с обоюдоострым колом, вбитым в ее дно.

Из шести жилищ поселка полностью сохранилось лишь три; два частично и одно целиком оказались разрушенными в 1939 г.

Жилища расположены беспорядочно, что характерно для всех древних мордовских поселений. Ориентировка каждого жилого дома постоянна: выход обращен всегда на восток, постройки в плане однотипны. Они представляют вытянутый четырехугольник, площадью около 20 м². В центре его находится прямоугольное углубление (2.5×2.3×0.9 м), от которого к востоку ведут земляные ступени. Земляные выступы вдоль стен служили нарами, которые покрывались войлоком и шкурами животных. Пол земляной, поверхность его сильно уплотнена. В толще его напластований находится большое количество золы, углей, пищевых отходов, ломаных и целых предметов хозяйственного обихода, битой посуды и пр.

В ближайшем к входу правом углу помещалась глинобитная печь типа чувала. Под обломками печей найдено большое количество раздавленных глиняных горшков, пряслица и другие предметы.

¹ Несколько поселений типа „Полянок“ было открыто на р. Мокше в районе с. Троицка в 1936 г.

Надземных частей построек не сохранилось. Куски глиняной обмазки с отпечатками плоской тесаной поверхности дерева, найденные вокруг жилищ, позволяют предположить, что стены возводились из вертикально врытых тесаных досок, обмазанных с внешней стороны глиной. Возможно, что глиной обмазаны были стены и изнутри. Такой тип можно встретить среди надворных хозяйственных построек в современной деревне. Кровля была двух- или четырехскатной. Для ее покрытия могли использовать болотную траву или камыш, который укладывался по принципу устройства современной соломенной крыши. В летнее время жизнь протекала вне тесных и дымных жилищ. Вдоль южного края поселка, круто обрывающегося к берегу небольшого озерка, тянется полоса темных пятен — это следы многочисленных костров. Их зажигали с целью отпугнуть лесных хищников. Около крупных кострищ слой насыщен пищевыми отбросами, раздробленными мозговыми костями, костями и чешуей рыб, черепками битой посуды. Здесь, вокруг костра, собирались, повидимому, семьи для трапезы, отбрасывая в сторону кости, которые тут же догладывали собаки; на многих костях заметны следы их зубов.

Хозяйство обитателей поселка было еще очень примитивным и в основных чертах напоминает хозяйство древних насельников городищ, хотя потребности их, несомненно, возросли, и уровень хозяйственной техники повысился. Исследование найденных в культурном слое костей животных рисует нам типичное лесное скотоводство с преобладанием свиней, которые откармливались на свободном выпасе в лесу. Разведение рогатого скота и молочное хозяйство были известны мокшанским племенам еще в первые века н. э. (Теньгушевское и др. городища). Рогатый скот был малорослый, очевидно, местной породы. Лошадь, которую использовали как тягловую силу, продолжала служить и как мясное животное. Овцы (или козы) разводились сравнительно в небольшом количестве. Особенное пристрастие имели насельники „Полянок“ к домашней водоплавающей птице. Это характерная черта мокши. Подъезжая осенью к современной мокшанской деревне, можно издали видеть огромные белоснежные стада гусей, пасущихся по поживью.

Повидимому, скотоводство продолжало играть ведущую роль в хозяйстве, удовлетворяя не только потребности в мясной пище и материале для одежды и обуви, но давая также продукты для торгового обмена — щетину и кожи.

Земледелие в это время (XIII—XIV вв.), несомненно, приобрело по сравнению с прошлым более развитые формы. За одним из жилищ была обнаружена четырехугольная площадка с уплотненной поверхностью. Повидимому, здесь производился обмолот зерна. Однако мы не имеем никаких оснований говорить о развитых формах земледельческой техники.

При наличии развитого, хотя и примитивного скотоводства и земледелия, лесные промыслы не только не утратили своего прежнего значения, но, пожалуй, стали играть еще более крупную роль. Усиление добычи пушнины и меда диких пчел стимулировалось, с одной стороны, уплатой татарских ясаков, а с другой — близостью рынка, центра улусного татарского княжества, — г. Мухши (Наручади русских летописей). Судя по находке в соседнем с „Полянками“ могильнике того же времени (Паньжинском) татарской монеты, чеканенной в гор. Мухши, торговые взаимоотношения татар и мордвы выражались не только в меновом торге. Среди мордвы имела хождение также татарская монета.

Мордва приобретала у татар преимущественно женские украшения, а также железные предметы: замки, стремена, ножи с красивыми

рукоятями и некоторые другие вещи домашнего обихода, в том числе и гончарную посуду.

Однако близость ремесленного города очень мало отразилась на ремесле самой мордвы, которое оставалось домашним, обслуживая потребности семьи. Консерватизм мордовского ремесла особенно выразительно проявляется в керамике, ее ручной лепке путем выдавливания из глиняной лепешки без гончарного круга, грубых и архаичных форм посуды. Горшки в большинстве своем имеют прямую баночную форму, днища массивны, поверхность стенок обработана небрежно и лишена орнаментации. В одном из жилищ найдены заготовки глины и полуфабрикаты глиняной посуды.

Подражая образцам покупной татарской посуды, мордовские женщины (гончарство у мордвы — женское ремесло) украшали их иногда неровным волнистым орнаментом, который прочерчивали концом щепки по сырой глине свежeweлепленного сосуда. Некоторые горшки, а также пряслица для веретен покрыты тонким слоем красной киноварной краски, которую мордва, вероятно, получала через мелочных торговцев-татар. Кусочки сухой краски найдены были возле очага одного из жилищ.

Приобретая часть железных изделий у татар, мордва продолжала сама добывать железо, перерабатывать сыродутным способом местную болотную руду. В культурном слое селища много шлаков и железных криц.

Местные кузнецы выковывали довольно грубой формы топоры, ножи, серпы, шилья, наконечники стрел, иглы, рыболовные крючки и другие вещи, необходимые в домашнем обиходе. Некоторые орудия продолжали выделывать из кости и рога, как материала пластичного и достаточно прочного в употреблении. Сравнительно мало найдено наконечников стрел. В охотничьей технике, повидимому, преобладали старинные способы поимки зверя при помощи всевозможных ловушек, капканов, кулем, ловчих ям и т. п.

В рыбной ловле употреблялись сети, о чем говорят многочисленные обломки грузил. Повидимому, широко применялись также плетеные из ивовых ветвей „морды“, заколы и другие способы массового лова рыбы, распространенные среди народностей Сибири и многих других.

Лесные промыслы: охота, бортничество и рыбная ловля, как говорилось выше, должны были иметь большое значение в экономике того времени.

Среди костного материала мы имеем сравнительно мало костей диких животных, являющихся охотничьей добычей. Исключение составляют лось, заяц и некоторые мелкие виды животных, не имеющие промыслового значения. Повидимому, убитую пушную дичь свеживали на месте промысла, вдали от поселка, отдавая тушки на съедение собакам. Лося, туша которого в течение длительного времени могла прокормить немногочисленных обитателей поселка, доставляли домой. Его массивные кости и рога продолжали служить материалом для выделки всевозможных орудий. Заяц, шкуры которого могли служить для домашнего потребления, был любимой мясной пищей всех мордовских племен. Поэтому кости зайцев — довольно частая находка в слое селища.

Кости и чешуя рыб встречаются целыми прослойками в культурном слое. Рыбная ловля играла значительную роль в промысловом хозяйстве поселка. Обращают внимание щитки крупных ганойдных рыб, свидетельствующие о том, что Мокша в XII—XIV вв. была мощной рекой, в которую заходила из Оки не только стерлядь, но и такая крупная рыба, как осетры.

Хозяйственный облик этого маленького мордовского поселка, затерянного в глубине мокшанских лесов, с его полуземляными хижинами,

с его домашним ремеслом, примитивными формами лесного животноводства и лесными промыслами, воскрешает перед нами облик древних городищ начала первого тысячелетия н. э. В общественном быту обитателей селища также сохранились действенные пережитки патриархального родового уклада.

Поселок состоял всего из шести домов, т. е. насчитывал не более четырех десятков жителей, связанных между собою кровным родством. Повидимому, мы имеем здесь пережиточную форму той большесемейной общины, которая местами доживала в мокшанской деревне до XIX в.¹ Селище Полянки и связанный с ним Паньжинский могильник дают совершенно четкий комплекс признаков, характеризующих племенные особенности мокши XIII—XIV вв.; таковы, например, лопастные „сколгамы“ — стойкая деталь костюма мокшанки, а также обычай погребать женщин на боку, в скорченном положении, ориентировка погребений головой к югу и др. Мокша в XIII—XIV вв. находилась в сфере татарского влияния, платила татарам ясак и находилась с ними в торговом общении. Последнее оказывало влияние на чистоту патриархального уклада, но не разрушило окончательно его основ. Татары, заботясь о правильном поступлении ясаков, опирались на родовую организацию самой мордвы.

Интерес селища Полянки не ограничивается его значением для истории мокши в золотоордынское время; его материалы проливают также свет и на более ранние судьбы этого мордовского племени.

„Полянки“ находятся в 10 км от современного гор. Наровчата (древнего Мухши). Город Мухши (или Мохши), самым своим именем, как и р. Мокша, связанный с названием племени мокши, оформился как центр улусного татарского княжества в середине XIV в. В 1361—1365 гг. он служил пристанищем орды одного из татарских царевичей Тагая, видимо, предполагавшего в это время основать здесь свое ханство. Мухши был центром обширной лесной области, откуда шли ценнейшие товары восточной торговли и, в первую очередь, пушнина. Можно думать, что Тагай занял здесь уже обжитое место. Так, А. А. Кротков, исследуя происходящие с Наровчатского городища резные камни (Саратовский музей), нашел им ближайшие аналогии в резном камне болгарских памятников и определил их как изделия болгарских, может быть арабских, мастеров IX—X вв. Это привело его к выводу, что на месте Мухши была болгарская фактория — город, основанный мусульманскими купцами.² П. Савельев в середине XIX в. высказывал также весьма правдоподобную мысль, что город Мухши был преемником древнего города Буртаса.³

Арабские авторы X в. ибн Русте,⁴ Абу-Зейд-эль-Балхи,⁵ Масуди,⁶ а также письмо хазарского кагана⁷ говорят о стране и народе Буртас. Русские летописи уже не упоминают буртасов, равно как молчат о них и татарские источники, хотя позднейший источник — „Степенная книга“ — и называет буртасов в числе народов, покоренных монголами. Историки, теряясь в сбивчивых показаниях арабов, помещавших буртасов то на

¹ В. Майнов. Очерк юридического быта мордвы, СПб., 1885. С точки зрения изучения пережиточных явлений культуры, современная мокша представляет большой этнографический интерес.

² А. А. Кротков. В поисках Мохши. Тр. ОИАЭ при Сар. ун-в. вост., т. 34, ч. I, Саратов, 1923.

³ П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика, СПб., 1847, стр. LXVII.

⁴ Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах... СПб., 1869, стр. 19—21.

⁵ Там же, стр. 73.

⁶ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 133.

⁷ П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X веке, Л., 1932, стр. 98.

правом, то на левом берегу Волги, не определяли ни территории, ни характера этого племени, поставщика знаменитых „буртасских“ мехов, шедших через болгарских купцов на восточные рынки. Более определенно высказывался Минорский,¹ склонявшийся к признанию буртасов мордвой. Однако любопытно, что хазарский каган Иосиф, зная племенные названия мордвы, в частности „арису“ — эрзю, и упоминая буртас, нигде не называет мокшу. Имя буртасов сохранилось в большом количестве географических названий рек, сел и деревень, рассеянных в Пензенской области. Например, урочище Буртасы в б. с. Краснослободском при р. Урей, впадающей в р. Мокшу; в б. Керенском уезде сел. Архангельское — Буртас, Знаменское — Буртас — то ж, р. Буртас.² В селениях на р. Мокше, в окрестностях исследованного в 1939 г. Теньгушевского городища (Теньгушевский район МАССР), чрезвычайно распространена фамилия Буртасовы, к которой прилагается имя старшего хозяина или кличка для отличия отдельных семейств. Возможно, р. Мокша носила в свое время название Буртас, упоминаемое арабами.

Среди современного мокшанского населения окрестностей гор. Наровчата существует легенда о царице по имени Буртас, которая жила в замке на берегу Мокши близ Наровчата, боролась с татарами и, потерпев поражение, бросилась с башни в Мокшу. О царице Буртас мордва до сих пор поет песни. Фантастичность этого фольклорного сюжета не лишает его, однако, реального исторического смысла в общей совокупности обломков „буртасского“ прошлого этого края.

Материалы археологического обследования бассейна р. Мокши от села Троицкого до гор. Краснослободска, раскопок Наровчатовского и Теньгушевского городищ, селища Полянки и Паньжинского могильника³ дают непрерывный ряд звеньев, характеризующих развитие культуры одного из мордовских племен с начала н. э. до XIV в.

Все эти разновременные, но однокультурные памятники свидетельствуют о глубокой аборигенности мокшанского населения на территории, сохранившей „буртасскую“ топонимику. Все сказанное заставляет нас признать в буртасах мордовское племя мокшу, и мокшанскую территорию — землей буртас, о которой столь неясно сообщали арабы. Буртасы, следовательно, никуда не исчезли с монгольским завоеванием, но выступили в это время под другим именем. Селище Полянки с архаическим обликом его материальной культуры и быта является памятником не только мокшанским, но и, пережиточно, „буртасским“.

---

¹ W. Minor sky. Hudud-al-Alam, London, 1937.

² В „Географическом словаре Российского государства“ (1801, т. I, стр. 612) говорится, что р. Буртас „берет свои вершины... при деревне Новом Буртасе, близ села Черкасского и при селе Дмитриевском, Буртас то ж, и простирая течение свое на 39 верст, при селе Куземкине впадает в реку Вышу“ (приток р. Цны).

³ Экспедиция Мордовского Н.-и. ин-та 1936 г. под руководством Е. Горюновой. Материал не издан.

К. В. ЭЛЛЕ

КЛАД ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТ В ЧУВАШСКОЙ АССР

В сентябре 1928 г. в Чувашский центральный музей была представлена одна серебряная монета — диргем с арабским письмом. Точных сведений об обстоятельствах находки получено не было, указывались лишь общие сведения о каком-то кладе, найденном в Порецком районе.

На месте удалось выяснить, что клад был найден у с. Тихомирова на бывшей помещичьей земле Ульянова и состоял из серебряных монет — диргемов в количестве более 500 штук, которые были вырыты сохой и рассеяны по борозде. Вместе с монетами были обнаружены и черепки от горшка, который, по словам очевидцев, имел форму современной „крияки“. На месте удалось выявить и приобрести 387 монет; кроме того, по собранным сведениям около 40 монет было утеряно (из них 11 уже найдено).

Указывалось и место клада — у северо-западного угла небольшой ямы, заросшей мелким кустарником. Можно было заметить, что площадь вокруг этой ямы вся испещрена рывинами, видимо, следами кладоискателей. Боясь дальнейшего расхищения монет, я решил произвести здесь раскопку. Был заложен раскоп 20×5 м, ориентированный с востока на запад. В первом штихе, в раскопе было обнаружено 5 монет и с ними несколько обломков горшка. Эти находки помогли нам установить более правильно место клада. Во втором штихе, на расстоянии 4 м от восточного конца раскопа и в 2 м от южной его стороны была открыта совершенно нетронутая часть клада, состоящая из 98 монет и с ними несколько обломков от доньшка горшечка, в котором был зарыт клад. Таким образом, место клада оказалось на совершенно противоположной стороне ямы, на которую указывали очевидцы — собиратели монет. К счастью, место это почти не было тронут кладоискателями.

С запада с. Тихомирово окружено горным берегом Суры, надлуговой террасой, идущей по направлению с юга на север, которая на юг от села заселена до д. Ряпина и Бардина. К северу от села, в 0.5 км за кладбищем, на линии церкви находится довольно ровное место, с слегка выпуклой прямоугольной площадью, середина которой запахана. Северным своим концом эта пашня почти вплотную подходит к озеру Меньщик. С востока пашня примыкает к еле заметному и потерявшему свои очертания рву, имеющему в настоящее время форму удлиненной ложбины, которая идет прямой линией с юга на север. В двух шагах, параллельно с нею, тянулся вал, от которого сохранились следы. За ним следует второй ров, столь же слабо выраженный. За этим ровом на 1200 шагов тянется наружный вал шириною 10—12 шагов. Одним своим концом он

плотную подходит к р. Меня, огибающей с. Тихомирово с юго-западной и восточной сторон и идущей зигзагами параллельно с валом на север. Северным концом вал подходит к озеру Меньшик, которое у конца вала теперь имеет только рукав в виде ложбин. Таким образом, место это было защищено с трех сторон водой и с четвертой стороны горами, горным берегом р. Суры, протекающей по тому же направлению, что и р. Меня.

При обзоре на поверхности пашни были обнаружены куски пережженных костей, большое количество фрагментов керамики, черной, серой, красной глины, по преимуществу черной. По узору и технике они сближаются с керамикой стоянки медного века из разведок 1926 г., произведенных В. Ф. Смолиным у д. Вороново. Некоторые из фрагментов носят ясные следы весьма грубой лепной формовки и плохого обжига. Орнамент на черепках красной глины состоит из зубчатых параллельных линий, на черепках черной глины — из вдавленных точек. Теми же черепками, но в гораздо большей степени, усеяна вся площадь наружного вала. Помимо керамики, здесь местами выступают куски хорошо обожженной глины. Вероятно, этой глиной первоначально обмазывался плетень, которым огораживались в старину городища. Несколько городищ этого типа отмечено и В. Ф. Смолиным в его отчете о работах археологической экспедиции в Чувашской республике за 1926 г.¹

В 1930 г. подобное городище было обнаружено на высоком берегу р. Суры у д. Алатырь разведками Средневожской экспедиции ГАИМК. Описанное городище — по преимуществу средневековое; находка здесь богатого клада еще больше повышает интерес к этому памятнику, ожидающему самого тщательного исследования.

Первая монета, доставленная в Чувашский музей, по определению Гос. Эрмитажа, чеканена ханом Золотой Орды Узбеком, правившим в 712—741 гг. хиджры (1312—1340 гг. н. э.), в Сарае в 734 или 737 г. Обозначения года и города на монете не оказалось, так как монета меньше штампера, употребленного для ее чеканки.

Остальные монеты Тихомировского клада, по определению ученого нумизмата Гос. Эрмитажа проф. Фасмера, оказались следующими:²

<i>Джучиды</i>	<i>Годы</i>	<i>Колич. экз.</i>	<i>Джучиды</i>	<i>Годы</i>	<i>Колич. экз.</i>
Тохтогу, Сарай ал Махруса	710	2	Джанибек, Сарай ал Джедид	748	7
Тохтогу, Сарай ал Махруса	"	1	То же	749	1
Узбек, Сарай ал Махруса	722	8	" "	74*	10
То же	723	1	" "	750	1
" "	731	1	" "	752	11
" "	734	1	" "	753	3
" "	739	2	" "	75*	1
" "	740	2	" "	*	36
" "	*	17	Джанибек, Сарай ал Махруса	74*	2
" "	*	27	Джанибек, Гулистан	752	4
Джанибек, Сарай ал Джедид	742	3	" "	753	9
То же	743	4	" "	754	1
" "	744	2	" "	756	1
" "	745	6	" "	757	1
" "	746	4	" "	75*	3
" "	747	26	" "	*	17
			" "	*	2

¹ Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Каз. ун-те, т. XXXIII, вып. 4, стр. 25.

² Одной звездочкой отмечены монеты, даты которых трудно определить по указанной выше причине; двумя звездочками отмечены монеты, место чеканки которых трудно определить.

Бердебек, монета, чеканенная двумя штемпелями лицевой стороны, из которых одна с именем Бердебека, другая с именем Джанибека — 1 экз.

Джучиды	Годы	Колич. экз.	Джучиды	Годы	Колич. экз.
Бердебек, Азак . . .	759	4	Кельдибек, Азак . .	762	1
" " " . . .	760	1	" " " . . .	763	1
Бердебек Сарай ал			Кельдибек, Сарай ал		
Джедид	759	11	Джедид	762	1
"	760	1	Мурид, Гулистан . .	760	1
"	761	2	" "	762	2
"	*	1	" "	762	4
Бердебек Сарай ал			Мурид, Гулистан лис-		
Махруса	759	1	сарай	763	1
Бердебек, Гулистан .	753	(старый, по-	Мурид, Гулистан . .	764	6
		темнел с об-	" "	764	3
		оротной сто-	Абдаллах, Азак . . .	764	1
		роны)	" "	765	1
" "	759	24	" "	766	1
" "	760	3	" "	*	2
" "	*	2	Абдаллах, Орду . . .	770	1
Бердебек, Варварское			Абдаллах, Сарай ал		
подражание		1	Джедид	*	3
Кульна, Азак	760	1	Пулад Ходжа ** . . .	*	1
Кульна, Сарай ал Дже-			Азизшейх, Гулистан .	766	2
дид	760	1	" "	767	5
Кульна, Гулистан . . .	760	5	" "	*	4
" "	761	5	Азизшейх, Гулистан		2
Науруз, Азак	761	2	ал Махруса	—	2
Науруз Сарай ал Дже-			Джанибек **	*	1
дид	761	3	Тимур Пулад, Гулис-		
Науруз, Гулистан . . .	761	7	тан	768	2
Хизр, Сарай ал Дже-					
дид	761	4			
" "	762	3			
" "	•	9			
			<i>Варварские подражания</i>		
Хизр Гулистан	761	9	Гулистан		1
" "	762	5	Сарай ал Джедид . .	747	21
" "	*	1	Кульна		28
Тимур Ходжа, Сарай			Хизр		1
ал Джедид	762	1	Неопределенные . . .		58

Таким образом, Тихомировский клад, состоящий из 489 монет, принадлежит к числу наиболее крупных кладов и в то же время является самым крупным кладом, когда-либо найденным на территории Чувашской республики. Обстоятельное его изучение поэтому совершенно необходимо.

Для того, чтобы представить, хотя бы в общих чертах, важность изучения этого клада, следует указать на следующее.

В западноевропейских музеях джучидские монеты представлены лишь десятками, в исключительных случаях двумя-тремя сотнями экземпляров, в музеях СССР они имеются в количестве многих тысяч вариантов. Это дало возможность основателю восточной нумизматики Френу еще в 1832 г. издать свой труд „Монеты Улуса Джучиева“. Ближайший преемник и ученик Френа П. С. Савельев продолжал работу в том же направлении и издал в 1857—1858 гг. труд „Монеты Джучидов, Джагатаидов и Джалаиридов, обращавшиеся в эпоху Тохтамыша“, в котором он дал описание двух огромных кладов — Екатеринославского и Тетюшского. За прошедшее с тех пор время материал по нумизматике Золотой Орды увеличился в необычайном размере. Однако последующие русские ученые ослабили разработку этой чрезвычайно важной отрасли нумизматики. В вышедшем в 1896 г. труде „Инвентарный каталог

мусульманских монет Эрмитажа“ А. К. Маркова перечислено около 1500 монет Золотой Орды, но они здесь только перечислены и точного описания их с разбором надписей не дано.

Клады джучидских монет в дореволюционное время в большом количестве из года в год поступали в Археологическую комиссию, но из них отбирались только редкости для пополнения эрмитажной коллекции, остальные монеты, т. е. главная масса их, в большинстве случаев возвращалась находчикам, как непредставляющая интереса. Иначе обстоит дело сейчас. Для современной нумизматической науки представляют интерес не только впервые открываемые монеты, но и монеты часто встречавшихся выпусков, важные как для выяснения метрологических вопросов, так и для вопроса качества чекана. Для этого необходимо взвешивать все вновь находимые экземпляры хотя бы и давно уже известных монет.

Не меньшее значение, чем место и дата чеканки, имеют сами штемпели, которыми данные монеты чеканены. Для получения полной картины о монетном деле в какой-нибудь стране важно получить по возможности более точное понятие о количестве употреблявшихся ежегодно на каждом монетном дворе штемпелей,—это дает представление об объеме производившейся чеканки. Коллекции, подобранные по чисто внешним признакам — году и месту чеканки, — совершенно не в состоянии дать нам в этом отношении сколько-нибудь правильное понятие. Дать его могут только клады. Так, например, если обратиться к монетам X в., то окажется, что в коллекции Эрмитажа по каталогу Маркова от 338 г. хиджры имеется один суварский диргем царя волжских болгар Талиба ибн Ахмеда и 7 самаркандских и 2 бухарских диргема правившего в то время Саманидского эмира. Отсюда очевидно, что в Бухаре и Самарканде в данном году чеканили больше монет, чем в Суваре, но насколько больше, сказать нельзя; между тем эта разница в производительности была огромной.

При разборке кладов оказывается, что все вновь находимые монеты Талиба ибн Ахмеда чеканены этим же штампом, в то время как вновь находимые самаркандские и бухарские монеты данного года имеют обыкновенно другой штамп, так что действительная разница в интенсивности производившейся чеканки не характеризуется соотношением 1:2 или 1:7, а, может быть, 1:50 и больше.

Те же соображения относятся и к джучидским монетам. Несомненно, например, что в Азаке чеканили гораздо меньше, чем, скажем, в Сарае, хотя некоторые годы в коллекциях представлены одинаковым количеством как азакских, так и сарайских монет. Только отличие штампов может дать нам правильное представление о действительном положении вещей.

С другой стороны, при том примитивном способе, которым производилась в те времена чеканка, очень часто, а при Джучидах в большинстве случаев, монетный штамп был больше монетного кружка, вследствие чего на монете отпечатывалась только часть данного штампа: дата и город, обыкновенно находящиеся у края монеты, в силу этого отсутствуют. Встречаются также, особенно при раскопках, некоторые монеты, на которых стерта как раз дата. Только при наличии в коллекции большого количества различных штемпелей можно в точности определить подобные монеты. Так, в Тихомировском кладе из 59 монет Узбека 44 не могли быть точно определены без сличения штемпелей, так как на них стерта дата. Сличение штемпелей даст возможность определить если не все, то большую часть этих монет.

Джучидские монеты находят большими кладами; при надлежащей обработке их наше знание монетного дела Золотой Орды было бы достаточно точным. Но клады, к сожалению, до сих пор не разработа-

тывались. Как упомянуто выше, Савельев обработал подробно два больших клада. Но это было 78 лет назад, когда нумизматическая наука стояла на совершенно ином уровне и не пользовалась еще методами нашего времени.

Наконец, чрезвычайно важно сравнение разных джучидских кладов между собой по их составу. Это может привести к весьма значительным научным результатам. Саратовский ученый А. А. Кротков обратил внимание на то, что очень много монет, чеканенных в Мокше и принадлежащих к числу наиболее редких джучидских монет, найдено в гор. Наровчате. Произведенные им на месте раскопки подтвердили его предположение, что теперешний г. Наровчат тождествен с прежней Мокшей. В данном случае изучение состава нумизматических находок привело к важному историческому открытию. Подобные открытия вероятны и при исследовании других кладов в других местностях. Ввиду этого необходимо по возможности более подробное изучение и описание кладов, а особенно таких крупных, как Тихомировский.

Е. И. КРУПНОВ

ГРУЗИНСКИЙ ХРАМ „ТХАБА-ЕРДЫ“ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В глубине Ассинского ущелья, вблизи горного селения Хайрах, на Северном Кавказе, стоит заброшенный и постепенно разрушающийся храм, известный под названием „Тхаба-Ерды“, т. е. церковь „святого 2-х тысяч“.¹

Среди древних архитектурных сооружений центрально-горной полосы Северного Кавказа памятник занимает особое место.

Храм находится на правом берегу р. Ассы, в очень живописной горной котловине, образованной р. Ассою и ее притоками. По археологическим материалам и данным истории и этнографии устанавливается, что вся эта местность в отдаленные времена была густо заселена и с полным основанием может считаться первоначальным районом расселения местных племен и колыбелью древней горской культуры. Место для храма выбрано очень удачно. Храм неоднократно описывался и русскими и иностранцами, начиная с XVIII в.

Тхаба-Ерды находится в окружении древних, еще мало исследованных поселений и могильников; с ним связаны некоторые народные предания. Всестороннее изучение этого интересного архитектурного сооружения, совершенно незаслуженно находившегося до сих пор в тени, позволит выдвинуть и осветить далеко еще не ясные вопросы взаимосвязей населения Северного Кавказа с феодальной Грузией.

Впервые храм Тхаба-Ерды был открыт квартирмейстером русской армии Штедером еще в 1781 г.² Позднее, в 1811 г., Тхаба-Ерды посетил геолог Энгельгардт. Свои наблюдения и описания храма (в основном повторяющие описание Штедера) он сопровождал съемкой плана и зарисовками храма, правда, неточными, но дающими отчетливое представление о памятнике.³ Наиболее же обстоятельными и точными описаниями, обмерами и зарисовками Тхаба-Ерды мы обязаны русскому классику кавказоведу В. Ф. Миллеру.⁴

К сожалению, В. Ф. Миллеру остались неизвестными характеристики памятника, данные Штедером и Энгельгардтом; он не смог установить некоторого несоответствия данных, приводимых его предшественниками, с данными, заимствованными им у знатока грузинской эпиграфики

¹ Изв. Н.-и. ин-та краеведения, т. I, Владикавказ, 1928, стр. 376.

² Chteder. Tagebuch einer Reise, die im Jahr 1781 von der Gränzfestung Mosdok nach dem inneren Caucasus unternommen worden, St. Petersburg, 1797.

³ Engelhardt und Perrot. Reise in die Krym und den Caucasus, Berlin, 1815, стр. 237—245, табл. VI.

⁴ В. Ф. Миллер. Археологические экскурсии. МАК, вып. 1., М., 1888, стр. 8—21.

Д. З. Бакрадзе, к консультации которого по вопросу о датировке храма Миллер обращался. Впервые на это было обращено внимание только в советское время.¹

Сведения, приводимые различными авторами о храме Тхаба-Ерды, отличаются значительным разнообразием и неточностью, что в значительной степени объясняется тем, что памятник описывался часто наспех и по наличному его состоянию без каких-либо даже поверхностных зачисток и, тем более, археологических раскопок вокруг. Небольшие зачистки произвел только В. Ф. Миллер. Поэтому я полагаю необходимым дать краткое описание современного вида и состояния памятника, основанное на личном ознакомлении с храмом Тхаба-Ерды во время посещения его археологической экспедицией ГИМ и ИИМК АН СССР летом 1939 г. Должен оговориться, что и нами также никаких археологических раскопок вокруг памятника произведено не было, так как таким исследованиям должны предшествовать хотя бы предварительные восстановительные работы.

В основе храма Тхаба-Ерды лежит сравнительно небольшая удлиненная однонефная зала с одной абсидой, вписанной в прямоугольник здания и не выступающей наружу. Внешняя длина храма 16 м, ширина 7 м. Стены сложены из разнородных камней плотного желтовато-серого известняка, мергеля и плит шиферного сланца. Большинство камней и плит носит следы обработки. Кладка стен выполнена на извести. Стены достигают толщины от 0.75 до 1 м. Углы выложены из прекрасно обтесанных крупных блоков известняка.

Здание ориентировано не совсем точно на восток, с значительным отклонением к северу.

Внутренность храма разделена тремя высокими стрельчатыми арками на 4 неравные части (рис. 50, 51), причем толщина оснований арок у стен значительно больше, чем у концов их.

Первая западная арка отделяет притвор храма, входом в который служит главная дверь, шириной 1.1 м; полукруглая арка двери выложена

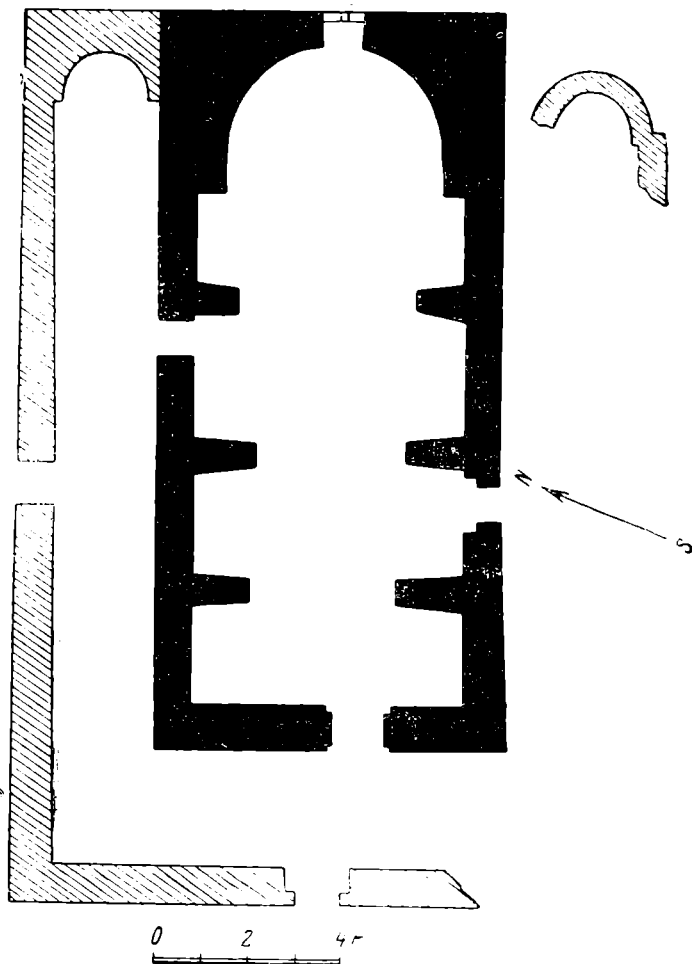

Рис. 50. План храма Тхаба-Ерды близ сел. Хайрах

¹ Зап. колл. востоковедов, т. V, 1930, стр. 736.

незаконченным ложным сводом, весьма типичным для местной башенной архитектуры эпохи позднего средневековья. Вторая арка разделяет центральную часть здания на две половины, из которых западная имеет

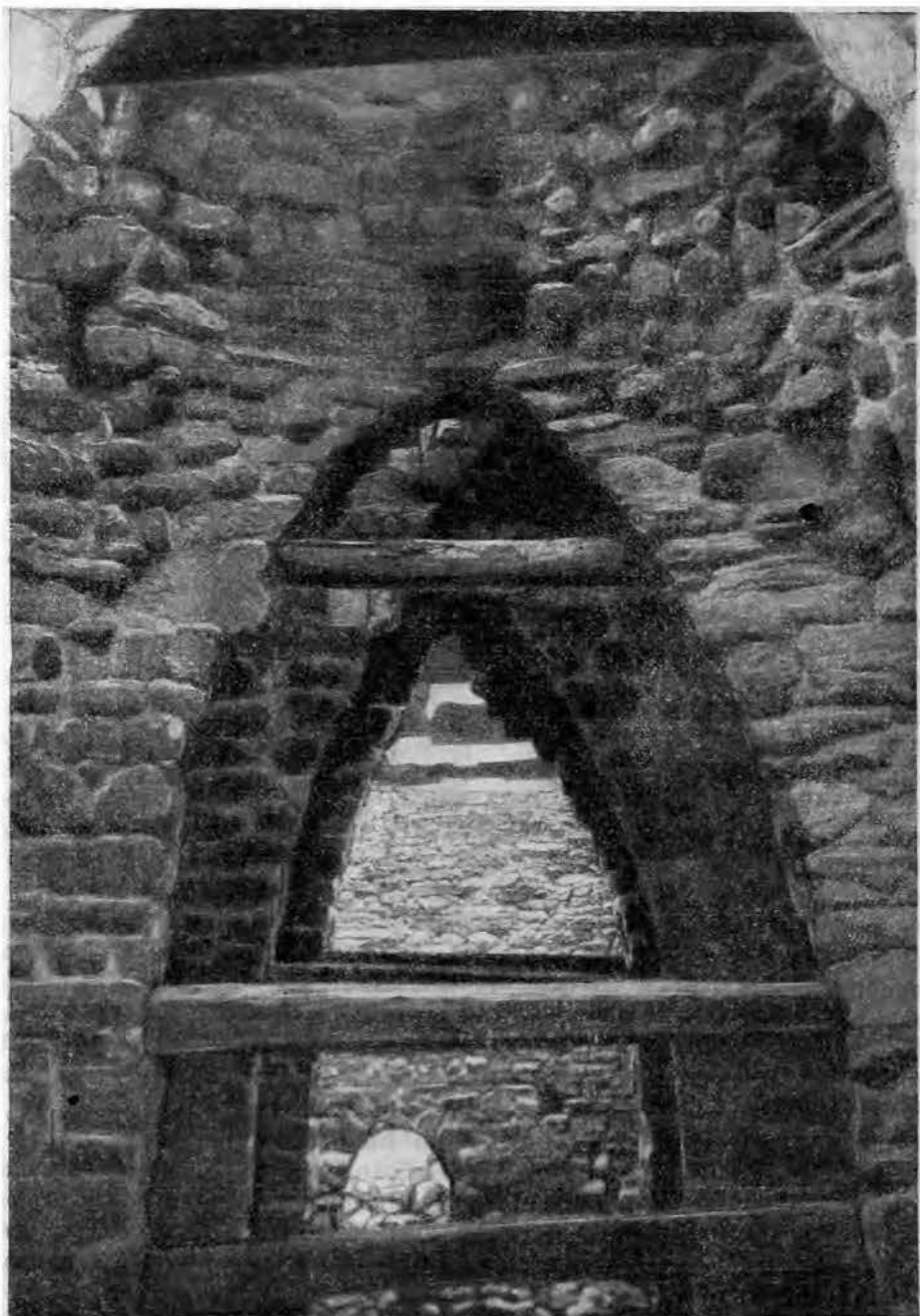

Рис. 51. Храм Таба-рды. Внутренний вид
(Фото М. В. Фехнер)

вход в южной стене, а в другую половину вход устроен в северной стене. Наконец, третья арка отделяет алтарную часть храма. Арка южной входной двери, шириной 0.80 м, украшена плитами, покрытыми рельефными овами, пересеченными валиком.

Северная дверь, шириной 0.80 м, в настоящее время заложена камнями, но все же видна отчетливо. Боковые стенки ее в верхних частях имеют плиты в виде капителей, украшенных отлично вырезанными виноградными гроздьями. В. Ф. Миллер эту дверь, очевидно, не заметил, ибо на опубликованном им плане Тхаба-Ерды она отсутствует.¹

Энгельгардт же эту дверь отмечает, но на плане помещает ее не там, где она существует, а в алтарной части, у самого начала абсиды. Между тем никаких следов даже заделанной двери здесь нами не обнаружено.

В южной части стены, на высоте более 4 м имеются 4 окна в форме узких стрельчатых арок, шириной 0.20—0.25 м, образуемых двумя склоненными друг к другу плитами (рис. 52).

Единственное большое окно, шириной 0.80 м, освещает алтарную часть храма. Пролет окна перекрыт двойной орнаментированной аркой. Наличник окна также украшен вырезанными колонками и полосами плетеного орнамента. Полукружье над окном украшено плохо сохранившимися грубо выполненными барельефами. Из четырех изображенных человеческих фигур можно отметить одну с ребенком на руках и другую фигуру человека, борющегося с животным (рис. 53). Самый замечательный барельеф храма Тхаба-Ерды вделан в западную стену здания (рис. 54), высоко над главным входом.

Рельеф заключен в громадное полукружье, окаймленное выпуклыми тесаными плитами, нижние из которых украшены рельефным растительным узором. Нижняя часть рельефа включает три мужские фигуры. Сохранившиеся фигуры изображены *en face*, с непокрытыми головами; одеты они в стеганые халаты. Центральная фигура — меньших размеров. Над ее головой вделана выступающая орнаментированная плита, на которой некогда покоилась каменная модель крестообразной в плане неркви с барабаном и коническим куполом; модель воспроизводит крестопольный тип грузинских церквей. В настоящее время основа модели находится внутри здания, в груде других упавших камней; часть, изображающая барабан с куполом, хранится в Областном музее краеведения в г. Грозном.

Первая фигура (от зрителя) в левой руке, вытянутой по направлению к центральной фигуре, держит крест; правая рука лежит на рукояти длинного прямого меча. От третьей левой фигуры сохранились только полы одежды и ноги.

Судя по изображению этого барельефа, изданному В. Ф. Миллером, третья фигура представляет духовное лицо в епитрахили и с кистями винограда на плечах. В настоящее время верхней части этого комплекса уже не существует: не существуют ни упоминаемые Миллером и его предшественниками грузинские надписи, ни изображения ангелов, ни рука, держащая крест (?), — по Штедеру — наугольник. Сохранившиеся плиты с карнизом и арок украшены различными узорами — растительным, плетеной и другими мотивами, обычными в грузинской архитектурной орнаментике.

Все эти барельефы глубоки и были вырезаны в мягком камне, иногда на глубину до 5 см. По мнению местных жителей, приводимому В. Ф. Миллером, все орнаментированные плиты были привезены из Грузии, так как такого строительного материала в окрестностях нет.

Крыша храма Тхабы-Ерды, ныне рухнувшая, была двускатная и состояла из каменных плит и шиферного сланца: она частично покоилась на потолке, который еще поддерживает внутренние арочные перегородки.

---

¹ МАК, вып. I, стр. 10, рис. 11.

Судя по некоторым признакам, над алтарной частью существовало, особое куполообразное перекрытие, возвышавшееся над гребнем крыши.

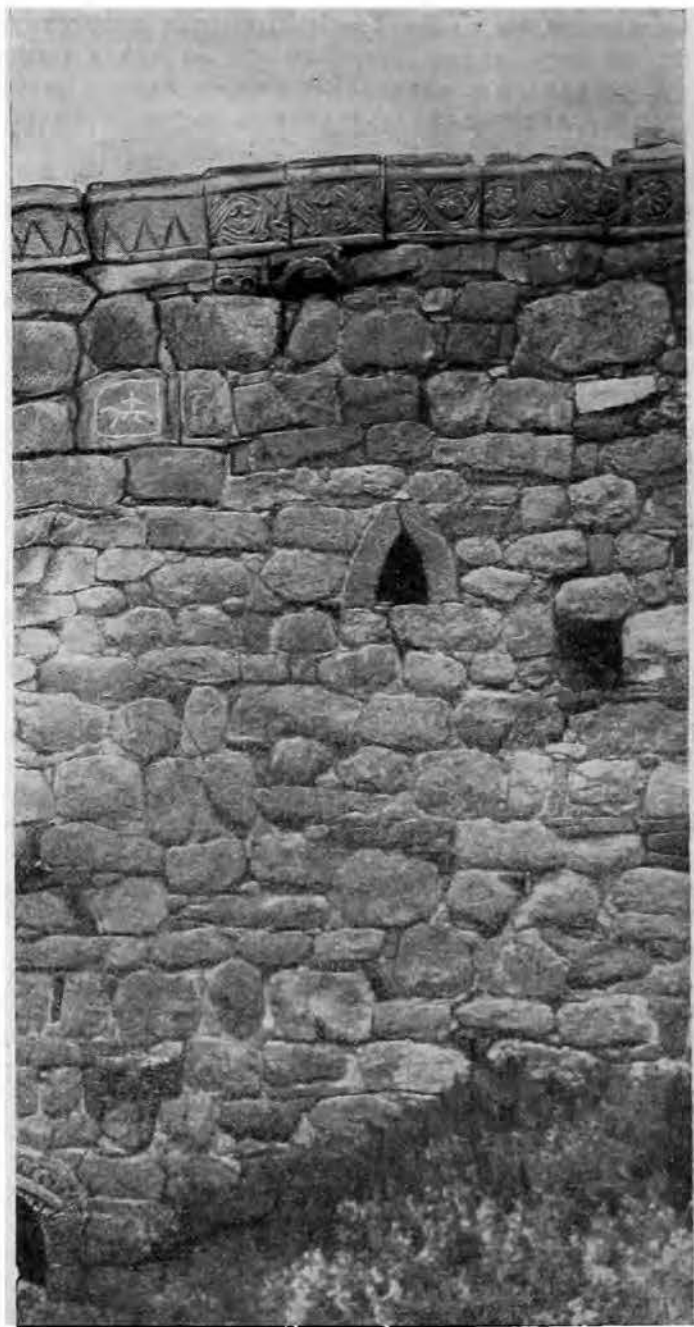

Рис. 52. Храм Тхаба-Ерды. Часть южного фасада
(Фото М. В. Фехнер)

Из некоторых особенностей этого храма, ускользнувших от внимания старых исследователей, следует отметить наличие на внутренних стенах алтарной части остатков облицовки красного цвета, на что впервые

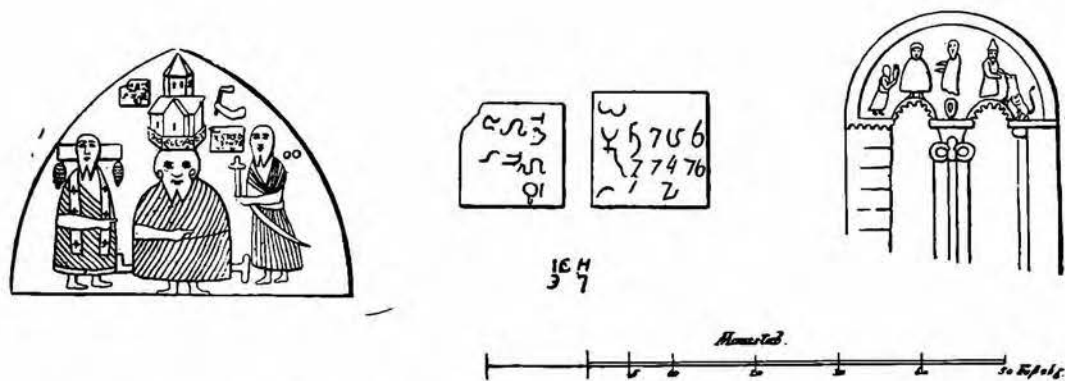

Рис. 53. Храм Тхаба-Ерды. Рельеф на западном и восточном фасадах
(По публикации Энгельгардта)

Рис. 54. Храм Тхаба-Ерды. Рельеф на западном фасаде
(По публикации В. Ф. Миллера)

обратил внимание Л. П. Семенов, посетивший этот храм в 1926 г.¹ Обнаруженная в других местах алтарных стен облицовка бледнорозового цвета позволяет думать, что некогда стены алтаря были украшены и фресковой живописью, подобно, например, известной Нузальской часовне в Северной Осетии. Внутри храма, среди груды камней встречены камни с грузинскими надписями, но из-за плохой сохранности они вряд ли могут быть прочтены.

Возможно, что некогда все здание окружала каменная ограда, от которой кое-где сохранились лишь невысокие стены с остатками ворот в западной части. Судя по отделке колонн и остаткам арочного перекрытия, это был главный выход за ограду храма.

Стены ограды настолько деформированы, что дать их точное описание невозможно. Деформация всего комплекса и объясняет неточность планов храма Тхаба-Ерды и ограды, выполненных Энгельгардтом и Миллером.

До крупных археологических раскопок внутри и вне храма дать исчерпывающее описание этого архитектурного памятника весьма затруднительно.

Храм представляет собой однефную базилику, планировка его повторяет ряд древних христианских сооружений как Северного Кавказа, так и Закавказья. Подобный план имеет и соседнее святилище „Алби-Ерды“, находящееся в том же Ассинском ущелье, с такой же двухскатной кровлей. Особенно много параллелей планировке, перекрытию и некоторым деталям этого храма можно встретить в памятниках Закавказья и прежде всего Грузии.² Ряд аналогий храму Тхаба-Ерды дают и сванские церкви с двухскатными крышами.³ Основные черты Тхаба-Ерды сближают ее с так называемой „Саванской базиликой“, расположенной близ сел. Сачхери на р. Квириле.⁴ Однефная зала ее также делится арками на отдельные части и также завершается двухскатной кровлей. Входы и здесь расположены с западной и южной стороны. Карниз Саванской базилики также украшен вычурным растительным орнаментом. Саванская базилика относится к XI в. Весьма близкой Тхаба-Ерды является и маленькая однефная церковь близ сел. Хамамлу (Башкичетский район Грузии), построенная, судя по грузинским надписям, в 1190 г.⁵

Множество однефных, вписанных в прямоугольники базилик, известны на территории Абхазии. В отличие от Тхаба-Ерды, все они сложены из тесаных, хорошо обработанных плит известняка. Суммарно они датируются XII—XIII вв.⁶ Но в Грузии встречаются подобные же базилики, характерные и для последующего периода.

Плиты от карниза храма, украшенные геометрическим и растительным орнаментом, также имеют параллели в деталях обрамления древних грузинских церквей, например, Никорцминды в Раче.⁷

Указанные аналогии приближают нас к датировке храма Тхаба-Ерды. Предыдущие исследователи не раз останавливались на этом вопросе. Энгельгардт, а еще ранее Штедер, сопоставляя Казбекскую церковь „Цминда-Самеба“ с Тхаба-Ерды, считали возможным связывать

¹ Изв. Н.-и. ин-та краеведения, т. I, Владикавказ, 1930, стр. 193.

² Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1928 и 1929 гг., Владикавказ, 1930, стр. 382.

³ МАК, вып. X, стр. 60—65.

⁴ Там же, вып. VII, стр. 101.

⁵ А. В. Мусхелишвили. Опыт установки генеалогии Торских владетелей (Торем). Бюлл. Музея Грузии, т. X-V, Тбилиси, 1940, стр. 47.

⁶ МАК, вып. IV, 1894, стр. 17.

⁷ Там же, вып. IV, 1894, стр. 128; Л. А. Мадулевич. Никорцминда и ее место в культуре Грузии. Сборник Руставели, Тбилиси, 1938, стр. 31.

построение последней с временем царствования грузинской царицы Тамары.¹

Позднее и другие авторы, на основании местных преданий, также относили к XII в. время сооружения церкви.²

Но после опубликованного В. Ф. Миллером отчета об обследовании храма в 1886 г. в литературу прочно вошла иная датировка, основанием которой послужила грузинская надпись на одной из четырех плит, якобы вставленных в западный фасад церкви, и прочтенная Д. З. Бакрадзе. Между тем в 1886 г. В. Ф. Миллер на этом фасаде видел только две надписи.

В письме, адресованном В. Ф. Миллеру, Д. З. Бакрадзе писал, что лет за 15 до В. Ф. Миллера он видел храм Тхаба-Ерды и „нашел в своем дневнике те же самые надписи, но еще более полные“, хотя за точность их записи не ручается, так как „рассматривал их через бинокль и не слезая с лошади“. На надписи Д. З. Бакрадзе усматривал, хотя и без полной уверенности, год основания церкви — 830³ (Короникиони 50).

Однако на воспроизведениях храма Тхаба-Ерды, опубликованных в 1815 г. Энгельгардтом, двух дополнительных надписей, упоминаемых Д. З. Бакрадзе — нет, а из сравнения рисунка западного фасада храма у Энгельгардта и описания Миллера видно, что изменений в расположении фигур в барельефе не произошло, и даже плита с грузинской надписью № 2 (по Миллеру) оставалась в том же перевернутом положении и на том же месте, что и во времена Энгельгардта. Следовательно, никаким изменениям эта часть храма за период с 1811 по 1886 г. не подвергалась, и Д. З. Бакрадзе просто не мог видеть плиты № 2, якобы в его время вставленной вне барельефа. Остается заключить, что свидетельство Д. З. Бакрадзе об ином расположении плит и наличии еще двух плит, послуживших ему основанием для датировки храма, есть плод простого недоразумения. Кстати, как видно, и сам Д. З. Бакрадзе совершенно не настаивал ни на правильности чтения надписи (теперь исчезнувшей), ни на точности описания фасадного барельефа. Между тем его датировка Тхаба-Ерды столь ранним временем (IX в.) послужила некоторым авторам поводом к заключениям уже исторического порядка, искажающим историческую действительность.⁴

Уже в советское время храм Тхаба-Ерды снова привлек к себе внимание местных ученых. Руководивший историко-археологическими работами в области проф. Л. П. Семенов, основываясь на консультации проф. Гос. университета Грузии А. Г. Шанидзе, первый восстановил старую датировку храма.⁵

По определению проф. А. Г. Шанидзе, две плиты от храма Тхаба-Ерды с древнегрузинскими надписями „не древнее XII века“.⁶

В Грозненском музее хранится одна глиняная плитка с рельефным изображением пальмы, двух антилоп под нею и рельефной надписью. В свое время она найдена была в храме Тхаба-Ерды и опубликована Л. П. Семеновым в 1930 г. По мнению проф. Шанидзе, надпись на плите также могла быть сделана „не древнее XII века“. Датировка эта может быть подтверждена аналогичной глиняной плитой из Закавказья (из материалов Н. Я. Марра), найденной в окрестностях Кара-Клисе,

¹ Engelhardt. Ук. соч., стр. 240.

² Терский сборник, вып. III, Владикавказ, 1893, стр. 46.

³ МАК, вып. V, стр. 19.

⁴ Терский сборник, вып. III, стр. 47.

⁵ Изв. Н.-и. ин-та, краеведения, т. IV, Грозный, 1935, стр. 150.

⁶ Там же, тт. II — III, Владикавказ, 1930, стр. 385.

б. Эриванской губ.¹ Плита также покрыта изображениями животных, птиц, растений. Вместо антилоп, на этой плите-кирпиче под деревом изображены олени.

Косвенным указанием на ту же датировку приблизительно XII в. может служить грузинская псалтырь, писаная уставом, некогда находившаяся в храме и позднее приобретенная Г. А. Вертеповым.²

По характеру письма А. Н. Генко датирует псалтырь XI—XII вв.³ Кожаный переплет псалтыри (с тиснением), по мнению А. Н. Генко, может относиться к XVI—XVII вв.; иначе говоря, в более поздний период эта рукопись была подвергнута некоторому ремонту.

Сооружение христианских храмов „Тхаба-Ерды“ и „Алби-Ерды“ окрестные жители связывают с временем грузинской царицы Тамары (1184—1213 гг.). Вскрытый В. Ф. Миллером вблизи храма склеп по могильному инвентарю также может относиться к этому времени.⁴

Таким образом, первоначально высказанное мнение о времени сооружения храма Тхаба-Ерды в эпоху не древнее XII в. в свете новейших данных приобретает наибольшую вероятность.

Однако эту дату следует отнести лишь к древнейшему виду храма, ибо в современном виде Тхаба-Ерды представляет собой, несомненно, результат существенных и разновременных переделок, отмеченных уже Л. П. Семеновым. Об этих переделках, верней, основательной перестройке храма свидетельствуют некоторые особенности его кладки и ornamentации. В разные места стен вставлены различные плиты с карельефами и ornamentированные куски карниза, никак не вяжущиеся с окружением. В верхнем карнизе южной стены подобраны плиты с различными ornamentальными узорами. В. Ф. Миллер этот беспорядок объяснил неумелым ремонтом храма, произведенным местными жителями. Но ряд деталей указывает не только на ремонт храма, но и на полную или частичную перекладку стен. Только таким путем могли появиться, например, два каменных ornamentированных выступа на фасаде по сторонам западного входа и вообще беспорядочность в кладке стен, бессмысленное использование богато ornamentированных плит и камней в нижней части здания, неправильное расположение плит с грузинскими надписями; все это невозможно допустить в первоначальной постройке, созданной, несомненно, грузинским зодчим.

Все это убеждает в том, что современный вид был придан храму Тхаба-Ерды не в XII в., а гораздо позднее, с использованием того же древнего строительного материала и архитектурных деталей.

Возможно, что только о проектируемом виде храма Тхаба-Ерды и может свидетельствовать каменная модель храма, украшающая западный фасад здания; на несоответствие ее современным формам здания впервые обратил внимание А. Н. Генко.⁵ Модель воспроизводит крестово-купольное здание с крестовым планом; в современном виде храм Тхаба-Ерды — базиликальный с двухскатной кровлей.

Обычай воспроизведения храмов в виде рельефной и вполне реалистической модели на ктиторских группах хорошо известен в средневековом зодчестве Армении и Грузии. То же, конечно, могло иметь место и в храме Тхаба-Ерды, который, по всей вероятности, первоначально должен был иметь форму крестово-купольного здания, распространенную в грузинском зодчестве XII в., но сооружен, как однефная цер-

¹ ОАК за 1892 г., стр. 86, рис. 49.

² Терский сборник, вып. VI, Владикавказ, стр. 19.

³ Зап. колл. востоковедов, т. V, 1930, стр. 735.

⁴ МАК, вып. I, стр. 28—30, табл. III—IV.

⁵ Зап. колл. востоковедов, т. V, стр. 736.

ковь.¹ Позднее же храм был совершенно перестроен местными мало-квалифицированными строителями, придавшими ему типичные черты местного горского строительства; таковы: неправильная кладка стен, форма входных арок, окон и пр. Сохранился только план здания.

Перестройка Тхаба-Ерды была совершена, вероятно, много позднее первоначального его сооружения, в период ослабления культурного влияния Грузии на горцев Северного Кавказа, вызванного общим упадком грузинского феодального государства, наступившим после XIII в.

Окончательное решение вопроса о времени сооружения храма Тхаба-Ерды, а, может быть, и его предшественника можно будет дать только на материале археологических раскопок внутри и вокруг современного здания.

Памятник нуждается в неотложном ремонте и реставрации и давно заслуживает более пристального изучения, ибо по своему значению в качестве источника для местной истории Тхаба-Ерды не имеет себе равных на Северном Кавказе.

---

¹ Примеры такой эволюции архитектурных форм известны в истории грузинского церковного зодчества. См., например, ХВ, вып. I, 1912, стр. 293—294.

С. А. ЕРШОВ

ДАНДЕНАКАН

(Археологические разведки у Таш-Рабата в 1942 г.)

В юго-восточной части пустыни Кара-Кум, между современными городами Мары и Серахсом, вдоль старой караванной дороги на топографических картах значится большое количество различных развалин. Ранние и поздние средневековые арабские и персидские географы и историки — ат-Табари, ибн-Хардабех, ал-Истахри, Макдиси, Гардизи, Абуль Фазль Байхаки, ал-Самани, Якут и др. в своих сочинениях называют пять довольно крупных населенных пунктов. К их числу принадлежат замки: Наджар, находящийся в трех фарсах от Серакса; Уштурмагак в пяти фарсах от замка Наджар; Тильситан в шести фарсах от Уштурмагака; Данденакан в шести фарсах от Тильситана; Януджирд в пяти фарсах от Данденакана и, наконец, Мерв Шахиджан (царский город) в пяти фарсах от Януджирда.

Если считать, как это принято, один фарсах за 6 километров, то замок Наджар должен будет находиться от г. Серакса в 18 км; Уштурмагак — в 30 км от замка Наджар; Тильситан — в 36 км от Уштурмагака; Данденакан — в 36 км от Тильситана; Януджирд — в 30 км от Данденкана и Мерв Шахиджан (ныне развалины в районе станции Байрам-Али) в 30 км от Януджирда.

Перечисленные выше населенные пункты прежних своих наименований не сохранили, и на современных топографических картах они, за исключением трех, имеющих названия более позднего происхождения, значатся безымянными. К памятникам, имеющим более поздние названия, принадлежат: Таш-Рабат, находящийся в 33 км на юго-запад от современного г. Мары и в 65 км от Старого Мерва, затем Дервентган в 52 км от Мары и Гоуз-хан в 70 км от того же пункта.

Археологическим обследованиям до сего времени эти памятники не подвергались и в современной литературе остаются неизвестными.

Необходимость их срочного обследования возникла в связи с полученными двумя посылками, состоявшими из фрагментов стеной декоративной отделки, резьбы по алебастру, нескольких прекрасно орнаментированных глиняных сосудов, большого количества обломков от разных поделок из бронзы, меди, камня, стекла и кости. Одновременно в письме были получены и 4 фотографии разрушенного большого здания. Каких-либо других данных, которые указывали бы на место сделанных находок и принадлежность их тому или иному памятнику, сообщено не было.

В письме указывалось, что все предметы найдены на одном из курганов, находящемся в районе нынешнего г. Мары.

Для обследования места находок в январе и феврале 1942 г. Институт истории языка и литературы Туркменского филиала АН СССР снарядил две кратковременные археологические экспедиции в составе: проф. Б. Н. Заходера, старшего научного сотрудника Туркменфана С. А. Ершова и ассистента кафедры археологии МГУ Г. Б. Федорова. В составе второй экспедиции дополнительно был включен архитектор Госпроекта М. А. Калашников.

Первая экспедиция свои работы проводила главным образом на месте, откуда были добыты присланные коллекции, тогда как работы второй экспедиции были значительно расширены, и обследование охватило почти всю ныне пустынную часть местности, находящуюся между городами Мары и Серахсом.

Было установлено, что присланные Н-ской войсковой частью коллекции были добыты с развалин, ныне носящих наименование Таш-Рабат¹ (Таш — камень, рабат — селение или слобода). На всей территории развалин встречается огромное количество целого и ломаного жженного кирпича, камня и другого строительного материала. Это, очевидно, и послужило основанием для местных жителей называть селение каменным.

Судя по занимаемой развалинами довольно большой территории, можно предполагать, что они принадлежат к одному из городов, упоминания о которых мы встречаем у средневековых авторов. Если сравнить приведенные выше (ибн Хардадбех, Истахри, Якут и др.) расстояния между городами и станциями, расположенными на дороге из старого Мерва в Серахс, то обследуемые развалины у Таш-Рабат как раз будут соответствовать древнему городу Данденакану, находящемуся по Якуту² в десяти фарсах или в 60—65 км от г. Мары.³ За отождествление развалин Таш-Рабат с древним городом Данденаканом говорят и некоторые сходные внешние признаки, имеющиеся в описаниях у тех же авторов.

Так, например, в анонимном персидском географическом сочинении „Худуд ал Алем“⁴ говорится, что „Данденакан — небольшой город, окружен стеной; длина его 500 шагов; лежит в пустыне. За стенами его есть постоянный двор для караванов“. Только что приведенные из анонимного персидского географического сочинения данные о Данденакане вполне соответствуют обследованным развалинам.

Развалины Таш-Рабат расположены на 33-м км на юго-запад от современного г. Мары или в 60—65 км от Старого Мерва, с правой стороны старой караванной дороги, связывавшей в эпоху Средневековья Мерв с южными и западными городами Ирана. С северной и западной стороны к развалинам вплотную подходят пески, на поверхности которых в большом количестве встречаются обломки жженного кирпича, много поливной и неполивной керамики и прочей домашней утвари. Невдалеке от развалин, с восточной, северо-западной и северной сторон имеется ряд холмов, указывающих на наличие в прошлом около города, очевидно, небольших селений. При обследовании оказалось, что часть

---

¹ Впервые наименование Таш-Рабат упоминается в начале XIX в. (1826) в связи с походом Хивинского хана Алла-кули хана в Иран. См. Материалы по истории Туркмении и туркмен, т. II, стр. 434, 438, 439.

² Материалы по истории Туркмении и туркмен, т. I, стр. 421.

³ Здесь имеется в виду Старый Мерв, развалины которого находятся около станции Байрам-Али, Ашхабадской ж. д.

⁴ Там же, стр. 213.

этих холмов, расположенных с северной и северо-восточной стороны, принадлежит к печам по обжигу кирпича, а часть — к числу небольших селений. С северо-западной стороны развалин города, на расстоянии около одного километра, дополнительно имеется еще один, довольно больших размеров, холм. По времени, как это удалось установить по собранной с поверхности и из имеющихся ранее кем-то вырытых шурфов керамики, он относится к более раннему времени, чем обследуемое нами городище.

Рис. 55. Данденакан. Соборная мечеть. Общий вид раскопа с юго-западной стороны

Сам город в прошлом был обнесен мощными глинобитными стенами, от которых в настоящее время остались лишь следы сильно оплывшего вала. По имеющейся у северо-восточной стороны вала большой седлообразной выемке можно предполагать, что здесь были городские ворота.

В плане городище приближается к форме квадрата (рис. 55). Северо-восточная сторона его равна 210 м, а северо-западная — 216 м. Общая площадь, занятая развалинами, — 45 360 м², что составляет более 4.5 га. В 250—300 м от городских стен, с юго-восточной стороны имеются два колодца с сильно засоленной водой.

Внутри города каких-либо построек на поверхности не сохранилось, и лишь наличие сильно всхолмленной местности говорит за то, что город в свое время был густо застроен.

К моменту нашего приезда к месту производства работ значительная часть городища (около двух третей), при добыче местным населением на хозяйственные нужды жженого кирпича, была уже перекопана. Затронутые при этом культурные слои оказались сильно перемешанными, и дальнейшее изучение их будет сопряжено с большими трудностями. По сделанным в нескольких местах городища шурфам была установлена различная мощность культурного слоя (1.5—2.5 м). В земляных выки-

дах всюду встречаются изделия из бронзы, меди, камня и стекла, битая посуда, кости домашних животных (барана, козы, свиньи, лошади и верблюда). Раскопки экспедиции затронули и части разрушенного большого здания, причем дополнительно были обнаружены две массивные кирпичные колонны, имеющие в диаметре 80—82 см, а также лежащая на земле арка и часть ниши с хорошо уцелевшим купольным перекрытием.

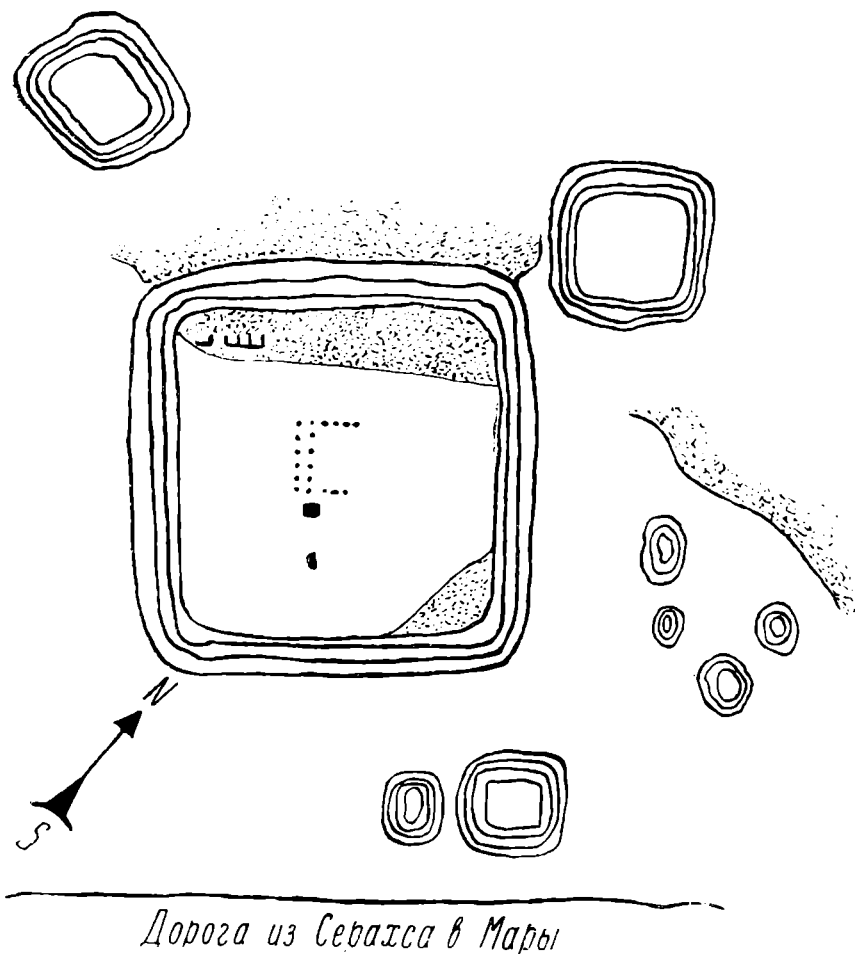

Рис. 56. Данденакан. Схематический план. Глазомерная съемка

Обнаруженные части здания — колонны, арка и ниша — с внутренней и внешней стороны сохранили прекрасную орнаментальную облицовку, со следами (под верхним слоем) окраски в красный, синий, желтый, черный и белый цвета. Резной по алебастру орнамент выполнен в характерном персидском стиле цветочного узора.

Собранные с поверхности и из шурфов фрагменты поливной керамики позволили датировать развалины Таш-Рабат IX—XII вв. н. э. Эта же датировка подтвердилась и в ходе дальнейших работ на городище.

Как в первую, так и во вторую нашу поездку основное внимание было сосредоточено главным образом на расчистке и изучении обнаруженного в центре города большого колонного здания. За короткое время работы экспедиций, при активном содействии всего командного и рядового состава одной из воинских частей, нам удалось расчистить это здание до самого пола более чем на 260 м² (рис. 56).

Здание было погребено под мощным двухметровым завалом, состоящим из обломков жженого кирпича, кусков алебаstra, наносного желтого песка и другого строительного мусора. При расчистке нижних слоев завала было найдено огромное количество орнаментированных алебастровых плиток, украшавших в свое время различные части здания. За время раскопок экспедиции дополнительно было открыто 15 частично уцелевших колонн (рис. 59); одна целиком и четыре наполовину сохранившиеся арки; одно углубление в виде бассейна, находящегося ближе ко входу. Пол у здания вымощен жженым кирпичом размером $30 \times 30 \times 6$ см фигурной кладкой. С правой и левой стороны здания имеются площадки, поднимающиеся от пола с правой стороны на высоту 38 см, а с левой — на 50 см. Площадки в обоих случаях имеют 1 м 30 см ширины и также вымощены жженым кирпичом.

Можно предполагать, что у здания с юго-западной стороны было два ряда колонн по шесть в каждом ряду, причем две колонны второго ряда, расположенные против центральной части здания, имеют восьмигранную форму, тогда как остальные все круглые. Между первым и вторым рядом колонн существовал проход шириной в 2 м 90 см. Верх прохода завершался перекидными арками — с одной колонны на другую. Пролеты между колоннами различны. Например, у колонн первого и второго ряда они равны 1 м 95 см, а у боковых — 1 м 85 см и 1 м 90 см. Характерны угловые колонны. Они скорее похожи на четырехгранные столбы, стороны которых оформлены пятигранными небольшими колоннами. Все колонны выложены из жженого кирпича в шахматном порядке, парной фигурной кладкой на алебастровом растворе. Образовавшиеся при кладке пустые ячейки были залиты алебастром, по которому потом наносился резной орнамент. Базы колонн квадратные и сложены из того же жженого кирпича (рис. 57, 58).

В юго-западной части здания, между колоннами первого ряда, была глухая стена, сложенная из плиточного жженого кирпича в один ряд. Толщина этой стены 30 см; в центре ее между двумя центральными колоннами имелась ниша, вверху сведенная в купол. Размеры ниши: высота от пола по центру — 2 м 45 см, ширина — 80 см, глубина — 70 см. Углы ниши оформлены алебастровыми полуколонками. По стенам ниши, полуколонкам и куполу имеется богатая декоративная отделка, выполненная глубокой резьбой по алебастру. Помимо декоративной отделки по обеим щекам ниши, а также в нижних частях полуколонн и по всему куполу, в сочетании с орнаментом из растительных завитков, имеется большое количество арабских надписей шрифтом куфи (рис. 59—62). Частично прочитанные проф. Б. Н. Заходер надписи содержат различные изречения из Корана.

Судя по находимым в различных местах раскопа отдельным фрагментам букв, следует предполагать, что такие же надписи были и в других частях здания.

Все здание, как об этом говорят отдельные уцелевшие фрагменты декоративной отделки, было оформлено с высоким художественным вкусом и большим мастерством. Переплетающиеся с цветочным орнаментом надписи, отдельные розетки, выполненные глубокой резьбой, при ярком солнечном освещении в Туркмении дают изумительно тонкую игру светотеней.

Раскопанные отдельные части здания имеют плохую сохранность. Большинство их, как, например, арки, ниши, стволы колонн и др. части, разрушено и лежит на полу на подстилающем (в 25—30 см) слое, состоящем из наносного желтого песка и кусочков алебаstra. Наличие подстилающего слоя указывает на то, что здание рухнуло спустя некоторое время после того, как город прекратил свое существование и стал

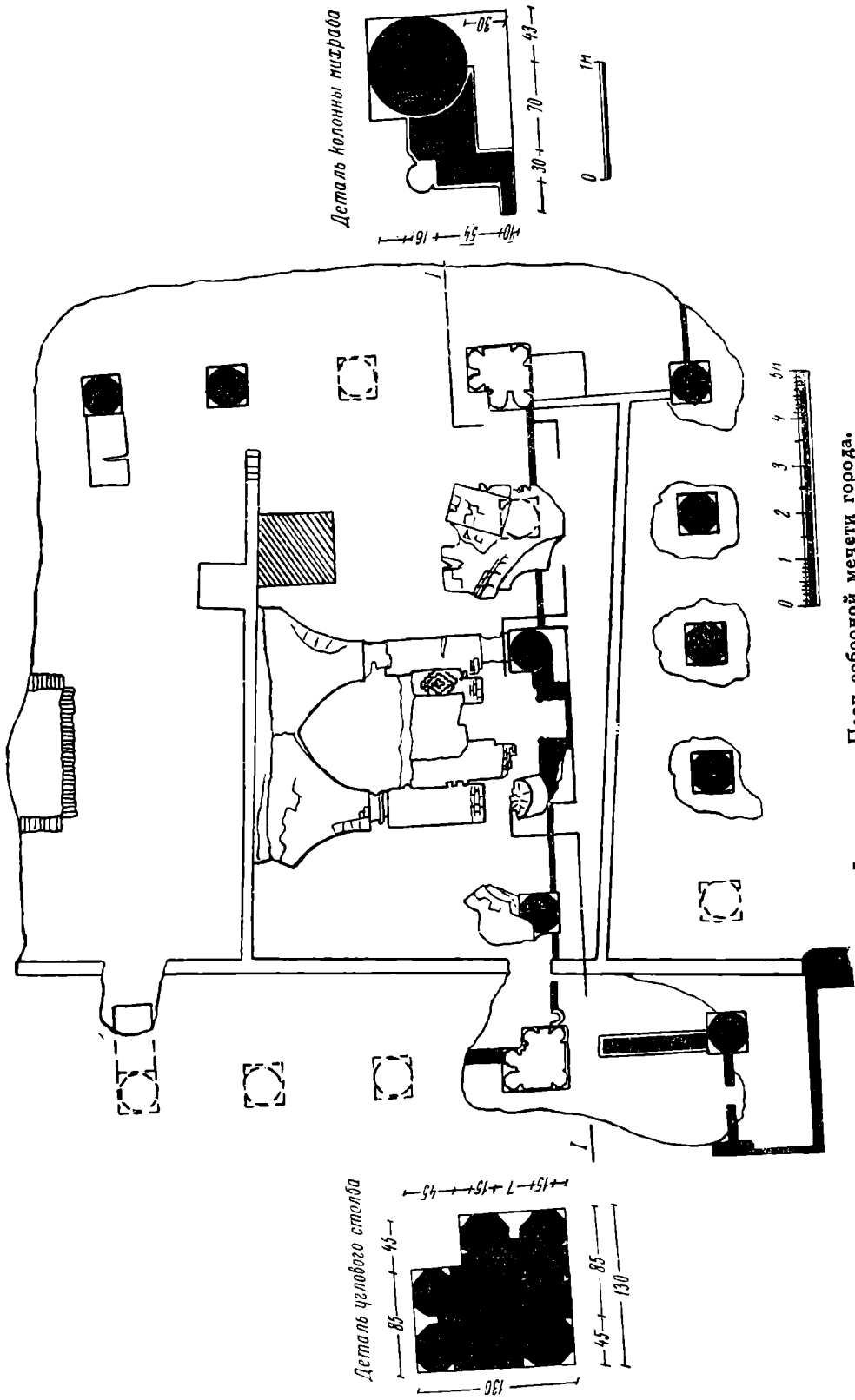

Рис. 57. Дуденканан. План соборной мечети города.
 Эбмеры архит, М. А. Калашникова

Рис. 59. Данденакан. Соборная мечеть. Левая сторона михраба, лежащая на полу. Видна алебастровая полуколонка с капителью и часть купола

Рис. 60. Данденакан. Соборная мечеть. Правая сторона михраба

Рис. 61. Данденакан. Соборная мечеть. Задняя стенка михраба

Рис. 62. Данденакан. Соборная мечеть. Часть купола над михрабом

Рис. 63. Данденакан. Соборная мечеть. Фрагмент орнамента, обнаруженного под верхней облицовкой на правой первой арке от михраба

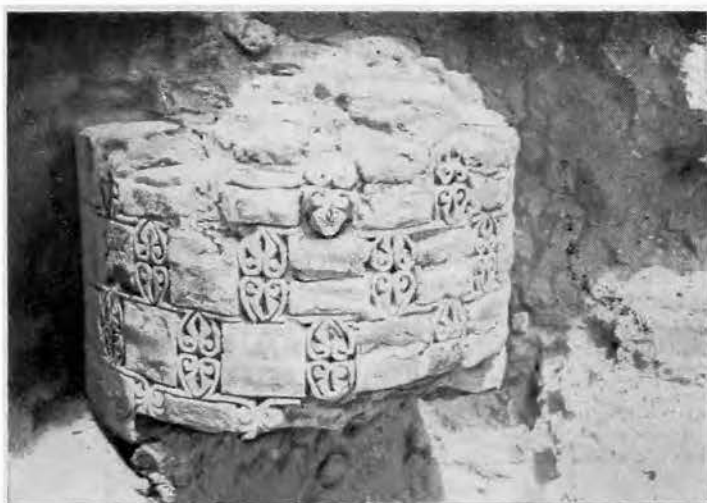

Рис. 64. Данденакан. Соборная мечеть. Орнамент колонны.

предназначено не для жилья в нем, а для других каких-то целей.

Каково же было его назначение?

Расположение здания в центре города, причем довольно больших размеров (около 260 м²), наличие в юго-западной части здания ниши, очень похожей на михраб, с прекрасной декоративной отделкой и большим количеством надписей из корана, а равно отсутствие предметов бытового характера, все это указывает на то, что здание предназначено было для обслуживания общественных нужд жителей города и являлось, очевидно, большой городской мечетью, упоминания о которой мы и находим у Макдиси¹ (рис. 64).

Недостаточная изученность всего добытого при раскопках материала не позволяет в настоящем предварительном отчете дать анализ архитектурных и художественных стилей, однако, следует указать на некоторое сходство в орнаментике с дворцом в Термезе.²

За время работ экспедиций на территории городища дополнительно были вскрыты еще два здания. Первое находится в 25—30 м на юго-восток от мечети, второе — в том же направлении, но несколько дальше. Оба эти здания находились под слоем наносного песка (60 см), поверхность которого еще ранее была сильно попорчена работами по добыче кирпича. Поэтому послойное снятие и правильная фиксация находок здесь была невозможна. Вся площадь, намеченная к раскопу, покрыта обломками жженого кирпича и разного рода строительного мусора, образовавшегося от рухнувших частей здания.

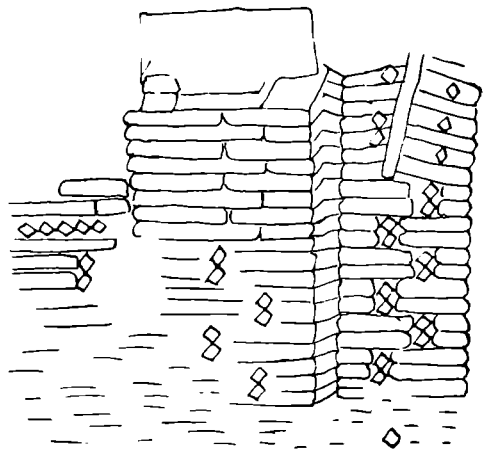

Рис. 65. Дандонакан. Деталь внутренней отделки дома № 1

От здания, находящегося в 25—30 м от мечети, сохранилась лишь его северо-западная часть, представляющая собою небольшую нишу (1.30 × 1.90 м), служившую, по всей вероятности, лежанкой. Юго-восточная стена сохранилась на 1 м 10 см, а северо-западная — на 90 см. По остаткам кладки стен, а также по указанию лиц, работавших при выемке кирпича, удалось до некоторой степени установить размеры и форму здания. В плане оно было прямоугольным, размером 4 м 30 см × 6 м 50 см и ориентировано входом на юго-восток. Стены и пол выложены из жженого кирпича, имеющего размеры в стенах 25 × 25 × 4 см, а в полу 30 × 30 × 6 см. Высота здания, как об этом можно судить по уцелевшей северо-западной стене, была 3.5 м.

Изнутри стены здания богато орнаментированы резным жженым кирпичом и парной фигурной кладкой (рис. 65). Орнамент преимущественно геометрический: комбинация ромбов между двумя параллельными линиями. Особенно богато орнаментирована ниша-лежанка. Стены ее и часть уцелевшего сводчатого потолка сплошь покрыты таким орнаментом, идущим в несколько рядов в вертикальном и горизонтальном направлениях. Вход в дом имеет ширину 1 м 10 см, высота его, как об

¹ Материалы по истории Туркмении и туркмен, т. I, стр. 195.

² Е. Массон. Термезская археологическая экспедиция 1936 г. Труды УзФАН СССР. Серия I — История, Археология, вып. II, Изд. УзФАН, Ташкент, 1941.

этом можно судить по сохранившейся части арки, не превышала 2 м 10 см.

С внешней стороны здания к северо-западной стене примыкает часть другой стены. Стена сильно разрушена и сохранилась всего лишь на высоту 50 см, а в длину на 60 см. Возможно, что это остаток стены, которая в свое время огораживала дворик.

При расчистке здания на различных глубинах было найдено небольшое количество костей домашних животных, преимущественно лошади, верблюда и барана; кости барана имеют следы их варки.

Открытое здание (первое) датируется поливной керамикой XI—XII вв. н. э. Второе здание, расположенное несколько дальше предыдущего, менее сохранилось. Контрольными шурфами установлено, что от него уцелела лишь одна северо-восточная стена высотой 90 см и длиной 9 м 20 см. Здание также было сложено из жженого кирпича размером 26×26×5 см. С внешней стороны особого внимания заслуживают выступ (20 см) и небольшая ниша этой стены. Выступ и ниша богато декорированы разным фигурным кирпичом. Раскопки этого второго здания за краткостью времени были ограничены лишь контрольными шурфами.

Большое внимание было уделено работам по выяснению вопросов, связанных с общим комплексом всего городища.

Предметы бытового назначения на городище представлены в большом количестве и достаточно разнообразны. В первую очередь следует отметить наличие большого количества глиняной неполивной и поливной посуды; затем — различных изделий из кости и камня и прекрасных по своей орнаментике изделий из бронзы и меди. Не меньший интерес представляют изделия из пасты и стекла.

Кроме этой группы предметов, на городище были найдены в небольшом количестве медные и золотые монеты, причем медные монеты сильно окислены и трудно поддаются определению.

Неполивая посуда представлена целыми сосудами различных размеров и форм. К числу крупных неполивных сосудов принадлежат хумы (корчаги) с характерным высоким, расширяющимся вверху горлышком. Большинство хумов по венчику горлышка имеет вдавленный ямочный орнамент. Имеются сосуды без ручек, типа пифоса, но уже с наклепным орнаментом в виде круглых розеток, широкогорлые кувшины-крынки. Из этой группы сосудов наиболее интересными являются сосуды небольшого размера. Они очень тщательной работы, тонкостенные, некоторые из них богато орнаментированы.

Поливная посуда состоит из чашечек и мисочек большого и малого размера в виде пиал. По расцветке и характеру орнамента она делится на три группы. К первой принадлежит посуда, имеющая белый фон с темнокоричневой, почти черной росписью. Основу ее орнамента чаще всего образуют надписи художественным шрифтом куфи. Ко второй группе принадлежит многоцветная расписная керамика с белым, темнокоричневым, красным, черным и светложелтым фоном. Третью группу составляет керамика со светлозеленым и светлосерым фоном, с подглазурным линейным орнаментом и черной росписью.

По установившейся для Средней Азии классификации приведенная выше поливная керамика охватывает три основных периода в жизни города. Керамика, имеющая белый фон с темнокоричневой росписью, относится к саманидскому времени (IX—X вв.); керамика многоцветная с белым, красным, черным и светложелтым фоном относится к переходному периоду от Самонидов к Караханидам, охватывая также и хорезмшахское время, т. е. к XI в.; третья группа, имеющая светлозеленоватый фон с подглазурным линейным резным орнаментом и черной росписью, — к сельджукскому времени (XII в.). Из поливной керамики

на городище больше всего встречаются сосуды, относящиеся к первым двум эпохам (IX—XI вв.), в значительно меньшем количестве — к последнему периоду (XII в.).

Это обстоятельство позволяет говорить, что более развитая жизнь в городе была в IX—XI вв. н. э.

Керамики, относящейся к более поздним векам (XIII и последующим), на городище почти нет, а если и встречается, то она составляет единичные находки, и нужно полагать, что она была занесена совершенно случайно, по всей вероятности скотоводами-пастухами.

Собранные с городища различные предметы, сделанные из кости, камня и пасты, в большинстве принадлежат к предметам женских украшений. Из этих находок следует отметить прежде всего костяной прокол, затем пуговицы с тончайшими на них рисунками и рукоятку небольшого кинжала. Из камней различных цветов — бусины разных размеров, шарики для четок и амулеты, а из пасты — преимущественно светло-голубые, черные и других цветов бусины. К изделиям из стекла принадлежат большие и маленькие флакончики для душистых масел, сосуды типа современных графинов.

Особенно большое количество на городище было найдено разных изделий из меди, бронзы и железа. Из железа изготовлялись различные козанные предметы — крючки, гвозди, цепи с удлиненными и правильно круглыми кольцами, плоские пластинки, ножи и другие предметы; из меди и бронзы — разные ступки и пестики к ним, канделябры, светильники, разных размеров сосуды, на ручках которых имеются изображения животных, курильницы, шкатулки, колокольчики, щипчики, браслеты и другие изделия хозяйственно-бытового назначения.

Значительное большинство предметов из меди и бронзы очень богато орнаментировано. Особенно хорошо отделаны ступки, курильницы и сосуды. На многих предметах имеются арабские надписи, выполненные художественным шрифтом куфи.

Встречаемый как на поверхности, в черте города, так и в раскопках в большом количестве стекольный, железный и гончарный шлак, а также частично обнаженные вдоль юго-западной городской стены гончарные печи, указывают, что изделия из глины (посуда), стекла и железа являются изделиями местного производства. В городе, как об этом свидетельствуют найденные пряслицы, очевидно, было и ткацкое ремесло. Пряслицы были изготовлены путем обточки из донышек небольших сосудов и из камня.

Город, очевидно, был достаточно благоустроенным. Отрытые в большом количестве колодцы указывают на наличие в городе уже в то время канализационной системы. Все колодцы устроены по одному образцу — внутри выложены жженым кирпичом и, по всей вероятности, регулярно подвергались чистке. Для удобства слива нечистот к колодцам подведены гончарные трубы. Каждый такой колодец расположен с внешней стороны у одной из стен дома.

Таковы в общих чертах новые археологические данные об одном из средневековых городов Туркмении.

В части обследования памятников, находящихся в пустынной ныне зоне, разведками было установлено, что в средневековый период культурно-земледельческий район был значительно шире, чем теперь. В то время весь он орошался двумя водными бассейнами: с юго-востока — р. Мургаб, а с юго-запада — р. Теджен (Гери-Руд).

Современный земледельческий оазис со стороны Серакса тянется неширокой полосой вдоль р. Теджен и по арыкам, идущим от нее по направлению к северу и северо-востоку.

Все ныне орошенные земли на 18 км от Серакса резко обрываются и уступают свое место огромной долине. В пределах этой долины, в самом ее начале, изредка встречаются так называемые „грядовые пески“. По мере удаления в сторону г. Мары эти пески продолжают развиваться и становятся более частыми. Пространство между грядовыми песками занято широкими площадями лёссовых земель и такыров. По нашим наблюдениям эта площадь, а равно и вся старая оросительная сеть, служит прямым продолжением современных орошаемых земель. На этих землях очень хорошо видны остатки древней оросительной сети — магистральные каналы, доходящие иногда до 8 м ширины. Старая оросительная сеть от Серакса прослеживается более чем на 80 км, и лишь не доходя 20—22 км до развалин Таш-Рабата, она теряется в песках.

Как удалось установить, древний земледельческий оазис со стороны Серакса орошался каналом Хан-Яб, выведенным выше Серакса из р. Тедженки. Сбросовые воды этого канала доходили до соленых ныне озер, из которых затем брала свое начало речка Шоркель, питавшая в свою очередь каналы, идущие далее на северо-восток, минуя развалины Гоуз-хан. Подход хвостовой части канала Хан-Яб к соленым озерам возможно наблюдать и на современных топографических картах.

На землях древнего орошения имеются многочисленные развалины больших и малых селений, отдельных построек типа замков и другие сооружения. Только на небольшом участке, примыкающем к культурной зоне с северо-восточной стороны гор. Серакса, экспедицией зарегистрировано более 20 таких холмов. Собранные с поверхности некоторых из этих холмов фрагменты поливной керамики дают возможность предполагать об их времени. Они относятся к двум историческим периодам. Первый период охватывает время с IX по X в., а второй XI—XII вв. н. э. Других каких-либо данных, указывающих на более позднее их происхождение, не установлено.

Таким образом, согласно новым археологическим данным, можно констатировать, что имеющиеся письменные исторические сведения у средневековых авторов (Гардизи, Самаини и др.), утверждающие, что этот район в средневековый период был безводной пустыней, не являются достаточно обоснованными и требуют дополнительной проверки.

Вторым и, пожалуй, не менее важным выводом, к которому возможно прийти на основании археологических данных, это то, что верховье р. Тедженки (Гери-Руд) в рассматриваемый период заселено было в гораздо меньших размерах, чем теперь. Основная масса земледельческого населения в то время, как об этом говорят памятники материальной культуры, сосредоточена была преимущественно в районе современного гор. Серакса и далее на север и северо-восток в сторону гор. Мары. Причины ухода земледельческого населения с этих мест в более южные районы, по всей вероятности, нужно будет искать в массовом переселении и занятии этого района скотоводческими племенами гузов (огузов).

Столь же неожиданной и своеобразной является форма обушка. Он сужен и имеет посредине, с той же самой выпуклой стороны, очень тщательно оформленный продольный желобок. По бокам желобка имеются выпуклые ребрышки, заканчивающиеся легкими вздутиями; эта оригинальная деталь тоже не имеет явного практического смысла.

Как оригинальное пластическое оформление обушка, так и бугорки на выпуклой стороне тесла находятся в тесной взаимной связи. Их нужно рассматривать в целом. И, действительно, эта связь легко обнаруживается, если рассматривать тесло сбоку (рис. 67), а еще лучше — ориентированным слегка наискось или со стороны обушка, *en face*. Обычное, казалось бы, каменное тесло в таком случае обнаруживает явственные зооморфные черты, напоминавая реальный облик зверя, всего вероятнее, лося.

Бугорки оказываются глазами, трактованными так же, как на некоторых других неолитических скульптурных изделиях — выпуклостями; а обушок — мордой сохатого, с характерной для него массивной верхней губой, которую первобытный мастер передавал всегда с особенной отчетливостью; вздутия же по краям желобка, несомненно, изображают выпуклые поздри.

Перед нами, таким образом, каменное тесло, оформленное скульптурно в виде головы лося. Оформление это, правда, очень схематично и даже условно, но реальный облик зверя все же ощущается вполне определенно.

Значение данной находки определяется прежде всего тем, что район Колымы в археологическом отношении пока еще остается совершенно неизвестным краем. Каждая новизна, даже случайная находка из тех мест представляет большой интерес, а особенно столь уникальная находка, как этот своеобразный образец первобытного искусства. Не менее важна она и в географическом отношении, представляя промежуточное звено между памятниками первобытного искусства Старого Света, Азии и Северной Европы, и Нового Света — Америки.

Среди них встречаются также скульптурные изображения животных, обыкновенно медведя и лося, сочетающиеся с утилитарным характером изделия — молотами и топорами (или пестами).

Интересно при этом, что в Восточной Сибири, в Прибайкалье, также как и в Америке, звериные головы изображают медведя и украшают песты. В Прибал-

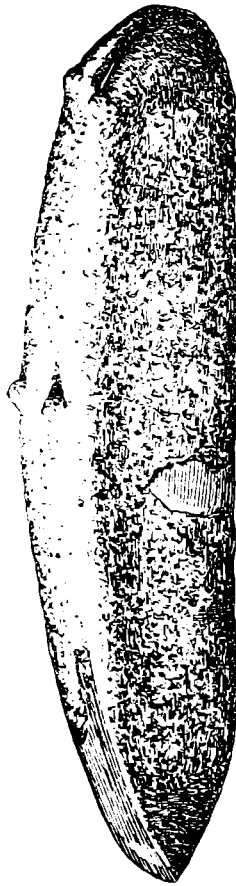

Рис. 67. Каменное тесло с р. Колымы. Вид сбоку

тике же и в Северной России это обычно лосиные головы, украшающие не песты, а сверленные молоты и боевые топоры.

Колымская находка ближе к восточно-европейским, но занимает среди этих памятников особое место не только по специфической стилизованной трактовке звериной морды, но еще и потому, что голова зверя связана здесь не с молотом, топором, секирой или пестом, а с теслом. Ее особенности, очевидно, находятся в связи с общим своеобразием древних и пока еще не выявленных археологами культур нашего Северо-Востока.

С. А. СЕМЕНОВ

КОСТЯНЫЕ РАЗБИЛЬНИКИ ИЗ РОДАНОВА ГОРОДИЩА

Первый опыт применения методики определения функций каменных орудий труда (на основании исследования их поверхности) к костяным изделиям древности был сделан нами не на материалах каменного века. Выбор материала произошел случайно. Ныне покойные Н. А. Прокошев и М. В. Талцкий на одной из отчетных археологических выставок выразили желание выяснить назначение непонятных предметов, входящих в состав материалов Камской экспедиции.

На витрине было выставлено около десятка костяных изделий из Роданова городища, датируемого XI—XIII вв. Все они были сделаны из трубчатой кости крупных домашних животных (большинство — из пястной кости лошади), все носила, в основном, одни и те же признаки.

Во-первых, эпифиз на них во всех случаях у одного конца кости оказался подтесан металлургическим топором, во-вторых, в середине были глубокие следы изнашивания, примерно, такого же типа, какие встречаются на осях. Однако следы были разные как по глубине, так и по форме (рис. 68, 69, 70).

Выяснилось, что подобные предметы не являются принадлежностью только Роданова городища, а встречаются и в других поселениях той же эпохи. Первые сведения о них в официальную археологию поступили после издания Археологической комиссией материалов под названием „Древности Камской земли по коллекции Теплоуховых“, составленных А. А. Спицыным (табл. XXI, рис. 23), где эти предметы были обозначены как

„большие сточенные кости“. Другого определения в археологической номенклатуре для них не оказалось.

Анализ следов работы на этих предметах, а также поверхности и формы самих предметов в целом показал, что

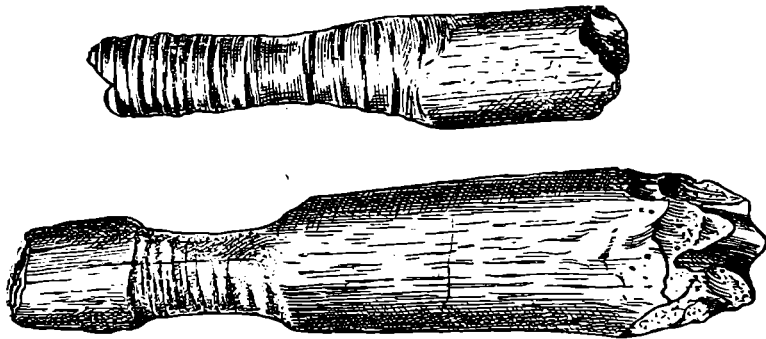

Рис. 68. Костяной разбивник из Роданова городища

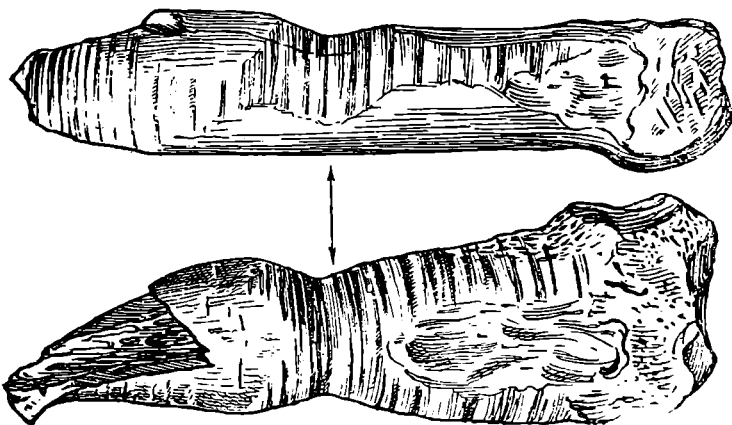

Рис. 69. Костяной разбивник из Роданова городища

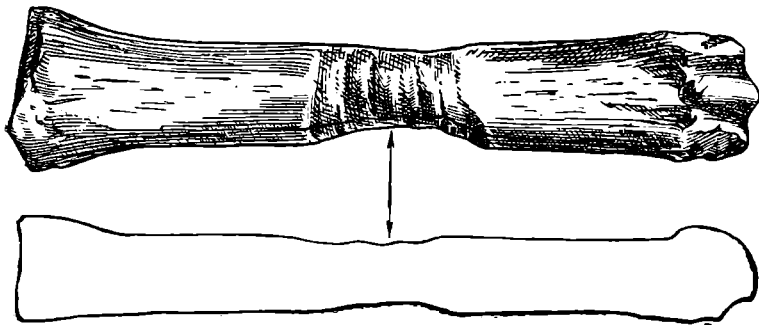

Рис. 70. Костяной разбивник из Роданова городища

Об их назначении было сделано несколько предположений, и наиболее вероятным казалось, что перед нами какие-то осные приспособления, вокруг которых происходило ротационное движение, т. е. круговращение какого-то тела. Но такая гипотеза решительно ничего не объясняла. Более того, она открывала доступ фантазии и тем самым могла ввести в заблуждение относительно характера и уровня хозяйства не только Роданова городища, но целой эпохи.

здесь мы имеем дело не с ротацией.

Уже по своему строению эти кости не могли служить осями для такого движения. Все они не круглые, а слегка уплощенные; следы срабатывания на них носят односторонний характер, причем в некоторых случаях они заходят даже на эпифиз, который в подтесанном виде имеет почти четырехугольное сечение. О том, что эти следы образовались не от круговращательного движения, а от

одностороннего трения, с большой наглядностью свидетельствует один экземпляр из этой серии (рис. 71).

Он совершенно сработан, сточен. Следы стачивания глубоко проникли в трубчатую кость до самой губчатой массы и даже дальше, пройдя насквозь эту пористую структуру.

Таким образом, мы здесь должны признать следы систематической и очень длительной работы, связанной с каким-то определенным ремеслом. С каким именно?

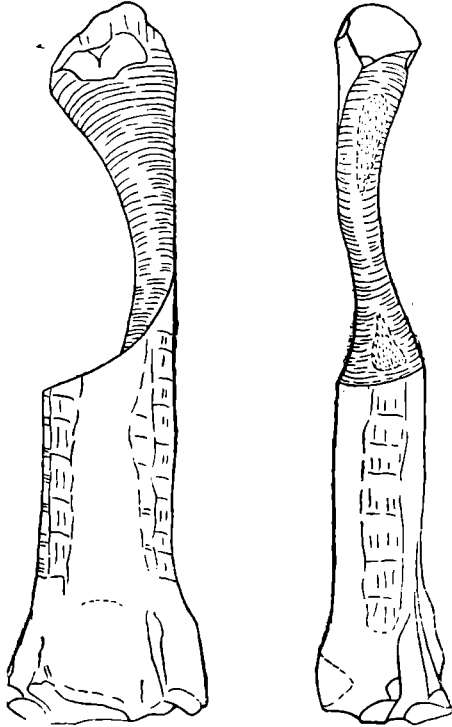

Рис. 71. Изношенный разбивальник

По нашему мнению, эти костяные предметы служили приспособлениями для растягивания и мягчения пошивных сыромятных ремней, которые до сих пор играют важную роль в кожевенном производстве у северных народов для овчинно-скорняжного, шорного и даже обувного дела, наряду с сухожилиями.

Для того, чтобы такое заключение стало ясным и убедительным, ответим прежде всего на следующий вопрос: почему эпифизы подтесывались? По нашему мнению, с единственной целью чтобы кость можно было вставить одним концом в стену жилища, вероятно, в паз между бревнами избы.

Закрепленная в горизонтальном положении кость долго оставалась неподвижной. Работа по мягчению и растягиванию сыромятных ремней производилась таким способом, как показано на рис. 72.

Тянули ремень то правой, то левой рукой книзу.

Когда верхняя половина осевой окружности изнашивалась, кость вынимали из пазы и снова вставляли, повернув ось стертой поверхностью книзу, и работали прежним способом. Поэтому некоторые кости кажутся правильно обточенными, как на токарном станке, хотя, при внимательном

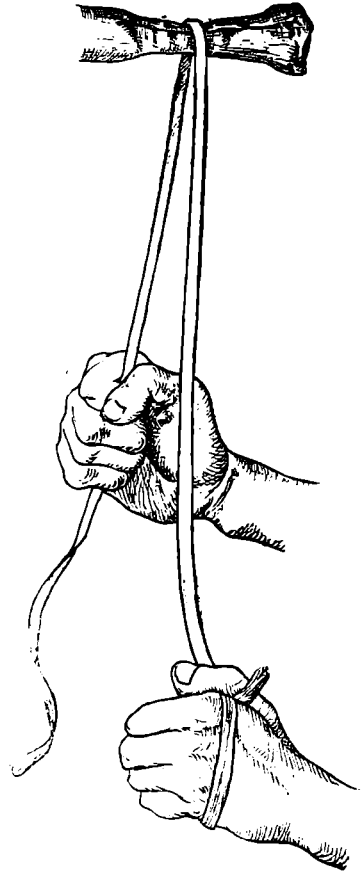

Рис. 72. Разбивальник в работе

матерном рассмотрении, эта перемена положения кости чувствуется в следах от трения, в желобчатых полосках, которые не всегда совпадают.

В некоторых случаях это костяное приспособление не вынималось из стены совершенно до полного изнашивания его с одной стороны.

Измерение следов показывает разную ширину их на разных костях. Это позволяет определить и ширину тех ремней, которые разминались и растягивались на них.

По следам на кости, изображенной на рис. 72, можно судить, что здесь обрабатывались самые тонкие ремешки от 2 до 3 мм ширины, приближаясь к толщине сухожильных ниток. Очевидно, они служили для шивания меховой одежды. Следы на кости (рис. 70) имеют ширину от 5 до 8 мм. Ремни такой ширины то-

же употребляются на севере в качестве пошивных. Ими сшиваются меховые шкуры для зимних чумов, яранг. Кроме того, из них плетут тызеи (арканы неевцев); ремни служат также для разных целей в упряжке оленей.

Один неевцкий разбивник очень своеобразной формы. Он напоминает вешалку. Кавказский — просто деревянный крюк. Первый, по всей вероятности, привязывался к вертикальной жерди в центре чума, второй — имеет резную головку

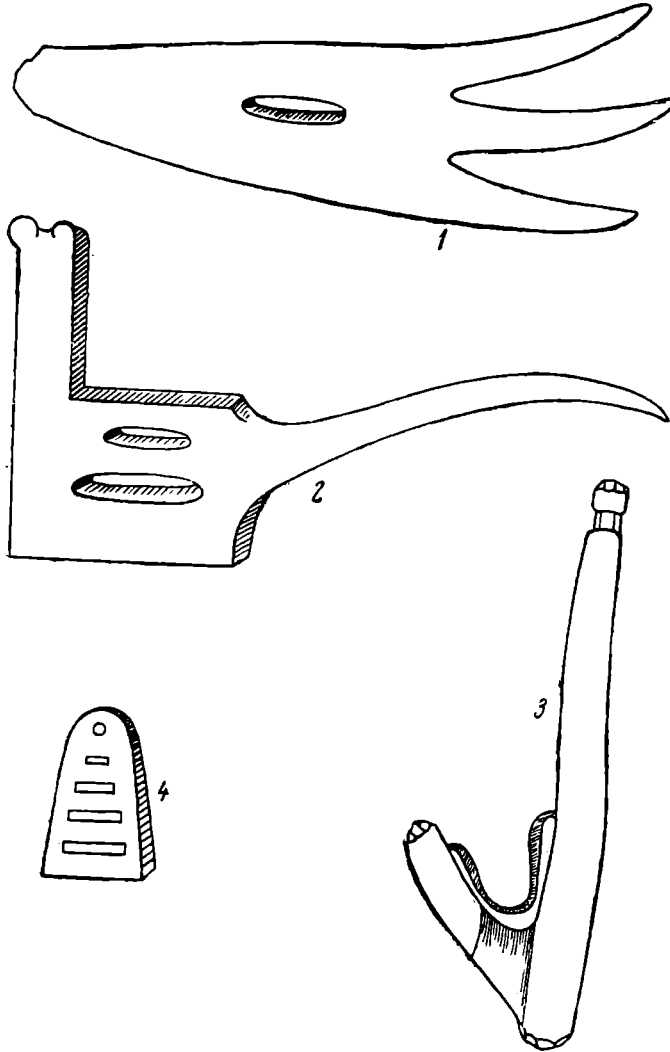

Рис. 73. Разбивники: 1,2 — неевцкие, 3 — кавказский, 4 — чукотский

Не исключена возможность, что через эти костяные разбивники (термин заимствован из технологии кожевенного производства) пропускались сухожильные или растительные нитки, бечевки и тетины для луков: растянуть и прогладить часто бывает необходимо и такие изделия.

Однако главное назначение костяных разбивников заключалось в обработке ремней. Такой вывод подтверждают этнографические данные. Мы приводим только три образца разбивников для ремней (рис. 73, 1—3). Два неевцких из оленьего рога и один кавказский, деревянный, из самшита, окованный в рабочей части железной скобой (материалы Этнографического музея в Ленинграде).

для петли, спущенной с потолка сакли. Все они служат исключительно для ремennого производства. Через неевцкие разбивники пропускаются ремни различной ширины. У чукчей, эскимосов делаются калиброванные разбивники из плоских костей морских животных. В них прорезано несколько отверстий разных размеров (схематический рис. 73,4).

Последний вопрос: почему ремни необходимо разминать и растягивать? Для нас в таком вопросе нужна полная ясность.

Кожа животных, как известно, содержит клеевые вещества (белки). Необработанная, высохшая кожа превращается в морщинистую, хрупкую пластинку. В современном кожевенном производстве

она проходит целую серию процедур, среди которых очень важную роль играют химические процессы: воление и дубление. Благодаря им удаляется шерсть, растворяются белки.

В древности обработка кожи, в особенности сыромятной, была более простой. После промывки и мездрения ее держали несколько дней в растворах из золы и помета. Затем, удалив волос, кожу подсушивали и начинали механическую обработку — мять и растягивать. Мяли, промазав жиром, чтобы не ломалась, была эластичной и упругой, не размокала от воды; растягивали ее, чтобы выпрямить, разгладить морщины, привести волокна кожи в состояние наибольшего напряжения.

Простейший, кустарный способ мягчения и растягивания кожи до сих пор применяется при помощи разбивника, работа на котором в принципе ничем не отличается от той, о которой говорилось выше. Кожу также накладывают на разбивник сверху и тянут вниз то правой, то левой рукой. Разница состоит только в том, что для обработки целой кожи разбивники делаются стоячие и мастера работают, наклонясь над ними. Причем, не лишен интереса для нас тот факт, что эти приемы работы совершенно одинаковы, например, у древнеегипетского кожевника, и у современного кустаря. Чтобы убедиться в этом, следует сравнить два рисунка, 74 и 75. Первый принадлежит к памятникам древнеегипетской живописи.

Здесь мы имеем лишнее подтверждение той расшифровки назначения, кото-

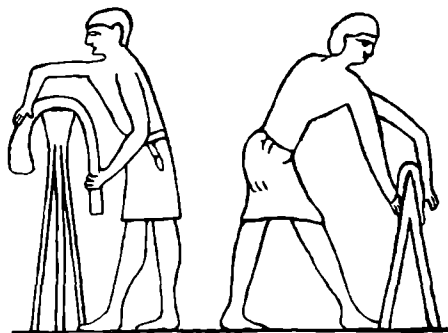

Рис. 74. Применение разбивника древнеегипетским кожевником

рая дается костяным предметам из Роданова городища.

В заключение хотелось бы сказать следующее: изготовление пошивных и всяких других ремней, безусловно, имело место и на более ранних стадиях хозяйственной деятельности человека. Особенно в палеолите, в арктических условиях, когда использование волокнистых растений было невозможно, человек, наряду с сухожилиями, очевидно, употреблял и ремни для одной и той же цели — сшивания.

Теперь, зная характер следов работы по мягчению и растягиванию ремней, мы будем в состоянии их различать и на других костяных орудиях, какие нам дает археология. Следы на орудиях — та-

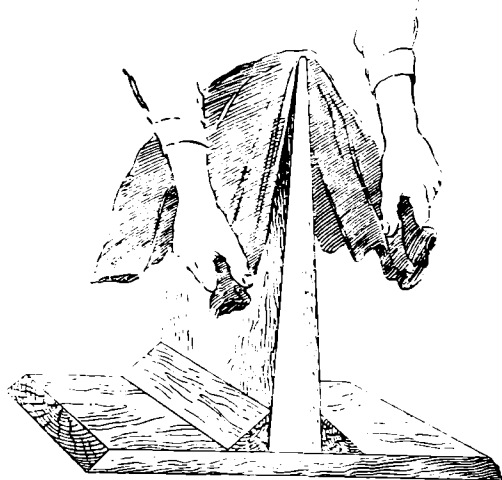

Рис. 75. Применение разбивника современным кустарем

кие же факты, как и сами орудия, а нередко более красноречивые.

Исследование поверхности археологических материалов вообще и следов употребления на древних орудиях, в частности, начинает свои первые шаги.

Но даже с первых шагов является очевидным, что мы стоим перед событием немаловажным в истории нашей науки, перед фактом „ограничения в правах“ господствующего формально-типологического метода.

Если бы все перечисленные нами приспособления для обработки ремней, так не похожие друг на друга своим видом, были бы открыты в земле, то археолог, мыслящий формально, никогда не признал бы в них инструментов, предназначенных для одних и тех же производственных функций.

На разных по типу орудиях могут быть следы одинакового их употребления, а одинаковые орудия — служить разным целям.

А. В. ЭБРУЕВА

О ДАТИРОВКЕ АКИНАКА ИЗ ЛУГОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Короткий двулезвийный меч скифского типа, так называемый акинак, был обнаружен при мужском погребении № 57 во время раскопок Луговского могильника Елабужского района Татарской АССР в 1940 г. (рис. 76)

Погребение № 57 находилось в южном ряду могильника и принадлежит к числу

наиболее поздних погребений. Одним из доказательств того, что северный ряд могил несколько старше южного, является почти полное отсутствие в них железных предметов (лишь при погребении № 48 лежало железное копые очень архаического вида), тогда как в южном ряду железные предметы, особенно ножи, нередки.

Остальные вещи, сопровождавшие погребение № 57, следующие: на черепе — круглая бронзовая литая бляшка с орнаментом из концентрических кружков на лицевой стороне и петлей для прикрепления на оборотной; к северо-западу от черепа — группа предметов, состоящая из бронзового кельта, железного акинака, такого же наконечника копья и фрагментов ножа, пяти костяных наконечников стрел и маленького костяного навершья, может быть, от колчана. У пояса с левой стороны умершего лежали две плечевые кости лошади. Кельт — небольшой, обычного ананьинского типа, с овальной в разрезе втулкой и рельефным орнаментом, состоящим из четырех рельефных полос, опоясывающих край втулки, и двух расходящихся дугообразных полос, спускающихся, примерно, от середины обеих поверхностей орудия к краям лезвия. Наконечник копья — втульчатый с листовидным пером, посредине которого проходит выпуклое ребро. Нож сохранился плохо, и о форме его судить трудно. Наконечники стрел принадлежат к одному типу; они довольно крупные, трехгранные с плоским черешком. Меч был воткнут в землю у правого плеча умершего.

Перейдем к подробному описанию акинака. После того как меч был подвергнут химической чистке, его формы и украшения стали ясными, хотя сохранность его оставляет желать лучшего. Общая длина его около 42 см, длина клинка — около 31,5 см, рукоятки — около 10 см. Основным началом на рукоятке. По длине она расчленяется на три части — более широкую — среднюю и более узкие — боковые. Средняя часть слегка вогнутая, боковые — выступающие с округлыми наружными краями. Общая ширина рукоятки — около 3 см, средней части — около 1,3 см, боковых — около 0,8 см. На средней части находятся кое-где следы бронзы — может быть здесь было какое-то украшение. Вверху рукоятка заканчивается навершьем в виде поперечного бруска с округлыми концами и округлым поперечным разрезом. Длина навершья — 6 см, ширина — около 2 см. На навершье частично сохранился орнамент, состоящий из тонких полос золотой проволоки, вбитой в железный брусок, образующий в средней части фигуры ромбов. Следы орнамента в виде небольших участков золотой проволоки сохранились и на боковых частях навершья. Отдельный небольшой участок золотой проволоки имеется и на клинке. Под навершьем находится бронзовая обоймица в виде несомкнутой полосы, соединенной посредине

узкой бронзовой полоской шириной в 2 см. С лицевой стороны меча в обоймице расположены три треугольных углубления, повидимому, когда-то заполненные цветной пастой (в углублениях кое-где видны остатки какой-то массы бледно-желтоватого цвета). Треугольники — рав-

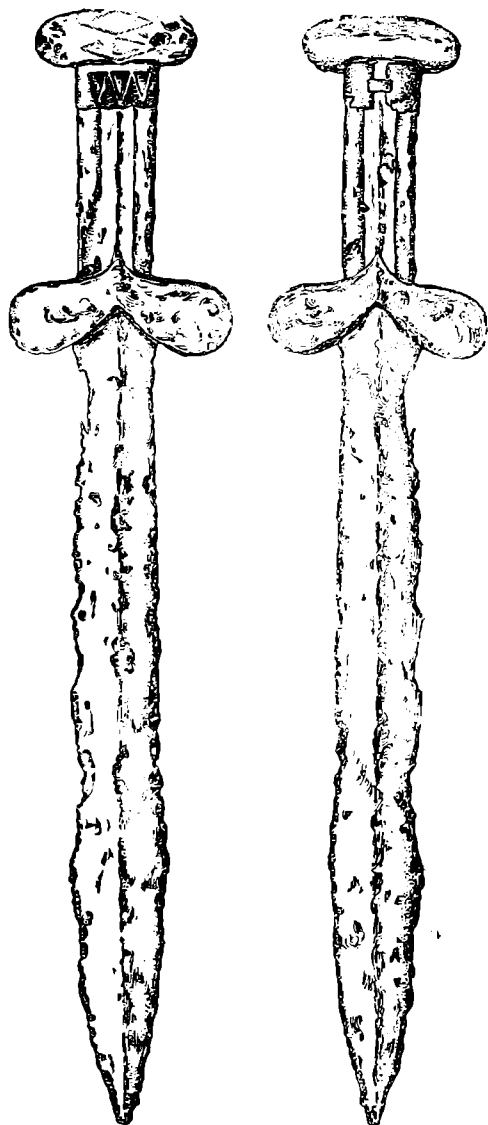

Рис. 76. Акинак из Луговского могильника

нобедренные, обращенные вершинами вниз. Снизу рукоятка заканчивается перекрестием в виде раскрытых крыльев бабочки. Общая ширина перекрестья — около 8 см. Округлые концы крыльев выступают сравнительно с рукояткой и клинком, примерно, на 2,5 см. Средняя часть перекрестья поднимается кверху треугольным выступом, которому внизу соответствует глубокий вырез.

Клинок, насколько можно судить по современному его состоянию, имел не совсем обычную для акинаков форму.

Оба лезвия его от перекрестья, повидимому, шли слегка расходясь, примерно, до двух третей общей длины клинка, и затем уже суживались, образуя колющее острие. Оба края клинка сильно попорчены ржавчиной. Поперечное сечение клинка — ромбовидное, в средней части его проходит хорошо выраженное выдающееся ребро. Следов ножен обнаружено не было.

Техника изготовления меча следующая. Рукоятка и клинок сделаны из одной полосы металла. Выпуклые боковые части рукоятки образованы наложенными сверху полосами, приваренными к средней части. Перекрестье состоит из двух половин, одетых на место перехода клинка в рукоятку и сваренных вместе, о чем свидетельствует хорошо заметный шов на перекрестье. В навершье было пробито соответствующее рукоятке отверстие, затем навершье было надето на рукоятку сверху и приварено к ней. Обоймица имела чисто орнаментальное значение. Углубления внутри треугольников были заполнены цветной пастой; возможно, пастой же был заполнен четырехугольник между бронзовой полоской, скрепляющей обоймицу, и навершем.

По своему назначению короткий дуэлевый меч представляет собой типичное колющее оружие ближнего боя, бывшее в широком употреблении в скифскую эпоху. Так, на рельефах гробницы Дария, изображающих представителей подвластных ему стран, половина, примерно (представители Мидии, Парфии, Арии, Бактрии, Согдианы, Хорасмии, Драншаны, Арахазии, Хумаварских скифов, скифов с острокопечными шалками, Армении, Каппадокии, скифов по ту сторону моря, Сукудры),¹ вооружена характерными короткими мечами, свободно подвешенными на двойном поясе с правой стороны. Это оружие широко известно из скифских погребений юга России, где находилось иногда с правой, иногда с левой стороны умерших но в Прикамье находки акинаков редки и встречаются в виде единичных экземпляров далеко не во всех могильниках ананьинского типа. В Луговском могильнике найден лишь один экземпляр такого меча.

Переходим к вопросу о датировке Луговского меча. В. Гинтерс в специальной работе, посвященной скифским и сарматским мечам в Южной России,² относит к архаической группе обоюдоострые короткие мечи — акинаки из Мелгуновского клада, Келермесса, Елизаветовской станции (в устье Дона) и меч из Шумейко и датирует их 6 в. до н. э.

¹ П. К. Степанов. История русской одежды, вып. 1, рис. 2.

² W. Ginters. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland, Vorgeschichtliche Forschungen, т. 2, ч. I, Berlin, 1928.

Все перечисленные мечи имеют рукоятку одного типа, расчлененную в длину на три зоны, из которых средняя, несколько углубленная, обычно орнаментирована, тогда как боковые иногда имеют только поперечные насечки чисто практического значения (для удобства охватывания рукой). Навершья всех этих мечей состоят из поперечных брусьев овального или углового сечения с закругленными концами. Эту форму рукоятки Гинтерс считает изначальной, присущей скифским мечам с сердцевидным перекрестьем (в русской литературе эта форма перекрестья обычно сравнивается с раскрытыми крыльями бабочки). Такое перекрестье имеют все ранние скифские перечисленные здесь мечи. Ножны и клинки их не одного типа. О форме ножен в данном случае говорить не приходится, так как у Луговского меча ножен не было обнаружено. Что касается клинков, то они разделяются на два типа: у одних оба лезвия идут почти параллельно, слегка суживаясь книзу, и имеют короткое острие, у других — обе стороны сильно суживаются по направлению вниз и имеют длинное острие. Обе формы могут быть плоскими, утолщенными посредине и иметь продольные желобки.

Следует отметить одну деталь, связывающую меч из Луговского могильника с мечом из Томаковки (или с одним из томаковских мечей): на ножнах последнего находится орнаментальная полоса, состоящая из углубленных равнобедренных треугольников, направленных вершинами вниз и заполненных голубой пастой, — мотив, имеющийся на бронзовой обоймице под навершем луговского меча. Но из томаковских ножен находится орнамент в виде петель и спиралей из золотой проволоки.

Таков результат сравнения луговского меча с акинаками из южнорусских скифских курганов. Как видим, он не имеет здесь полной аналогии. Совпадая с некоторыми из упомянутых мечей по форме навершья и рукоятки, он отличается некоторыми оригинальными чертами: южнорусские мечи не имеют обойм в верхней части рукоятки, перекрестья их несколько иного типа, а форма клинка луговского акинака, насколько мне известно, вообще не встречается среди южнорусских скифских мечей.

Однако клинок луговского меча не является единственным в своем роде. Такие клинки типичны для галльштатских мечей и кинжалов. В Галльштатте же встречается и орнамент из вбитой в металл проволоки.

В работе о курганных находках Оренбургской области¹ М. И. Ростовцев, рас-

¹ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, № 37, стр. 58.

смаывая вопрос о происхождении форм мечей с набалдашниками, в виде двух волют, с волютами трактованными как птичьей головы и с серповидным навершьем, считает возможным, что они могли возникнуть из сочетания иранских акнаков с галльштатскими формами мечей. Таким образом, в клинке и технике орнаментации луговского меча можно видеть отражение не только южного, но и западного влияния.

Меч, близкий к луговскому по форме навершья, рукоятки и клинка, имеется среди коллекций Центрального музея ТАССР из раскопок П. А. Пономарева Ананьинского могильника. Он отличается от первого отсутствием инкрустации на рукоятке, отсутствием бронзовой обоймы над навершьем и несколько иной формой перекрестья. Остальные немногочисленные мечи из могильников ананьинского типа из случайных находок в Прикамье и Приуралье имеют другие формы, описанные М. И. Ростовцевым.

Что может дать для датировки меча комплекс вещей из погребения № 57, в котором он был найден? К сожалению, форма железного копья до сих пор еще неясна, так как копьё в поле было очень

плохо очищено, возможно было предположить, что на нем также имеется орнамент. Во время же химической чистки в лаборатории Гос. исторического музея края его были разрушены. Бронзовый кельт, фрагменты железного ножа, кремневый и костяные наконечники стрел также не могут ничего дать для датировки. Бронзовая бляшка имеет аналогию в Зуевском могильнике, где во время раскопок А. А. Спицына при погребении № 9 была обнаружена такая же бляшка на черепе мужчины. При погребении, отчасти разрушенном (сохранилась лишь верхняя часть скелета, остальная часть упала в осыпь), были, кроме бляшки, лежащей у черепа, найдены следующие вещи: бронзовая провизка (?), два глиняных сосуда и над погребением обломок крупного кремневого наконечника стрелы — вещи, не дающие оснований для датировки.

Таким образом, единственным основанием для датировки меча остается приведенное выше сравнение его с ранней группой мечей из скифских курганов юга России, которое позволяет датировать его VI в. до н. э. и скорее первой его половиной.

IV. ХРОНИКА

С. А. ТАРАКАНОВА

ВСЕСОЮЗНОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

В дни Великой Отечественной войны археологи собрались в Москве на Всесоюзное археологическое совещание, которое работало с 25 февраля по 1 марта 1945 г. За этот сравнительно короткий срок оно проделало большую работу, обсудив важнейшие вопросы организации археологических исследований в СССР.

Решением Правительства СССР и постановлением Президиума АН СССР был утвержден следующий порядок работы Всесоюзного археологического совещания:

1) „Итоги археологических исследований в СССР“ (докладчик академик Б. Д. Греков); 2) „О планировании археологических исследований в СССР“ (докладчик академик И. И. Мещанинов); 3) „О законодательстве по охране и исследованию археологических памятников“ (докладчик академик И. Э. Грабарь).

Оргкомитет организовал работу по подготовке материалов по основным вопросам Совещания. С этой целью при Оргкомитете были организованы три секции: 1) по подготовке материалов об итогах археологических исследований в СССР (итоговая секция); 2) по подготовке материалов по планированию археологических исследований в СССР на ближайшее пятилетие (плановая секция); 3) по подготовке материалов по охране и исследованию археологических памятников в СССР (юридическая секция).

Секция итоговая работала под руководством академика Б. Д. Грекова (заместитель — доктор наук А. В. Мишулин). Задачей секции являлась подготовка материалов для ознакомления делегатов Совещания с итогами археологических работ за советское время. Был собран обширный материал, который опубликован к началу работы Совещания отдельным сборником „Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию“

под общей редакцией академика В. П. Потемкина (объемом в 12½ п. л.). Секция определила задачи и утвердила план выставки: „Материалы полевых археологических исследований“, открытой для делегатов Совещания. Выставка экспонировала материалы по археологии не только центральных и местных учреждений РСФСР, но и отдельных союзных республик (Армянской, Украинской, Узбекской и др.).

Секция плановая работала под руководством академика И. И. Мещанинова (заместитель — проф. Т. С. Пассек). Секция подробно разработала порядок собирания материалов с мест по планированию как до Совещания, так и во время работ последнего, с каковой целью для делегатов была разработана специальная анкета. Секция подготовила и опубликовала в сборнике „Материалов“ перспективные планы археологических исследований отдельных центральных учреждений.

Секция юридическая работала под руководством академика И. Э. Грабаря (заместители — доктор наук Н. Н. Воронин и доктор наук Б. Н. Граков). В работе секции принимали участие специалисты по отдельным вопросам законодательства. Подготовительная работа Секции состояла в выяснении характера законодательства по охране археологических памятников и археологических исследований в отдельных союзных республиках. Эти материалы были систематизированы Секцией.

Удалось подобрать и перевести на русский язык ряд нормативных актов иностранных государств. Секция подготовила материалы для проекта законодательства по охране памятников и проекта положения об органах и основных мероприятиях по охране.

Открывая Всесоюзное археологическое совещание, вице-президент АН СССР

академик В. П. Волгин отметил, что Археологическое совещание является выдающимся событием в научной жизни. В условиях Великой Отечественной войны научно-исследовательская работа советских археологов не прекращалась. Совещание должно послужить толчком к дальнейшей деятельности советских археологов, обеспечив плановую организацию работы на территории всего Советского Союза. Огромные сдвиги сделаны археологами в изучении палеолита — этой древнейшей поры истории человечества. Наша наука обогатилась новыми памятниками эпохи неолита и бронзы. По-новому поставлена, на основе археологических данных, важнейшая проблема происхождения восточных славян и их взаимоотношений с соседними племенами. В новом свете выступает перед нами и древнейший русский город — его возникновение, его богатая материальная культура и искусство.

Блестящий культурный расцвет Армении и Грузии документируется вновь открытыми великолепными монументальными памятниками. Большие археологические исследования проведены в среднеазиатских республиках, где открыта блестящая хорезмийская культура.

В годы войны советские археологи проводили большую работу, обследуя, по поручению Чрезвычайной гос. комиссии, разрушения памятников, произведенные немецкими варварами.

Русская археологическая наука насчитывает более 80 лет своего существования. Ведущий научный центр советской археологии — Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1944 г. отметил свое 25-летие.

Задачей археологического совещания является не только подытоживание огромного опыта проработанной работы в области археологии, но и намечение дальнейших путей ее развития.

В обстоятельном докладе академик Б. Д. Греков изложил основные достижения советской археологической науки за 27 лет. Русская дореволюционная археология имела немало достижений как в части научных открытий и исследований археологических памятников, так и в части организации научной общественности. У советской археологии имелась солидная база, унаследованная от прошлого. Огромной заслугой советской археологии является то, что она изменила место этой науки в системе наук, превратив археологию в подлинную часть исторической науки, поставив перед ней новые задачи.

За советский период возросло и количество объектов исследования. В настоящее время в СССР нет территории и народов, которые бы не были предметом внимания археологов.

Достижения советской археологии особенно видны по изучению отдельных периодов человеческого общества: палео-

лита, неолита, эпохи бронзы и др. Исключительные успехи имеются в области изучения славянских племен, этногенеза славян, культуры древней Руси.

Археологические открытия в союзных республиках позволили по-новому осветить древнейшую историю Кавказа, Закавказья и Средней Азии.

Советские археологи достигли значительных успехов в совершенствовании методов полевых археологических исследований.

При наличии больших достижений советская археология испытывает на своем пути немало препятствий и недочетов.

Издательские затруднения не дали возможности опубликовать большую часть работ по археологии. Не только зарубежные страны, но даже крупные центры нашей страны — Москва, Ленинград, Киев, Тбилиси далеко не всегда знают, что сделано нашими археологами. К числу недочетов следует отнести и временную потерю возможности археологического изучения территории Византии, невозможности изучения районов Западного Буга и Подунавья. Мало изучен Дальний Восток и Западная Сибирь. Недостаточно удовлетворительно было поставлено дело камеральной обработки добытых археологических материалов.

Для дальнейших успехов археологии и истории в СССР необходимо:

1. Расширить археологические исследования в СССР, особенно в районах, недостаточно обследованных.

2. Признать желательным включение в сферу археологического изучения территории Византии, славянских стран Подунавья для широкого изучения связей последних с Киевской Русью и проблем этногенеза славян. С этой целью поставить вопрос о восстановлении б. Русского археологического института в Стамбуле.

3. Обратит внимание советских археологов на необходимость расширения камеральной обработки памятников, публикации их и составления сводных каталогов археологических коллекций музеев, вводя эту работу в производственные планы Институты и музеев.

4. Признать важнейшей задачей археологов, выдвинутой ходом Великой Отечественной войны, надлежащую постановку дела охраны памятников старины и восстановления в освобожденных районах исторических памятников, разрушенных фашистскими оккупантами.

По докладу академика Б. Д. Грекова выступило 20 делегатов, осветивших состояние археологических работ на местах. Выступавшие отметили также необходимость налаживания более тесных связей между советскими археологами, улучшения подготовки молодых научных кадров, установления более тесных связей с другими науками (геологией, ботаникой, зоологией, палеонтологией), данными которых пользуется археологическая наука.

Свой доклад „О планировании археологических исследований в СССР“ академик И. И. Мещанинов начал с обзора планирования археологических исследований в дореволюционный период. Остановившись на значении и деятельности Археологической комиссии, основанной в 1859 г., и других археологических учреждений и организаций, докладчик отметил, что все же объединяющего, планирующего центра археологических работ не было.

Положение изменилось с образованием в 1919 г. на базе Археологической комиссии Гос. Академии истории материальной культуры (ГАИМК), которая под руководством ее первого председателя академика Н. Я. Марра превратилась в руководящее центральное учреждение нашей страны. Планирование полевых археологических исследований было возложено на Раскопочную комиссию ГАИМК. Эти функции перешла впоследствии к Сектору полевых исследований ГАИМК, а затем в Археологический комитет полевых исследований Института истории материальной культуры АН СССР.

По мере развития археологических исследований возникает вопрос о централизованном их планировании. Сделав обзор попыток планирования в прошлом, докладчик отмечает, что общесоюзного плана археологических исследований все еще нет, хотя необходимость такого планирования в настоящее время ощущается особенно остро. Необходимо учесть, что в разрешении некоторых проблем заинтересована не одна, а несколько союзных республик, но каждая из них планирует свою работу по-своему, без увязки с работой других республик. В едином общесоюзном порядке должна быть разрешена проблема подготовки молодых кадров археологов, особенно для союзных республик. Необходимо ввести в практику нашей работы периодический созыв Всесоюзных Совещаний или Съездов с постановкой на них научных докладов. С особой настойчивостью должен быть разрешен вопрос о публикации научных трудов.

Для осуществления всех поставленных задач необходимо создание центрального планирующего органа. Он должен состоять из представителей различных учреждений, устанавливать общий план работы на основе соответствующих заявок. Осуществление плана ложится на отдельные учреждения. Такой планирующий орган может провести чрезвычайно нужную и полезную работу, обращая внимание соответствующих учреждений на наличие белых пятен на археологических картах, способствуя поднятию научно-исследовательской работы учреждений на более высокий уровень.

Для устранения всех имеющихся недостатков было признано необходимым:

1) Составление общесоюзного перспективного плана археологических исследований, который мог бы служить основой

для составления пятилетних и годовых планов работ археологических учреждений в союзных республиках; 2) образование центрального органа — Всесоюзного археологического комитета по археологии и охране памятников культуры. Комиссия разработала проект резолюции по докладу академика И. И. Мещанинова „О планировании археологических исследований в СССР“, которая и была принята и утверждена Археологическим совещанием.

Секции Плановой комиссии обсудили и согласовали проведение археологических исследований в отдельных районах СССР. На основе этих материалов Археологическое совещание поручило Плановой комиссии до 1 мая 1945 г. составить сводный план археологических исследований в СССР на ближайшее пятилетие (эта работа выполнена Плановой комиссией к указанному сроку).

Доклад академика И. Э. Грабаря „Археологическое законодательство по охране и исследованию археологических памятников“ вызвал живейший интерес среди делегатов Совещания. Докладчик кратко остановился на состоянии охраны памятников в дореволюционное время, когда не имелось никакого законодательства в этом направлении.

Положение сразу изменилось после Великой Октябрьской социалистической революции. Инициатором законодательства по охране памятников был В. И. Ленин. С уничтожением частной собственности на землю было устранено главное препятствие к широкому развитию археологических исследований в РСФСР.

В 1924 г. был издан декрет „Об учете и охране памятников старины и природы“. Он возлагал руководство по охране памятников на Наркомпрос, вводил открытые листы на право производства археологических разведок и раскопок и предусматривал другие мероприятия по охране памятников. Рост строительства вызвал необходимость внесения некоторых изменений. Наркомпрос не обладал достаточными полномочиями для того, чтобы обязывать другие ведомства к выполнению правительственных решений. Это привело к постановлению ВЦИК и СНК от 20 марта 1932 г. о межведомственном Комитете по охране памятников искусства и археологии при Президиуме ВЦИК. Нарушения закона от 1924 г. вызвали постановление от 10 августа 1933 г. об охране исторических памятников. Этим законом запрещалась ломка, переделка и использование памятников государственного значения, а также ликвидация исторических ценностей без разрешения Комитета.

Деятельность Комитета была очень ограниченной. Он не имел никакой власти приостанавливать разрушения, а лишь констатировал их. Десятого февраля 1934 г. состоялся постановление Правительства РСФСР об охране архео-

логических памятников. В связи с этим был отменен декрет 1924 г. В 1938 г. был ликвидирован Межведомственный комитет, и его функции были переданы Управлению по делам искусств при СНК РСФСР. Однако вновь организованное Управление не занималось археологическими памятниками. Создавалось исключительно тяжелое положение — не было правительственного органа, ведающего этим делом. Далее академик И. Э. Грабарь характеризует состояние охраны археологических памятников по отдельным республикам.

Существующее законодательство ни в какой степени не предусматривает планирования археологических исследований, организации межреспубликанских экспедиций, и это создает значительные трудности в работе. Необходимо иметь новый закон по охране памятников, так же как и орган, проводящий этот закон в жизнь.

В будущем законе должно найти отражение все то лучшее, что имеется в различных законах союзных республик. Необходим закон об охране памятников археологии, искусства, живописи, скульптуры и других памятников старины. Для проведения в жизнь закона об охране памятников археологии должен быть создан правительственный орган — Археологический комитет, при этом за Академией Наук, в лице ее археологических организаций, остаются функции планирования и осуществления археологических работ.

По докладу академика И. Э. Грабаря Всесоюзное археологическое совещание признало необходимым: 1) издание всеобщего единого закона об охране памятников старины и порядке производства археологических раскопок; 2) создание единого Союзного комитета по археологии и охране памятников культуры, архитектуры, искусства, истории и археологии.

Совещание избрало Юридическую комиссию и поручило ей в срок до 1 мая 1945 г. разработать проект положения о Комитете по охране памятников культуры при СНК СССР. Указанное решение Юридической комиссией выполнено в срок.

В работах Всесоюзного археологического совещания приняло участие 156 делегатов, из них с правом решающего голоса 120 делегатов и с правом совещательного голоса — 36. Из общего количества делегатов — академиков — 10, членов-корреспондентов — 5, заслуженных деятелей науки — 1, докторов наук — 27, кандидатов наук — 56.

Представительство по учреждениям: от Академии Наук СССР и союзных республик, филиалов Академии Наук и ее институтов — 76, наркомпросов — 3, университетов и педвузов — 16, научно-исследовательских учреждений (вне системы Академии Наук) — 4, центральных музеев — 26, краевых и областных музеев —

16, местных музеев — 7, от госинспекции и комиссии по охране памятников — 5, от ВКВШ — 1 чел.

По специальности: археологов — 75, историков — 35, архитекторов — 8, этнографов — 5, музейных работников — 3, палеоботаников — 1, инженеров — 1, юристов — 1, химиков — 1, реставраторов — 2, палеонтологов — 1, экономистов — 1, художников — 1, геологов — 2, прочих — 19.

По национальности: русских — 105, евреев — 11, украинцев — 6, белоруссов — 1, узбеков — 1, грузин — 6, армян — 3, поляков — 3, казахов — 1, азербайджанцев — 1, бурят — 1.

Распределение по партийности: членов ВКП(б) — 33, кандидатов ВКП(б) — 3, членов ВЛКСМ — 1, беспартийных — 122.

Совещание получило многочисленные приветствия от различных научных и общественных организаций и учреждений.

Первое всесоюзное археологическое совещание явилось важным этапом в развитии советской археологической науки, вскрывшим существенные недостатки в современном состоянии археологии и наметившим пути ее дальнейшего развития.

С. А. ТАРАКАНОВА

В УЧЕНОМ СОВЕТЕ ИИМК АН СССР

в 1945—1946 гг.

Ученый Совет Института истории материальной культуры Академии наук СССР в 1945 г. работал под председательством академика Б. Д. Грекова.

Следует указать, что крупные организационные мероприятия, проведенные Институтом в текущем году, — Всесоюзное археологическое совещание, резваяция Ташкентской и Елабужской групп ИИМК в Ленинград, участие в юбилейных мероприятиях в связи с 220-летием Академии наук СССР — не дали возможности в полной мере развернуть работу Ученого Совета.

В январе 1945 г. на заседании Ученого Совета состоялись: 1) доклад директора ИИМК акад. Б. Д. Грекова о работе Института за 1944 г. и 2) защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук М. П. Грязновым на тему: „Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане“. Исследование основано на результатах многолетних полевых работ, проведенных автором в Западном Казахстане. В четырех могильниках было исследовано 19 погребений, однородных по своему устройству и по находимым в них предметам. Обнаруженная в них керамика отчетливо представлена двумя типами: западным и восточным. Погребения датируются второй половиной второго тысячелетия до н. э. Материал могильников является основным источником для датировки всех

случайных и разрозненных находок Зап. Казахстана эпохи бронзы.

Официальные оппоненты А. В. Ардиховский и С. В. Киселев отметили большое научное значение и широкую известность работ М. П. Грязнова.

Ученый Совет постановил присвоить диссертанту степень кандидата исторических наук.

20 марта 1945 г. состоялись защиты диссертаций:

1) Е. А. Пахомовым — на тему „Клады Азербайджана“. Работа представляет обзор монетных находок, сделанных на территории Азербайджана. Изучение монет позволило автору датировать в Закавказье по-новому ряд культур, в частности — археологические материалы сырцевых погребений, культура которых относится к I в. до н. э. и I в. н. э. Интересна датировка зданий, находящихся в Бакинской бухте, где в кладке одной из стен была найдена монета начала XIII века. Картографирование монетных находок дало возможность автору выявить на Кавказе и в Закавказье строго определенные области распространения монет, определить направление торговых путей.

Официальные оппоненты С. П. Толстов, А. П. Смирнов и Б. Н. Заходер подчеркнули огромное научное значение представленного Е. А. Пахомовым труда. В лице Е. А. Пахомова мы имеем ученого с очень широким кругом научных интересов. Его работа по нумизматике Кавказа и сопредельных стран является ценнейшим вкладом в науку. За 40 лет своей научной деятельности Е. А. Пахомов имеет свыше 50-ти печатных исследований. Основываясь на этом и на работе, представленной к защите, Ученый Совет единодушно постановил присвоить Е. А. Пахомову ученую степень не кандидата, а доктора исторических наук.

2) Г. Ф. Корзухина с успехом защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему „Русские клады IX — XIII вв.“

Официальные оппоненты: П. Н. Третьяков и Б. А. Рыбаков отметили большой научный интерес представленной диссертанткой работы.

3) На заседании Ученого Совета 27 апреля 1945 года стояла защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук И. В. Фабрициус на тему: „Археологическая карта Украинского Причерноморья“.

Археологическая карта в деле планирования полевых работ и при осуществлении законов об охране археологических памятников имеет большое значение. По своему содержанию археологические карты различаются по двум основным типам: 1) описательные, 2) тематические. Представленное к защите исследование относится к первому типу. Диссертантка охарактеризовала методы собирания материалов к карте, представила подробную кар-

ту памятников, а также альбом многочисленных находок, иллюстрирующих карту.

Официальные оппоненты: Т. С. Пассек и М. В. Воеводский отметили большое научное значение представленной к защите работы, потребовавшей от диссертантки многолетнего и кропотливого труда. Разработанный И. В. Фабрициус метод составления археологических карт является ценным вкладом в науку.

Ученый Совет единогласно присудил И. В. Фабрициусу ученую степень кандидата исторических наук.

4) На заседании Ученого Совета 22 мая 1945 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук П. Н. Третьяковым на тему: „К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии нашей эры“. Работа рассматривает вопрос о значении земледелия в жизни племен Верхнего Поволжья и центральных областей Восточной Европы и вопрос этногенеза славян. Автор подчеркивает значение Верхнего Поволжья, как одного из древнейших и важнейших районов обитания восточного славянства.

Материалы, полученные в результате полевых археологических исследований в этом районе, дали возможность разрешить вопросы хронологии памятников.

Официальные оппоненты — акад. Б. Д. Греков, А. В. Ардиховский, Б. А. Рыбаков отметили, что диссертант хорошо известен своими научными трудами в области изучения истории восточного славянства и представленная им работа на основании археологических материалов по-новому освещает важнейшую тему этой проблемы.

Ученый Совет присудил П. Н. Третьякову ученую степень доктора исторических наук.

В связи с 220-летним юбилеем Академии Наук СССР 23 июня 1945 г. состоялось заседание Ученого Совета, в котором приняли участие иностранные гости — участники юбилейной сессии Академии наук СССР — английский археолог Гордон Чайльд (Эдинбург), профессор Генри Филд (Чикаго) и проф. Артур Пооп (Нью-Йорк).

На заседании были заслушаны доклады: Т. С. Пассек „О трипольском поселении Владимировка“, С. П. Толстова „О древне-хорезмийской культуре“, С. В. Киселева „Три находки из южной Сибири“ и Артура Пооп „О связях древней символики Китая, Передней Азии и Ирана“.

Заседание Ученого Совета, состоявшееся 12 июня 1945 г., было посвящено защите диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук А. А. Монгайтом на тему: „Старая Рязань“.

Городище „Старая Рязань“ является исключительным памятником в русской археологии. Материал из раскопок городища широко использован автором в его

труде. Интересными являются два вопроса, поставленные диссертантом о рязанско-тмураканских связях и о времени существования Старой Рязани.

Официальные оппоненты — Н. Н. Воронин и П. Н. Третьяков высоко оценили работу диссертанта.

Ученый Совет присудил А. А. Монгайту ученую степень кандидата исторических наук.

На заседании Ученого Совета 3 июля 1945 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук М. П. Грязновым на тему: „Пазырык. Погребение племенного вождя на Алтае“.

Официальные оппоненты: А. В. Арциховский, Б. Н. Граков, С. А. Токарев.

Пазырыкское погребение получило широкую известность. Статьи о пазырыкских находках неоднократно появлялись в печати за границей (Франции, Англии, Америки, Японии). Диссертант работал более десяти лет над тщательным изучением и описанием находок этого памятника. Определено его место среди памятников Алтая, определена культурная и хронологическая его принадлежность. В результате памятники эпохи ранних кочевников на Алтае и в приалтайских степях удалось разделить на три хронологические группы, соответственно трем этапам развития культуры.

Оппоненты единодушно отметили блестящие результаты исследования М. П. Грязновым пазырыкского материала, открытие автором самого памятника и применяемого им метода раскопок.

Ученый Совет присудил М. П. Грязнову ученую степень доктора исторических наук.

В 1945 г. постановлением Президиума Академии наук СССР был организован Ученый Совет при Ленинградском отделении Института. В первый год заседания Ученого Совета ЛОИИМК частично заменяли собою и заседания секторов.

Всего было проведено 19 заседаний, на которых заслушано 17 научных докладов сотрудников ЛОИИМК. Среди них: доклад А. Ю. Якубовского „Организация войск в эпоху Тимура“, К. В. Тревер „Кушаны и ефталиты по армянским источникам“, А. П. Окладникова „Археологические исследования на Лене в годы войны“, А. Н. Бернштама „Археологические исследования в Киргизии в годы войны“, М. К. Каргера „К вопросу о древнейшей истории Киева“ и др.

С 1946 года Ученый Совет ИИМК работает под председательством директора ИИМК — члена-корреспондента Академии Наук СССР А. Д. Удальдова.

Изменившиеся условия работы Института дали возможность по-иному организовывать и работу Ученого Совета.

В январе 1946 года Ученый Совет обсудил доклад члена-корр. АН СССР А. Ю. Якубовского „Топография г. Ити-

ля IX — X вв.“. Доклад вызвал живой интерес у присутствующих. В прениях приняли участие: акад. Б. Д. Греков, С. П. Толстов, А. П. Смирнов, Б. Н. Захoder и др. Выступавшие отметили большую заслугу А. Ю. Якубовского в разрешении этого важного и в то же время очень запутанного в истории вопроса.

Исследования А. Ю. Якубовским письменные и археологические источники помогают разрешить многие вопросы по истории культуры Хазарии и Булгар.

Заседание Ученого Совета 7 марта было посвящено обсуждению двух докладов: А. Я. Брюсова „Окский неолит“ и О. А. Граковой „Фатьяновская культура“.

На основании кропотливой работы над массовым археологическим материалом из Окского бассейна, А. Я. Брюсов установил в этом районе четыре неолитические культуры: Белевская, Рязанская, Волосовская и Балахнинская, отличающиеся своеобразием комплексов находок, наметил границы их распространения и датировку.

В докладе О. А. Граковой дана характеристика трех, хронологически различных, локальных групп фатьяновской культуры — московской, ярославской и чувашской. Отмечено различие в основном инвентаре этих групп и определена их датировка.

На заседании Ученого Совета 12 марта П. Н. Третьяковым был сделан предварительный отчет о результатах работы Бадканской археологической экспедиции.

26 марта на заседании Ученого Совета состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Н. Г. Порфиридовым на тему: „Древний Новгород“ (официальные оппоненты: Н. Н. Воронин и А. Л. Монгайт) и Н. А. Голубевой на тему: „Топография древнего Киева“ (официальные оппоненты: член-корр. АН СССР С. В. Бахрушин и Б. А. Рыбаков).

Ученый Совет присудил Н. Г. Порфиридову и Н. А. Голубевой искомые степени.

11 и 12 апреля заседание Ученого Совета ИИМК было посвящено памяти Б. В. Фармаковского в связи с 50-летием начала раскопок в Ольвии.

Памяти Б. В. Фармаковского были прочитаны доклады: 1) В. Д. Блаватский — „Б. В. Фармаковский, как ученый“, М. М. Кобылиной — „Б. В. Фармаковский — исследователь античного искусства“, В. В. Павловым — „Б. В. Фармаковский — исследователь восточного искусства“.

А. Н. Карасев в своем докладе „Оборонительные сооружения Ольвии“ дал развернутую характеристику фортификационных сооружений Ольвии эпохи ее расцвета, Б. Н. Граков прочитал доклад о ремеслах Скифии.

Большой интерес вызвал доклад П. Н. Шульца „О киммерийской скульптуре“,

впервые осветившей художественное творчество древнейших обитателей северного Причерноморья II и начала I тысячелетия до н. э.

На заседании Ученого Совета 18 апреля состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Л. А. Евтюховой на тему: „Археологические памятники Енисейских кыргызов“. Официальные оппоненты: А. В. Арциховский и А. П. Смирнов.

Диссертантка основывает свою работу на материалах археологических раскопок, проводившихся в течение последних два-

дцати лет в южной Сибири, при ее непосредственном участии. В исследовании дана характеристика четырех типов археологических памятников, определяемых по хронологическому и социальному признакам, а также очерк хозяйства и социальных отношений енисейских кыргызов.

Оппоненты отметили исключительный научный интерес представленной к защите работы. Ученый Совет присудил Л. А. Евтюховой ученую степень кандидата исторических наук.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный Музей Изобразительных Искусств им. А. С. Пушкина
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВО — Записки Восточного отделения Русского Археологического Общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии Наук
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. АзФАН — Известия Азербайджанского филиала Академии Наук СССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР
ИЯМ — Институт языка и мышления Академии Наук СССР
ИВАН — Институт Востоковедения Академии Наук СССР
КС ИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР
ЛГУ — Ленинградский ордена Ленина государственный университет
МАР — Материалы по археологии России
ОАК — Отчет Археологической комиссии
Тр. ОИАЭ при Сар. унив. — Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете
ХВ — Христианский Восток (журнал)
ЯИ — Яфетический институт Академии Наук СССР
ЯС — Яфетический сборник
-

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	5
------------------------------	---

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Н. Я. Марр</i> . Албанская надпись (с предисловием акад. И. И. Мещанинова) . . .	7
<i>В. А. Крачковская</i> . Арабская надпись из раскопок Н. Я. Марра в Ави	15
<i>Л. М. Меликсет-Беков</i> . Вишапы и вишапонды Грузии	27
<i>С. П. Толстов</i> . К вопросу о протохорезмийской письменности	38
<i>Р. Гиришман</i> . Раскопки французской экспедицией города Шапура в Фарсе . . .	43
<i>В. Д. Блаватский</i> . О технике росписи арибаллических лекифов	51
<i>А. К. Тахтай</i> . Новая надпись из Херсонеса Таврического II в. н. э.	58
<i>А. Иванова</i> . Голова варвара из Херсонеса	63
<i>Ф. Д. Гуревич</i> . Украшения со звериными головами из Прибалтийских могильников	68
<i>В. А. Миханкова</i> . Работа кабинета Н. Я. Марра за 1930—1944 гг.	77

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Н. П. Милонов</i> . Археологические обследования по реке Цне в Рязанской области	87
<i>М. Д. Гвоздовер</i> . Палеолитическая стоянка Бугорок	92
<i>А. П. Окладников</i> . Археологические работы на реке Лене в 1944 г.	98
<i>В. Р. Тарасенко</i> . Раскопки на городище Баручья Горка	102
<i>Е. И. Горюнова</i> . Селище Полянки	106
<i>К. В. Элле</i> . Клад Джучидских монет в Чувашской АССР	111
<i>Е. И. Крупнов</i> . Грузинский храм Тхаба-Ерды на Северном Кавказе	116
<i>С. А. Ершов</i> . Данденакан (Археологические разведки у Таш-Рабата в 1942 г.) . .	126

III. ИНФОРМАЦИЯ

<i>А. П. Окладников</i> . Уникальное каменное тесло с реки Колымы	137
<i>С. А. Семенов</i> . Костяные разбивальники из Роданова городища	138
<i>А. В. Збруева</i> . О датировке акинака из Луговского могильника	142

IV. ХРОНИКА

<i>С. А. Тараканова</i> . Всесоюзное археологическое совещание	146
<i>С. А. Тараканова</i> . В Ученом совете ИИМК АН СССР в 1945—1946 гг.	149

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *С. Т. Попова*
Технический редактор *О. В. Зальшкена*
Корректор *А. К. Бессмертная*

*

РИСО АН СССР № 2495. А — 04642. Тип. зак. № 790.
Подп. к печ. 20/III 1947 г. Формат бумаги 70 X 92¹/₁₆.
Печ. л. 9³/₄ + 4 вклейки. Уч.-издат. л. 12. Тираж 3500.

1-я Типография Издательства Академии Наук СССР.

Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

Цена — 13 руб.

ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>	<i>По чьей вине</i>
7	14—13 св.	роф. Н. Ф. Яковлевым	проф. Н. Ф. Яковлевым	тип.
27	19 св.	мегалитическими	мегалитическим	так в ор.

Краткие сообщения, вын. XV